

ВЕСТНИК ВОЕННОГО ПРАВА

№4
2018

УЧРЕДИТЕЛЬ – ИЗДАТЕЛЬ
ФЕДЕРАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ
КАЗЕННОЕ ВОЕННОЕ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЕ
УЧРЕЖДЕНИЕ ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ
«ВОЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ»
МИНИСТЕРСТВА ОБОРОНЫ
РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

123001, г. Москва,
ул. Большая Садовая, д. 14

Журнал зарегистрирован
Федеральной службой
по надзору в сфере связи,
информационных технологий
и массовых коммуникаций

Свидетельство
о регистрации средства
массовой информации
ПИ № ФС 77-62644
от 10 августа 2015 г.

Журнал включён в Перечень
рецензируемых научных изданий,
в которых должны быть опубликованы
основные научные результаты диссертаций
на соискание учёной степени
кандидата наук, на соискание учёной
степени доктора наук по юридическим
и военным наукам (Перечень ВАК)
31 января 2018 г. за № 2267 по группам
научных специальностей
12.00.00 – Юриспруденция,
20.00.00 – Военные науки

Журнал включён
в Российский индекс
научного цитирования
(РИНЦ)

Выходит 4 раза в год
на русском языке

Распространяется
в Российской Федерации

Представляемые к изданию статьи
проходят обязательную экспертизу
в соответствии с требованиями
Инструкции о порядке подготовки
в Вооружённых Силах
Российской Федерации
материалов к открытому опубликованию

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ

Председатель редакционного совета:

Мишуткин Игорь Викторович,
начальник Военного университета
Министерства обороны Российской Федерации

Члены редакционного совета:

Безбабнов Олег Геннадьевич,
директор Правового департамента
(начальник юридической службы)
Министерства обороны Российской Федерации

Дерешко Богдан Юльевич,
заместитель начальника Всероссийского
научно-исследовательского института
МВД России по научной работе

Ивановский Владимир Сергеевич,
начальник Главного управления военной полиции
Министерства обороны Российской Федерации

Маликов Сергей Владимирович,
советник Управления по вопросам
государственной службы и кадров
Администрации Президента Российской Федерации

Марченков Валерий Иванович,
главный научный сотрудник (научный руководитель)
Военного университета

Петров Валерий Георгиевич,
заместитель Генерального прокурора
Российской Федерации - Главный военный прокурор

Сорочкин Александр Сергеевич,
заместитель Председателя Следственного
комитета Российской Федерации – руководитель
Главного военного следственного управления

Солонин Дмитрий Олегович,
помощник начальника Военного университета по
работе с вернувшимися военными служащими

Хомчик Владимир Владимирович,
заместитель Председателя Верховного Суда
Российской Федерации – председатель Судебной
коллегии по делам военнослужащих

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

Председатель:

Винокуров Александр Юрьевич,
доктор юридических наук, доцент

Заместитель председателя:

Никонович Сергей Леонидович,
доктор юридических наук, профессор

Члены редакционной коллегии:

Бараненков Вячеслав Вячеславович,
доктор юридических наук, профессор

Дамаскин Олег Валерьевич,
доктор юридических наук, профессор

Землин Александр Игоревич,
доктор юридических наук, профессор

Кандыбко Наталья Викторовна,
доктор экономических наук, профессор

Кардаш Игорь Леонидович,
доктор военных наук, профессор

Корякин Виктор Михайлович,
доктор юридических наук, доцент

Кушнир Андрей Михайлович,
доктор экономических наук, профессор

Лиховидов Константин Станиславович,
доктор юридических наук, доцент

Мазаник Александр Иванович,
доктор военных наук, профессор

Мигачев Юрий Николаевич,
доктор юридических наук, профессор

Никитин Алексей Николаевич,
доктор юридических наук,
доктор исторических наук, профессор

Рыльская Марина Александровна,
доктор юридических наук, доцент

Толкаченко Анатолий Анатольевич,
доктор юридических наук, профессор

Топорков Анатолий Алексеевич,
доктор юридических наук, профессор

Журнал ориентирован на публикацию результатов научных исследований по специальности 20.02.03 –

«Военное право, военные проблемы международного права», а также иных научных работ, в которых рассматриваются вопросы правового обеспечения обороны и военной безопасности государства

- Ответственность за содержание публикаций несут авторы
- Мнение редакционной коллегии может не совпадать с точкой зрения авторов публикаций
- Рукописи авторам не возвращаются
- Перепечатка материалов возможна только по согласованию с редакцией

Главный редактор:

Винокуров А.Ю.

Заместитель главного редактора:

Никонович С.Л.

Научный редактор:

Дерешко Б.Ю.

Редактор:

Тюрина О.А.

Перевод аннотаций
на английский язык:

Малютина А.Е.

Верстка:

Горшенин П.Ю.

Адрес редакции:

111033, г. Москва,
ул. Б. Садовая, д. 14

E-mail: vestnikvp-vu@mail.ru

www.вестник-вп.рф

Подписано в печать:
ноябрь 2018

Формат 70х108 1/16.

Печать офсетная.

Тираж 1000 экз.

Отпечатано в типографии
«ИСПО принт»

г. Москва, ул. Щипок, д. 28

Тел.: 8 (499) 235-54-52

E-mail: zakaz@ispo-print.ru

www.ispo-print.ru

СОДЕРЖАНИЕ

ОТ ПЕРВОГО ЛИЦА

А.В. КОЗЛОВ Военным судам Российской Федерации - 100 лет	7
---	---

ВETERАН ВОЕННОГО ПРАВА

В.И. КАЧАЛОВ Путь военного юриста: 75 лет И.И. Мельникову	11
--	----

НАУЧНО-ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ

В.В. БАРАНЕНКОВ Системный подход в военно-правовых исследованиях: сущность и содержание	15
--	----

МЕЖДУНАРОДНОЕ ГУМАНИТАРНОЕ ПРАВО

А.С. СОРОЧКИН Автономные системы вооружения в контексте норм международного гуманитарного права	25
--	----

ВОЕННО-ФИНАНСОВОЕ ПРАВО

А.И. ЗЕМЛИН, Н.В. СЫНКОВ Принципы построения системы общественного контроля за осуществлением государственных закупок в Вооружённых Силах Российской Федерации	34
---	----

Трибуна соискателя

С.А. МИНТЯГОВ Функции военной полиции Вооружённых Сил Российской Федерации	41
---	----

СОЦИАЛЬНАЯ ЗАЩИТА ВОЕННОСЛУЖАЩИХ

В.И. КОВАЛЁВ Актуальные вопросы соблюдения порядка увольнения жён военнослужащих при переводе супруга к новому месту военной службы для получения социальных выплат	49
--	----

ЗАКОННОСТЬ И ПРАВОПОРЯДОК

А.Н. ПОЛЯНКО

Следственные ситуации начального этапа расследования преступлений, связанных с оборотом недвижимого имущества Министерства обороны Российской Федерации ... 57

А.П. НИКИТИН

Зарубежный опыт функционирования системы органов военной прокуратуры на примере США62

А.С. ПАРШАКОВ

К вопросу о правовом регулировании профилактики
криминальной виктимности военнослужащих69

МНЕНИЕ ЭКСПЕРТА

Б.Ю. ДЕРЕШКО

Формирование правовых основ военно-политической работы 77

И.С. ЖУДРО

К проблеме международно-правовой квалификации морских пространств Северного Ледовитого океана82

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ: ОБСУЖДЕНИЯ, ДИСКУССИИ

Научная школа «Правовое регулирование финансового обеспечения Вооруженных Сил Российской Федерации» 90

КАЛЕНДАРЬ ПАМЯТНЫХ ДАТ

Ратные подвиги военных прокуроров и следователей в годы Великой Отечественной войны 1941-1945 гг.93

ИНФОРМАЦИЯ

Правила направления, рецензирования и опубликования научных статей
в журнале «Вестник военного права» (общие требования) 95

CONTENTS

EXECUTIVE OPINION

A.V. KOZLOV	
Military courts of the Russian Federation mark 100 years.....	7

VETERAN OF THE MILITARY LAW

V.I. KACHALOV	
The way of a military lawyer: I. I. Melnikov celebrates 75TH anniversary	11

RESEARCH AND DEVELOPMENT

V.V. BARANENKOV	
SYSTEM APPROACH IN MILITARY-LEGAL RESEARCH: ESSENCE AND CONTENT.....	15

INTERNATIONAL HUMANITARIAN LAW

A.S. SOROCHKIN	
Autonomous weapons systems in the context of international humanitarian law	25

MILITARY FINANCIAL LAW

A.I. ZEMLIN, N.V. SYNKOV	
Principles of building a system of public control over the implementation of public procurement in the Armed Forces of the Russian Federation	34

DEGREE SEEKER'S ROSTRUM

S.A. MINTYAGOV	
Functions of the Military Police of the Russian Federation armed forces.....	41

SOCIAL PROTECTION OF MILITARY PERSONNEL

V. I. KOVALEV	
Topical observance issues of the order of dismissal of servicemen's wives when transferring a spouse to a new place of military service for social benefits	49

LAW AND ORDER

A.N. POLYANKO

Investigative situations of the initial stage of investigation of crimes related to the turnover of real estate of the Ministry of defence of the Russian Federation..... 57

A.P. NIKITIN

Foreign experience in the functioning of the military Prosecutor's office on the example of the United States62

A.S. PARSHAKOV

On the legal regulation of prevention criminal victimization of military personnel69

EXPERT OPINION

B.J. DERESHKO

Formation of the legal basis of military and political work77

I.S. ZHUDRO

On the problem of international legal qualification of the Arctic ocean Maritime spaces.....82

ACADEMIC LIFE: DISCUSSIONS

Scientific school «Legal regulation of financial support of the Armed Forces of the Russian Federation» 90

THE CALENDAR OF MEMORABLE DATES

Military feats of military prosecutors and investigators during the great Patriotic war of 1941-194593

INFORMATION

Rules of direction, review and publication of scientific articles in the journal «Journal of military law» (General requirements) 95

ВОЕННЫМ СУДАМ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ - 100 ЛЕТ

14 октября 1918 г. был образован Революционный военный трибунал Республики, руководивший всеми военными трибуналами. Дата его первого распорядительного заседания, которое состоялось 8 декабря 1918 г, стала точкой отсчета истории советских военно-судебных органов, предшественников современных военных судов.

Накануне 100-летнего юбилея этого события по приглашению Военного университета информацией о состоянии и перспективах развития отечественной военно-судебной системы с читателями поделился заместитель Председателя Верховного Суда Российской Федерации – председатель Судебной коллегии по делам военнослужащих, заслуженный юрист Российской Федерации Владимир Владимирович Хомчик.

– Владимир Владимирович, в канун празднования юбилея отечественных военных судов нашим читателям будет интересно узнать о современном состоянии и перспективах развития военно-судебной системы.

– Современная военно-судебная система свой отсчет ведет с начала функционирования Военно-революционного трибунала Республики. 100 лет назад, 8 декабря 1918 г., он приступил к своей работе.

Следует отметить, что история военно-судебных учреждений России началась задолго до этой даты и проследить её можно как минимум на протяжении последних трёхсот лет. Она неразрывно связана с созданием регулярной Российской армии и реформами Петра I.

– Какие задачи стояли и стоят сегодня перед военными судами?

– История военных судов тесно переплетена с историей судебной системы России в целом и её Вооружённых Сил, поэтому регламентации их деятельности государство уделяло особое внимание. Общеизвестно, что правонарушения, совершаемые военнослужащими, ослабляют уровень боевой готовности армии и флота и влияют на их способность защищать суверенитет государства. Поэтому все страны, и Россия не исключение, наделяют те или иные органы государства властными полномочиями по использованию правовых санкций в отношении людей в погонах, совершивших правонарушения.

Важнейшими задачами в течение всего периода деятельности военных судов были и остаются защита интересов государства, укрепление законности, поддержание правопорядка, воинской дисциплины и боеспо-

способности в Вооружённых Силах Российской Федерации, в других войсках, воинских формированиях и органах, соблюдение прав и законных интересов военнослужащих, рассмотрение уголовных дел о совершении наиболее опасных преступлений.

В настоящее время деятельность военных судов регулируется Федеральным конституционным законом «О военных судах Российской Федерации». Им определено, что военные суды, являясь федеральными судами общей юрисдикции и входя в судебную систему Российской Федерации, осуществляют судебную власть в Вооружённых Силах, других войсках, воинских формированиях и органах, в которых федеральным законом предусмотрена военная служба.

Военные суды рассматривают подсудные им дела в порядке гражданского, административного и уголовного судопроизводства. Первейшими задачами военных судов являются обеспечение законности и защиты нарушенных и (или) оспариваемых прав, свобод и охраняемых законом интересов человека и гражданина, юридических лиц и их объединений.

– Сегодня противодействие терроризму становится одной из основных задач обеспечения национальной безопасности для любой страны.

– Вы правы. Это в высшей степени актуальная и многоплановая проблема. Она требует системного подхода для ее решения. Терроризм за последние годы приобрел глобальный характер. Он угрожает интересам граждан, общественной безопасности, стабильности государств независимо от их политической системы, международным отношениям в целом. В современной России рост террористических угроз происходит на фоне обострения и распространения политического, этнического, религиозного экстремизма.

Это опасное социальное явление имеет много сходного с такими традиционными формами вооруженного противоборства, как война, вооруженный конфликт. Они имеют одинаковую насильственную основу действий. Главная деструктивная роль терроризма заключается в том, что это явление направлено на дестабилизацию государственного режима и устрашение общества.

Роль судебных органов заключается в признании организаций террористическими и в рассмотрении уголовных дел в отношении лиц, совершивших преступле-

ния террористической направленности. С 2003 г. по 2017 г. Верховным Судом Российской Федерации, а также окружными военными судами были признаны террористическими и запрещена деятельность на территории России 27 организаций, наиболее резонансными из которых являются «Аль-Каида», «Хизб ут-Тахрир аль-Ислами», «Движение Талибан», «Имарат Кавказ», «Исламское государство», Джебхат ан-Нусра.

– Уголовная политика Российской Федерации в отношении преступлений террористической направленности в последнее время претерпела существенные изменения.

– Да, происходящие в стране и в мире события влияют на оценки угроз, содержание и тактику противодействия терроризму. За достаточно короткий промежуток времени сформирован комплекс уголовно-правовых норм, направленных на защиту общественных отношений и государственных интересов от деяний террористической направленности. Они, в совокупности с другими принятыми мерами, образуют эффективную систему противодействия терроризму.

Например, увеличение числа преступлений террористической направленности и, как следствие, возникновение угроз личной безопасности участников судебного разбирательства привело к тому, что дела террористической направленности по решению Верховного Суда Российской Федерации стали передаваться для рассмотрения в окружной военный суд.

Опасности и угрозы, возникавшие при рассмотрении таких дел судами общей юрисдикции, потребовали изменений в уголовно-процессуальном законодательстве по вопросам территориальной подсудности уголовных дел данной категории.

С 1 января 2015 г. Московскому и Северо-Кавказскому окружным военным судам по подсудности были переданы на рассмотрение уголовные дела, сопряженные с осуществлением террористической деятельности. С 20 июля 2016 г. рассмотрение уголовных дел этой категории возложено на Приволжский окружной военный суд, а с 7 июня 2017 г. также на Дальневосточный окружной военный суд.

Статистика свидетельствует, что в 2015 г. Московским и Северо-Кавказским окружными военными судами рассмотрено с вынесением приговоров более 80 дел тер-

рористической направленности в отношении более чем 120 лиц. В 2016 г. Московским, Приволжским и Северо-Кавказским окружными военными судами рассмотрено более 180 дел данной категории в отношении более чем 220 лиц. В 2017 г. Дальневосточным, Московским, Приволжским и Северо-Кавказским окружными военными судами рассмотрено более 250 дел данной категории в отношении более чем 350 лиц.

Всего за три года названными окружными военными судами рассмотрено более 500 дел террористической направленности в отношении более чем 700 человек.

Наиболее резонансными стали: уголовное дело о совершении ряда тяжких и особо тяжких преступлений Исой Хашагульговым и др., среди которых взрыв на рынке во Владикавказе в 2010 г.; уголовное дело о совершении актов терроризма в 2001-2002 гг. Хасаном Закаевым и др., в том числе, во время мюзикла «Норд-Ост». Участники особо тяжких и тяжких преступлений привлечены к наказаниям, связанным с пожизненным лишением свободы либо с длительными сроками ее лишения.

Статистические данные, а также расширение перечня окружных военных судов, подсудности которых была отнесена данная категория дел, свидетельствует о том, что военные суды успешно справляются с возложенными на них задачами по противодействию терроризму.

– Владимир Владимирович, в каком составе и с какими результатами военно-судебная система встречает юбилей?

– На сегодняшний день правосудие в Вооруженных Силах осуществляют 12 окружных (флотских), 107 гарнизонных военных судов.

В состав военных судов по состоянию на январь 2018 г. входили свыше 750 судей. Совместно с работниками аппаратов военных судов они обеспечивают законность и воинский порядок во всех видах и родах войск, в том числе, в Ракетных войсках стратегического назначения, Воздушно-космических силах, Военно-морском флоте и т. д.

Только за 2017 г. военными судами рассмотрено 110 312 судебных дел, в том числе, 9 625 уголовных дел, 53 093 административных и гражданских дела, 14 888 дел об административных правонарушениях, 3 297 материалов о дисциплинарном аресте и др.

– Какие Вы видите проблемные вопросы, требующие решения при дальнейшем

совершенствовании законодательства об организации деятельности военных судов?

– В военно-судебной деятельности есть некоторые нерешенные проблемы. К ним, в первую очередь, необходимо отнести вопросы деятельности военных судов в военное время.

Особенностью военных судов является то, что они рассматривают дела в отношении военнослужащих и осуществляют правосудие в специфических армейских условиях. В то же время судьи и работники аппаратов военных судов сегодня не являются военнослужащими.

Представляется, что в условиях военного положения, боевых действий потребуются внесение изменений в законодательство о статусе судей и работников аппарата военных судов, в соответствии с которыми с объявлением военного положения они должны надевать погоны.

Реформа военно-судебной системы и замена военной службы государственной гражданской службой, безусловно, способствуют повышению открытости, доступности информации о деятельности военных судов, однако для условий военного положения, ведения боевых действий оправдано введение в военных судах, в случаях военного положения, военной службы. Это будет способствовать осуществлению правосудия в специфических армейских условиях, в том числе, с риском для жизни.

Солидарен с позицией учёных-правоведов о том, что судьи военных судов должны иметь не только специальную военную подготовку, но и стаж военной службы для успешного выполнения поставленных задач в период военного положения.

– Владимир Владимирович, в условиях, когда судьи военных судов больше не являются военнослужащими, необходима ли им военно-юридическая подготовка?

– Действительно, судьи и работники аппаратов военных судов в настоящее время не являются военнослужащими. В 2009 г. был упразднен институт прикомандирования военнослужащих к Верховному Суду Российской Федерации, военным судам и, как следствие, упразднено прохождение ими военной службы на судебных должностях и должностях работников аппаратов военных судов.

Залог успешного решения возложенных на военные суды задач – кадровый состав. Большинство судей военных судов явля-

ются офицерами запаса, реально проходившими военную службу в рядах Вооружённых Сил. Они хорошо знают специфику воинских взаимоотношений, особенности армейского быта, на своём опыте познали тяготы и лишения военной службы.

Практика назначения на должности судей таких специфически подготовленных претендентов сложилась исторически и обеспечена Федеральным конституционным законом «О военных судах Российской Федерации». Согласно ему преимущественным правом назначения на должность судьи военного суда обладает военнослужащий, имеющий воинское звание офицера, а также гражданин, имеющий воинское звание офицера, пребывающий в запасе или находящийся в отставке.

Необходимость военно-юридической подготовки судей и их помощников обусловлена спецификой правового регулирования военно-служебных отношений. Изучение таких учебных дисциплин, как военная администрация, военно-уголовное право, судебная защита прав военнослужащих и ряда других дисциплин позволяет военным судьям качественно рассматривать дела в порядке гражданского, административного и уголовного судопроизводства.

– В ближайшее время система военных судов пополнится кассационным и апелляционным военными судами.

– Да, реформа связана с давно возникшей объективной необходимостью создания в Российской Федерации структурно самостоятельных кассационных и апелляционных судов общей юрисдикции. Она обусловлена потребностью в функционировании в рамках подсистемы судов общей юрисдикции организационно обособленных судебных инстанций в целях максимального обеспечения их независимости и самостоятельности при рассмотрении апелляционных и кассационных жалоб и представлений на судебные постановления. Их деятельность не будет осуществляться в том же субъекте Российской Федерации и тем более в том же суде, которым дело рассматривалось в первой инстанции.

Согласно Федеральному конституционному закону «О внесении изменений в Федеральный конституционный закон "О судебной системе Российской Федерации" и отдельные федеральные конституционные законы в связи с созданием кассационных судов общей юрисдикции и апелляционных

судов общей юрисдикции» система военных судов будет включать кассационный военный суд и апелляционный военный суд.

Очевидно, что принятие нового Федерального конституционного закона направлено на совершенствование структурированности судебных инстанций независимости и самостоятельности их функционирования.

Кассационный военный суд создается в г. Новосибирске. В соответствии с установленной федеральными законами подсудностью он будет рассматривать дела в качестве суда кассационной инстанции по жалобам и представлениям на вступившие в законную силу судебные акты гарнизонных военных судов, окружных (флотских) военных судов и апелляционного военного суда, а также дела по новым или вновь открывшимся обстоятельствам.

Апелляционный военный суд с местом постоянной дислокации в городском округе Власиха Московской области планирует к рассмотрению дела в качестве суда апелляционной инстанции по жалобам, представлениям на судебные акты окружных (флотских) военных судов, принятые ими в качестве суда первой инстанции и не вступившие в законную силу, а также дела по новым или вновь открывшимся обстоятельствам.

– Спасибо, Владимир Владимирович, за актуальную информацию. Поздравляем Вас и Ваших коллег с предстоящим юбилеем!

– В свою очередь хочу отметить, что вся история становления и развития военно-судебных органов свидетельствует о том, что военные суды, имея в своем арсенале профессиональных судей, богатейшую историю и устоявшиеся традиции, продолжают совершенствоваться.

Мы достойно встречаем юбилей, и нам есть чем гордиться. Военные суды успешно решают возложенные на них задачи, достойно отвечают на все современные угрозы и вызовы, а военные судьи и работники аппаратов военных судов вкладывают все свои силы, знания и опыт в дело дальнейшего укрепления законности и воинского порядка в Вооружённых Силах Российской Федерации.

*Интервью подготовил А.В. Козлов
(Военный академический журнал,
2018 г., № 3, С. 47-52)*

ПУТЬ ВОЕННОГО ЮРИСТА: 75 лет И.И. Мельникову

В.И. КАЧАЛОВ,

профессор кафедры уголовно-процессуального права им. Н.В. Радутной Российского государственного университета правосудия, доктор юридических наук, доцент

E-mail: vestnik-vp@mail.ru

Аннотация. Статья посвящена юбилею выдающегося человека, кандидата юридических наук, доцента, заслуженного

юриста Российской Федерации, полковника юстиции в отставке – Ивана Ивановича Мельникова

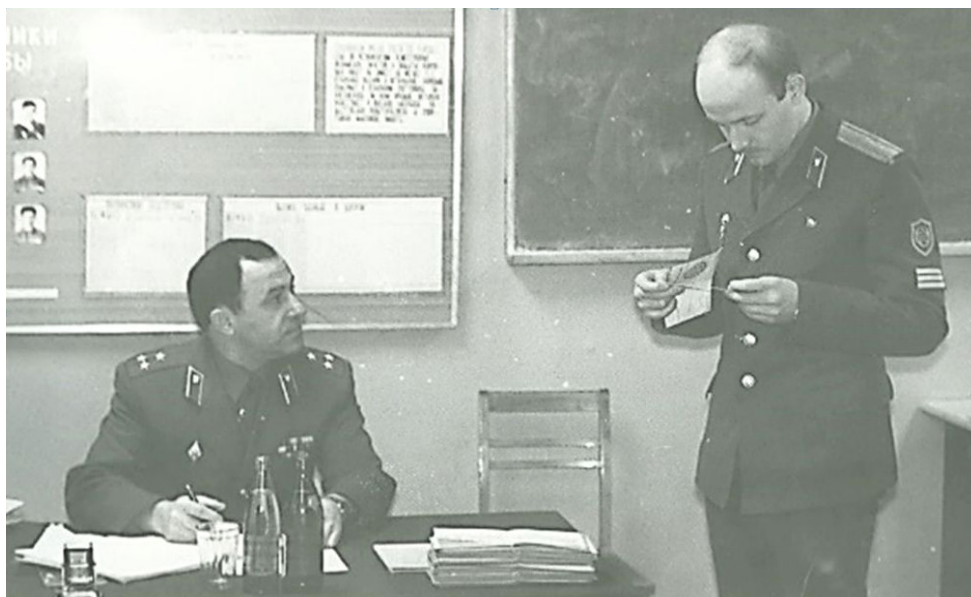
Ключевые слова: И.И. Мельников; профессор; институт Федеральной службы безопасности Российской Федерации

Ещё в 360 г. до н. э. в трактате «Государство», вошедшем в историю как диалог Платона, выделялись три сущностных начала государства: совещательное, защитное и деловое. Последний аспект, по мнению Платона, позволил сформировать три сословия – философов-правителей, производителей (ремесленников и земледельцев) и воинов-защитников. В этой связи обстоятельства, связанные с защитными началами государства и сословием воинов-защитников, позволяют говорить о невозможности построения и существования любого государства без армии и воин-

ского сословия. Одной из основ любой военной организации государства является воинская деятельность, которая, как правило, обусловлена объективными потребностями в использовании вооружённой силы для удовлетворения политических или иных интересов государства. Кроме того, с историей военной организации государства и выполняемыми ею функциями неразрывно связано и становление, и развитие отечественных органов военной юстиции. Как верно отмечает А.А. Толкаченко, «...объективная потребность в военной юстиции возникла там и тогда, где и когда появилась развитая военная организация государства и разносторонне обеспечивающее ее военное право. Видная роль в становлении и развитии собственно военного права принадлежит и субъективному фактору – отечественным военным юристам, которые "превосходную степень принимали за норму", которые многие военно-правовые нормы писали кровью, ради жизни, ради практики, а не "во имя грызущей критики мышей"».

Военные юристы, как и все военнослужащие, «службу себе сами выбирали: жизнь не райскую и не адскую – посередине как раз – солдатскую...». Они никогда не находились в стороне от профессии «Родину защищать». Эти слова в первую очередь касаются Мельникова Ивана Ивановича, кандидата юридических наук, доцента, заслуженного юриста Российской Федерации, полковника юстиции в отставке.

Родился Иван Иванович Мельников 29 декабря 1943 года в деревне Красное Суражского района Брянской области. Его детство, как и детство многих его сверстников, пришлось на нелёгкие послевоенные годы, особенно в тех местностях, которые были временно оккупированы немецко-фашистскими войсками. Это касается Суражского района Брянской области. После окончания средней общеобразовательной школы с золотой медалью Иван Иванович поступил в Тамбовское военное авиационное радиотехническое училище. За годы учёбы у молодого курсанта Мельникова сформировались не только железный, волевой характер, но и чувство справедливости, человечности по отношению к товарищам, сослуживцам. Отзывчивость и стремление помочь людям стали неотъемлемыми ориентирами жизненного пути Ивана Ивановича. Само военное учебное заведение Иван Иванович окончил с отличием и был распределён на офицерскую должность радиотехнической специальности Военно-Воздушных Сил Советской Армии. При этом молодому лейтенанту Мельникову Ивану Ивановичу пришлось более пяти лет прослужить в Забайкальском военном округе (ЗабВО), в войсках, дислоцированных на территории Монголии, в районе пустыни Гоби, которая является третьей по величине жаркой пустыней в мире. Военная служба в отдалённых местностях позволила пол-

ностью раскрыть не только железный, волевой характер молодого командира, но и чуткое отношение к личному составу, его тяготам и лишениям, связанным с военной службой в столь суровых климатических условиях. Однако молодой офицер решил стать военным юристом, и с этой целью он прибыл для сдачи вступительных экзаменов в г. Москву, на военно-юридический факультет Военно-политической академии имени В.И. Ленина. Успешно сдав вступительные экзамены и поступив на военно-юридический факультет, старший лейтенант Мельников решил посвятить себя в дальнейшем военной службе в органах военной юстиции. Во время учёбы Иван Иванович не раз участвовал в научных мероприятиях, за что поощрялся командованием факультета, академии. Именно в стенах Военно-политической академии имени В.И. Ленина проявилось у старшего лейтенанта Мельникова стремление к научной и педагогической деятельности, которое он в дальнейшем успешно реализовывал в своей профессиональной деятельности.

Иван Иванович в 1973 году окончил военно-юридический факультет Военно-политической академии имени В.И. Ленина с отличием и был назначен следователем военной прокуратуры. Последовательно, с 1973 по 1979 годы, проходит военную службу на офицерских должностях следователя, старшего следователя, по-

мощника, старшего помощника военного прокурора военной прокуратуры Калининского, Московского гарнизонов. Однако стремление к научной и педагогической деятельности стало приоритетным у Ивана Ивановича. Поэтому в начале 1979 года Иван Иванович Мельников был переведён с должности старшего помощника военного прокурора военной прокуратуры Московского гарнизонов на должность преподавателя кафедры уголовного права и процесса Военного института Министерства обороны СССР, где с 1974 года осуществлялось военное юридическое образование.

С 1979 по 2004 годы Мельников Иван Иванович проходит военную службу на кафедре уголовного права и процесса в составе Военного института Министерства обороны СССР, Военного Краснознамённого института Министерства обороны СССР, Военной академии экономики, финансов и права Вооружённых Сил Российской Федерации, Военного университета Министерства обороны Российской Федерации на должностях: преподавателя, старшего преподавателя, доцента, профессора. В 1986 году Иван Иванович в качестве соискателя без освобождения от служебных обязанностей подготовил диссертационное исследование на соискание учёной степени кандидата юридических наук по теме «Дознание в Вооружённых Силах СССР», которую под научным руководством профессора А.С. Кобликова

успешно защитил. Именно в данном диссертационном исследовании соискатель Мельников Иван Иванович не только рассмотрел особенности, которые характерны для уголовно-процессуальной деятельности предварительного расследования в форме дознания, осуществляемого в условиях Вооружённых Сил СССР, но и обратил внимание на определённые условия, которые необходимо соблюсти для производства предварительного расследования в форме дознания. В 1989 году Мельникову Ивану Ивановичу присвоено учёное звание «доцент по кафедре уголовного права и процесса».

В 1994 году Мельникову Ивану Ивановичу Указом Президента Российской Федерации за заслуги в укреплении законности и правопорядка, защите прав и законных интересов граждан, формировании правового государства, развитии юридических наук, подготовке юридических кадров, как квалифицированному юристу было присвоено почётное звание «Заслуженный юрист Российской Федерации».

После более 45 лет прохождения военной службы в Вооружённых Силах СССР и Российской Федерации Иван Иванович увольняется с военной службы. За время прохождения военной службы Мельников Иван Иванович был награждён многими медалями СССР и Российской Федерации. После увольнения в запас Иван Иванович не уходит на заслуженный отдых. Он продолжает обучать молодое поколение военных

юристов, работая на кафедре в Московском пограничном институте ФСБ России.

За многолетнюю научно-педагогическую деятельность Иван Иванович опубликовал большое количество учебных и научных работ: учебники, курсы лекций, учебные и учебно-методические пособия, статьи.

Научные интересы Ивана Ивановича Мельникова охватывают широкий спектр фундаментальных и прикладных проблем в сфере уголовного процесса, военного права и других отраслей законодательства уголовно-правового комплекса. В

первую очередь сферу научных интересов Ивана Ивановича составляют проблемы уголовно-процессуальной деятельности на досудебной части уголовного судопроизводства. Ряд его публикаций посвящён концептуальным вопросам уголовно-процессуальной деятельности командира воинской части как органа дознания.

Под научным руководством Ивана Ивановича Мельникова подготовлено и защищено более пяти диссертаций на соискание учёной степени кандидата юридических наук.

Дорогой Иван Иванович! Руководство Военного университета, Ваши коллеги и ученики поздравляют Вас с юбилеем! Желаем здоровья, многих творческих успехов, оптимизма, осуществления Ваших желаний и надежд!

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ

Качалов Виктор Иванович,

Профессор кафедры уголовно-процессуального права им. Н. В. Радутной Российского государственного университета правосудия, доктор юридических наук, доцент
117418, г. Москва, ул. Новочерёмушкинская д. 69
E-mail: vestnik-vp@mail.ru

VETERAN OF THE MILITARY LAW THE WAY OF A MILITARY LAWYER: I.I. MELNIKOV CELEBRATES 75TH ANNIVERSARY

Viktor I. KACHALOV

sciences, associate professor, honored lawyer of the Russian Federation, retired colonel Ivan Ivanovich Melnikov.

Abstract. The article is devoted to the jubilee of an outstanding person, candidate of legal

Keywords: I.I. Melnikov; professor; Institute of the Federal Security Service of the Russian Federation

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Kachalov Viktor Ivanovich,

Professor of the Department of Criminal Procedural Law of the Russian State University of Justice named after N.V. Radutnaya, Dr. Sc. (Law), Associate Professor
69 Novocheriomushkinskaya Str., Moscow, 117418, Russian Federation
E-mail: vestnik-vp@mail.ru

СИСТЕМНЫЙ ПОДХОД В ВОЕННО-ПРАВОВЫХ ИССЛЕДОВАНИЯХ: СУЩНОСТЬ И СОДЕРЖАНИЕ

В.В. БАРАНЕНКОВ,

доктор юридических наук, профессор,
Вестник военного права, член редакционной коллегии,
E-mail vestnik-vp@mail.ru.

Аннотация. в статье анализируется содержание системного подхода и особенности его применения в военно-правовых исследованиях. Проблема состоит в том, что в правовой науке не определён порядок использования указанного подхода. В целях решения указанной проблемы автором определены сущность и содержание системного подхода, особенности

и этапы его применения, позволяющие раскрыть сущность анализируемого военно-правового явления, показав его состав и структуру, функции во всей совокупности правовых и иных отношений, обосновать направления совершенствования, соответствующие его правовой природе.

Ключевые слова: системный подход, военно-правовые исследования, системные свойства, синергетические свойства, эмерджентность, применение системного подхода.

Как гласит легенда, древнегреческий философ Платон определил человека как двуногого существа без перьев, после чего его оппонент Диоген оцупал петуха, представив его в качестве иллюстрации несовершенства такого определения.

В военном праве не менее остро стоит вопрос об адекватности и научной обоснованности дефиниций, правильности определения сущности военно-правовых явлений. В этом, как представляется, может помочь системный подход.

Системный подход достаточно широко используется в правовых исследованиях [4; 5; 15; 16; 19; 21; 26]. В военно-правовой науке¹ в силу её междотраслевой природы применение системного подхода

представляется особенно актуальным.

Так, например, в военном праве правовое положение военных организаций рассматривается с позиций не только военно- административных, но и различных иных видов правоотношений (гражданских [22], финансовых [8; 23], трудовых [7], земельных [11] и т.д.). С одной стороны это само по себе свидетельствует о многомерности военно-правовых явлений. С другой – подтверждает важность системного их рассмотрения, с обязательным учетом взаимного влияния различных факторов [2, с. 442 – 443]. В частности, рассматривая вопрос о правовом положении некой военной организации (полка, дивизии, военного округа), в современных условиях уже недостаточно просто определить её военно-административное положение (оно обычно достаточно чётко определяется в соответствующих положениях об этих организациях и в правоу-

¹ Военное право как науку следует рассматривать как систему знаний о правовом содержании процессов и явлений, складывающихся в различных сферах военной деятельности государства, а также иной деятельности, тесно с ней связанной предметом правового регулирования [14].

становливающих приказов). Для решения о том, может ли данная организация выступать в качестве работодателя, казенного учреждения, субъекта земельного, экологического права, арбитражного процесса и т.д. необходимо определить, является ли оно юридическим лицом, т.к. это является в соответствии с современным законодательством обязательным условием наделения организации правосубъектностью в большинстве видов правоотношений. В то же время далеко не любая военная организация может быть наделена статусом юридического лица, т.к. в этом случае, став субъектом бюджетных, имущественных и ряда иных правоотношений, организация становится настолько самостоятельной, что, например, любая передача имущества либо денежных средств становится крайне сложной. Так, например, в случае наделения статусом юридического лица полков, командование дивизии не сможет оперативно передавать из одного полка в другой на законном основании ни технику, ни ГСМ, ни вещевое имущество. В связи с этим правильное определение правового положения военной организации возможно только при комплексном (системном) подходе, учитывающем весь комплекс правоотношений, в которых она участвует.

Рассмотрим другой пример – исследуя правовое положение начальника кафедры военного вуза, важно учитывать множество его «ипостасей» (правовых статусов):

- гражданина Российской Федерации;
- офицера;
- преподавателя;
- командира подразделения;
- учёного;
- представителя работодателя (для гражданского персонала);
- супруга и родителя;
- собственника жилого помещения;
- водителя транспортного средства и т.д.

Его поведение в различных условиях обстановки будет определяться соответствующими статусами, а в некоторых случаях – сразу несколькими. Так, например, как гражданин России он имеет право заниматься предпринимательской деятельностью, а как военнослужащий – нет. Как командир подразделения – не имеет

права сдавать принадлежащую ему на праве собственности квартиру своему подчиненному и т.д.

В то же время, «конструируя» права, обязанности, важно учитывать и то, что у военнослужащего как у биологического существа есть соответствующие потребности (он нуждается в пище, отдыхе и т.д.), а как у человека – еще и социальные. В связи с этим, рассматривая правовое положение указанного субъекта, важно учитывать всю «палитру» социальных факторов, воздействующих на него.

Это особенно важно учитывать в условиях распространения постнеклассического науковедения [24], предусматривающего «конструирование правовых феноменов».

Системный подход предполагает рассмотрение военно-правового явления не узко «одномерно», а многогранно, системно учитывая взаимное влияние различных факторов для выработки оптимальных выводов.

Как справедливо отмечает А.А. Одинов, это «позволяет объединить многосложные знания различных отраслей науки в единую полисистемную картину мира, ... добавляет научному знанию новые грани, делает его более системным, углубляет его, позволяя лучше справиться с проблемами сложности мира, точнее раскрывать многомерную картину действительности» [17].

На практике у исследователей зачастую возникает вопрос о том, в чем сущность системного подхода, как правильно применять его в ходе научной работы (например, при подготовке диссертации, выпускной квалификационной работы).

Раскрывая сущность системного подхода, необходимо, прежде всего, рассмотреть понятие, признаки и свойства систем [2, с. 323-324].

Анализ определений системы² позволяет выделить такие основные её признаки, как: целостность (единство) системы³, комплекс элементов (обычно называют «составом системы»),

единство главной цели для всех элементов, достижение которой обеспечивается, взаимодействием элементов (связи

² Перечень определений системы см., например: [9, с. 251 - 252].

³ К этому иногда добавляют ограниченность системы [19].

между которыми называют «структурой системы»).

Так, например, К.Г. Шветова, рассматривая состав и структуру статуса военнослужащего с позиции системного подхода, отмечает, что элементы правового статуса военнослужащих (включая запреты и ограничения) должны быть обязательно сбалансированы, понимая под этим важность обеспечения соразмерности и соответствия предоставляемых военнослужащим льгот и компенсаций тем запретам и ограничениям, которые в отношении их устанавливаются [27]. Это иллюстрирует то, как системный подход позволяет оптимизировать формирование теоретико-правовых моделей военно-правовых исследований.

Военно-правовые явления по своей природе, как правило, представляют собой зрелые системы⁴.

Исходя из изложенного, при исследовании военно-правовых явлений важно учитывать их системные свойства. Рассмотрим основные из них [1, с. 60 – 64; 9, с. 29 – 32; 18, с. 113], наиболее применимые в военно-правовых исследованиях.

1. Система является совокупностью элементов⁵, которые взаимосвязаны, взаимодействуют между собой и взаимозависимы. Так же, например, правовой статус военнослужащих включает в себя, в т.ч. такие элементы как права, обязанности, ответственность. И все эти элементы должны корреспондировать друг другу, т.к., например, обязанности остаются декларативными без установления ответственности за их неисполнение.

2. Каждый элемент системы в рамках достижения общей цели выполняет определённые функции (по аналогии, например, с экипажем танка), направленные на достижение общей цели всей системы.

3. Система является не простой суммой составляющих её частей, а именно совокупностью, единым целым, в котором взаимодействие отдельных частей образует новые, так называемые синергетические свойства всей совокупности. Это свойство систем называется

⁴ Зрелость – состояние системы, когда процессы организации и дезорганизации уравновешивают друг друга и когда свойства системы достигают оптимального сочетания для установившихся внешних условий функционирования, обеспечивая высокую устойчивость [1, с. 64].

⁵ Элементами называют такие части (блоки) системы, которые выполняют конкретные функции [18, с. 47].

ся эмерджентностью – несводимостью свойств системы к свойствам её элементов (совокупность элементов системы образует гораздо больше, чем простую сумму свойств каждого из элементов – так, например, совокупность деталей, собранных в определённом порядке, «превращается» в самолет, приобретая в совокупности принципиально новые свойства, в т.ч. способность летать).

4. Свойства системы определяются свойствами составляющих её элементов, а от системы в целом зависят свойства её элементов. Иными словами качество и эффективность военно-правового явления зависит от качества каждого элемента⁶.

5. Элементы системы составляют единое целое, изменяя любой из элементов, мы оказываем неизбежное влияние на всю систему. Иными словами, разрабатывая предложения по изменению какого-либо правового явления, мы обязаны исследовать, как это отразится на всей системе правоотношений как системы более высокого порядка (например, предлагая изменения обязанностей военнослужащих, необходимо предусмотреть изменение ответственности, прав, льгот, компенсаций).

6. Иерархичность системы состоит в том, что система сама, как правило, может рассматриваться в качестве одного из элементов системы более высокого ранга (порядка) (надсистемы) [20, с. 19, 174, 233; 19]. Образующие систему элементы, в свою очередь, могут рассматриваться в качестве подсистем (систем более низкого порядка). Сущность и функции элементов определяются их положением в структуре системы более высокого порядка. Как отмечал Блез Паскаль, «познать части без знания целого так же невозможно, как познать целое без знания его частей» [1, с. 61]. Поэтому исследование сущности любого военно-правового явления целесообразно начинать с рассмотрения его положения в структуре соответствующей надсистемы (например, военную службу – в системе государственной службы [13], права военнослужащих – в системе элементов правового статуса [27]), определяя его функции в этой системе.

7. Любая система зависит от внешней среды, которая, таким образом, становится для исследуемой системы надсистемой

⁶ Структурная устойчивость системы определяется её наименьшей частичной устойчивостью (закон наименьших («слабого звена»)) [9, с. 113].

(системой более высокого порядка). Так, например, вводя в отношении военнослужащих какие-либо ограничения, запреты, необходимо исследовать влияние психологических, экономических, общественно-политических факторов. Но особенно важно серьезно исследовать взаимовлияние рассматриваемого правового явления, предлагаемых новаций и обороноспособности страны, безопасности государства.

Рассмотрим порядок применения системного подхода в военно-правовых исследованиях.

Достаточно часто в качестве одной из задач военно-научного исследования заявляется «определение сущности» какого-либо явления. Типичной ошибкой исследователей при этом является банальное использование для описания явления простого «пересказа» соответствующих правовых норм.

Именно в решении задачи определения сущности военно-правового явления весьма полезным становится системный подход, предполагающий исследование объекта в качестве элемента системы более высокого порядка и, в свою очередь, в качестве самостоятельной системы как совокупности взаимосвязанных элементов [1, с. 45; 10].

Так, с позиций системного подхода раскрытие сущности любого военно-правового явления целесообразно начинать с определения функции этого явления в системе более высокого порядка [13, 14, 25] (системно-функциональный этап)⁷.

Поняв и описав, для чего существует исследуемое правовое явление, можно сделать вывод о том, каким требованиям это явление «в идеале» должно соответствовать (для того, чтобы оптимально выполнять заданную функцию). Для определения функции недостаточно основываться только на содержании каких-либо нормативных актов, необходимо разобраться, как функция исследуемого военно-правового явления соотносится с функциями смежных явлений (т.е. других элементов более высокого порядка), на основании чего, возможно придется скорректировать определяемую функцию. В свою очередь функция правового явления в системе более высо-

кого порядка является целью самой исследуемой системы.

Для определения правовой природы военно-правового явления важен анализ его функции в системе обеспечения обороны страны и безопасности государства (системно-военный анализ) [12; 25]. Так, рассматривая правовой статус офицера, необходимо определить, какие функции военнослужащие этой категории выполняют в военной деятельности, в системе обеспечения обороны страны и безопасности государства, в чём отличие этой категории от других категорий военнослужащих (рядовых, сержантов, прапорщиков). Именно это позволит определить, чем правовой статус военнослужащих этой категории должен отличаться от других⁸.

Функция в системе обеспечения обороны страны и безопасности государства и эффективность её выполнения является абсолютно приоритетной для любого военно-правового явления.

Для любого правового явления, конечно же, важно в рамках системно-функционального этапа проанализировать его функции в системе права вообще, в системе соответствующих отраслей права [24], в системе понятий теории права (системно-правовой анализ). К примеру, исследуя правовой статус офицера, важно определить, что такое правовой статус, какую функцию это явление выполняет в военном праве, праве вообще.

Кроме того, в рамках системно-правового этапа целесообразно проанализировать, как соотносится это понятие со смежными (родственными по правовой природе) понятиями (правосубъектность, правовое положение, юридическая личность) (системно-классификационный анализ). Это позволит определить авторскую позицию по поводу того, что будет в целях данного исследования пониматься под правовым статусом.

В ходе исследования военно-правовых явлений важно не забывать о необходимости учета всех факторов (а не только правовых), оказывающих влияние (метаси-

7 При использовании системного подхода в научном исследовании может быть весьма полезен перечень сформулированных В.Г. Афанасьевым взаимосвязанных аспектов, которые в совокупности и единстве составляют системный подход (см. подробнее: [6, с. 18; 10]).

8 Так же, например, для того, чтобы раскрыть сущность такого правового явления, как конфликт интересов, его надо рассматривать в системе всех средств профилактики коррупции (см. подробнее: [3]).

стемный анализ)⁹. Это позволит избежать идеалистического узкоотраслевого представления, присущего, к сожалению, ряду учёных¹⁰, показав всестороннюю сущность явления во всех его проявлениях и отношениях [17, с. 26]. К примеру, массовое наделение в конце прошлого века военных организаций статусом юридического лица было обусловлено не столько потребностями обеспечения обороны страны и безопасности государства, сколько активным развитием рыночной экономики, повышающим значение конструкции юридического лица во многих отраслях законодательства, несовершенством военного и гражданского законодательства, но также и чисто психологическими причинами (желанием командиров получить больше самостоятельности и «независимости»), нерегулярностью финансирования [2]. «Проектируя» изменения в законодательстве, новые нормы, важно понимать, что военнослужащие – не шахматные фигуры и поэтому недостаточно просто указать в нормативном правовом акте, что надлежит делать, необходимо максимально учесть все факторы (включая психологические, экономические, политические, организационные, материально-технические и т.п.), которые могут оказать влияние на исполнение предлагаемой нормы, на организацию и обеспечение её реализации.

Если есть возможность проанализировать зарубежный опыт применения исследуемого военно-правового явления (либо его аналогов), полученные результаты помогут глубже раскрыть его природу (сравнительно-правовой анализ). Но, к сожалению, это удается весьма редко в силу специфичности военно-правовых явлений, недостаточной развитости теории военного права за рубежом и ограниченности доступа к иностранным источникам правового регулирования.

Рассмотрев явление в системе (системах) более высокого порядка, можно перейти к рассмотрению его в качестве самостоятельной системы – определив элементный состав и структуру, которые обуславливают свойство системы (системно-элементный этап).

9 Как справедливо указывает А.А. Одинцов, «Познание обязательно должно выявлять всю сложную специфику явлений, их генезис взаимодействия с внешним миром. Путь такого познания лежит через анализ всей совокупности действующих факторов и условий» [17, с. 24].

10 Подобно слепым мудрецам из древней притчи, характеризующим слона – один – ощупывая и описывая его хобот, другой – уши, третий – ногу.

С этих позиций исследование, например, правового статуса офицера должно включать в себя обязательное рассмотрение всех составляющих его элементов – прав, обязанностей, ответственности, льгот, гарантий и взаимосвязей между ними¹¹ (системно-структурный этап). Следует, в частности, учитывать, что функции военнослужащего определённой категории обуславливают наличие у него определённых прав (необходимых и достаточных для реализации конкретной функции по предназначению), соответствующих обязанностей (исполнение которых в совокупности необходимо для исполнения функции в полном объеме), а также особенностей ответственности за неисполнение соответствующих функций. Все эти элементы должны рассматриваться в системной связи друг с другом и быть сбалансированы. Введение дополнительных обязанностей важно, с одной стороны, компенсировать соответствующими льготами, гарантиями, с другой – обеспечить их исполнение введением соответствующей ответственностью.

Из вышеизложенного можно сделать вывод о том, что системный подход позволит определить сущность явления, скомпоновав его определение по примерной формуле: «... как военно-правовое явление, являясь элементом системы ..., предназначено для ..., представляя собой совокупность взаимосвязанных ...».

На этом этапе целесообразно сформулировать принципы взаимодействия элементов (принципы функционирования системы) – которые позволят определить правила взаимодействия элементов системы, став своего рода «приводным механизмом» их совместной деятельности. Значение принципов состоит в том, что они позволяют путем глубокого научного обобщения результатов исследования военно-правового явления, выявления особенностей его правовой природы закрепить выявленные закономерности его функционирования, сделав их понятными в концентрированном виде правилами для всех, кому предстоит сталкиваться с ним. Принципы помогут правильно определить направления дальнейшего совершенствования исследуемого военно-правового явления (с учетом его правовой сущности,

11 Типичная ошибка, когда исследователи рассматривают только какие-то отдельные элементы статуса (например, только права и обязанности).

выявленных закономерностей).

Так, исследование юридической личности военных организаций позволило разработать научно обоснованную совокупность принципов определения и упорядочения юридической личности военных организаций в составе ведомственной системы юридических лиц. Например [2, с. 263-264]:

- принцип обязательности гражданско-правового статуса для всех штатных организаций ведомства (все штатные организации ведомства должны быть юридическим лицом или структурным подразделением одного из юридических лиц);

- принцип организационного и имущественного единства ведомства (наделение входящих в состав ведомства организаций статусом юридического лица должно производиться с учетом необходимости функционирования ведомства как единой организации, использующей объединенный имущественный комплекс в целях достижения общей цели ведомства);

- принцип приоритета интересов ведомства перед интересами входящих в них военных организаций (свобода выбора военными организациями поведения должна быть четко ограничена в пределах, которые обеспечат обязательность выполнения ими своей основной функции в ведомстве (например, деятельность, приносящая доходы, может быть разрешена военным организациям только в пределах, не мешающих их основной деятельности)).

Для лучшего понимания правовой природы исследуемого военно-правового явления целесообразно рассмотреть его генезис (системно-эволюционный этап). Это означает исследование не «истории появления и развития», даже не «эволюции», а предпосылок, причин появления рассматриваемого явления, внутренних («генетических» внутрисистемных) и внешних (надсистемных) факторов, влияющих на его развитие на различных исторических этапах. Это позволит выявить тенденции и закономерности развития и спрогнозировать возможные направления дальнейшей эволюции, разработать пути совершенствования правового явления – но не просто «сконструированные» по прихоти автора, а максимально соответствующие его природе. Положением, выносимым на защиту, может стать научно обоснованная периодизация эволюции исследуемого военно-правового явления (в основе выделения

каждого периода – кардинальные изменения явления, связанные, например, с появлением новых элементов в структуре явления, корректировкой функций, субъектного состава соответствующих правоотношений, изменением ответственности за нарушение соответствующих норм и т.п.).

Следующим этапом исследования может стать формирование теоретико-правовой модели исследуемого военно-правового явления (этап моделирования). При этом моделируются оптимальные состав, структура системы, исходя из цели её существования (её функции в системе более высокого порядка) с учетом её генезиса. В диссертации эта модель (включающая функции, состав, структуру, принципы функционирования исследуемого явления) может стать одним из положений, выносимых на защиту.

Далее целесообразно проанализировать современное состояние правового регулирования исследуемых отношений, сравнивая разработанную на более ранних этапах теоретико-правовую модель с реальным её воплощением в нормах права и правоприменительной практике (этап анализа современного состояния). Это позволит выявить проблемы несовершенства законодательства. Но немаловажно выявить и ряд других проблем, классифицируя их, например, следующим образом:

- 1) методологические проблемы (теоретико-правовые проблемы, обусловленные неразработанностью методологических подходов, понятийного аппарата, недостаточностью разграничения исследуемого явления со смежными явлениями);

- 2) нормотворческие проблемы (противоречия, пробелы, фрагментарность, неразработанность, недостаточная определённость норм права);

- 3) правоприменительные проблемы (трудности в применении норм права, противоречивость судебной практики, бессистемность в подходах к правоприменению в разных частях и подразделениях);

- 4) психолого-педагогические проблемы (недостатки в подготовке кадров в исследуемой сфере правового регулирования и в формировании правосознания).

Следующий этап исследования (раздел диссертации) целесообразно посвятить разработке предложений по совершенствованию правового регулирования исследуемых отношений, взяв за основу созданную

ранее теоретико-правовую модель и классификацию выявленных проблем.

В результате этого этапа могут быть разработаны:

- 1) методологические подходы к исследованию рассматриваемых военно-правовых явлений, авторские определения понятий, введение новых понятий в научный оборот;
- 2) систематизированные предложения по совершенствованию законодательства и подзаконных актов (можно структурировать их, например, так: предложения по внесению изменений в Конституцию Российской Федерации, федеральные законы, указы Президента и постановления Правительства Российской Федерации, законы и подзаконные акты субъектов Российской Федерации, ведомственные нормативные правовые акты, локальные правовые акты);
- 3) предложения по совершенствованию правоприменительной практики (включая подготовку проектов решений судебной власти, обзоров судебной практики, ведомственных методических рекомендаций);
- 4) комплекс предлагаемых мер, направ-

ленных на формирование правосознания в исследуемой сфере, внесение изменений в учебные программы и т.п.

Таким образом, системный подход является инструментом, позволяющим:

- раскрыть сущность исследуемого военно-правового явления, показав его состав и структуру, назначение (функции) во всей совокупности правовых и иных отношений, с учетом влияния различных факторов на исследуемое явление (и его развитие),
- увидеть его в различных вариантах взаимодействия и сферах,
- объединить все это в единую многоуровневую многогранную картину, что даст возможность
- определить научно-обоснованные меры совершенствования (максимально учитывающие его правовую природу) с целью обеспечения эффективного выполнения исследуемым явлением его функций.

ЛИТЕРАТУРА

1. Акимов Т.А. Теория организации: Учеб. пособие для вузов. – М. : ЮНИТИ-ДАНА, 2003.
2. Бараненков В.В. Юридическая личность военных организаций: Монография. – М. : МПИ. 2008.
3. Бараненков В.В. Конфликт интересов в системе средств профилактики коррупции в воинской части [Электронный ресурс] // Электронное научное издание «Военное право». 2014. – № 1. URL: <http://www.voennopravo.ru/node/5268> (дата обращения 10.09.2018).
4. Бараненкова И.В. О необходимости систематизации норм, регулирующих противодействие коррупции в военных организациях [Электронный ресурс] // Электронное научное издание «Военное право». 2014. – № 3. URL: <http://www.voennopravo.ru> (дата обращения 10.09.2018).
5. Гаджинова Ф.М. Источники права и их система в современном российском праве : Дисс. ... канд. юрид. наук. – М., 2004.
6. Жариков О.Н., Королевская В.И., Хохлов, С.Н. Системный подход к управлению : Учеб. пособие для вузов / Под ред. В.А. Персианова. – М.: ЮНИТИ-ДАНА, 2001.
7. Зайков Д.Е. Проблемы правового регулирования противодействия коррупции с участием работников военных организаций // Право в Вооруженных Силах - Военно-правовое обозрение. – 2015. – № 7.
8. Землина О.М. Учреждения Вооруженных Сил Российской Федерации как участники бюджетных правоотношений : дис. ... канд. юрид. наук. – М. : ВУ, 2006.
9. Иванова Т.Ю., Приходько, В.И. Теория организации. – СПб. : Питер, 2004.
10. Карпова С.В. Системный подход в обосновании маркетинговой концепции устойчивого развития транснациональных корпораций (ТНК) // Лизинг. – 2011. – № 7.
11. Ковалев В.И. Организационно-правовые вопросы землепользования воинских частей в Вооруженных Силах Российской Федерации : дис. ... канд. юрид. наук. – М., 2001.
12. Кудашкин А.В. Военная служба Российской Федерации: теория и практика правового регулирования. - Специально для системы ГАРАНТ, 2009.
13. Кудашкин А.В. К вопросу о сущности военной службы и её месте в системе

- государственной службы // Право в Вооруженных Силах – Военно-правовое обозрение. – 2003. – № 8.
14. Кудашкин А.В. О соотношении военного права и права безопасности // Право в Вооруженных Силах – Военно-правовое обозрение. – 2009. – № 9.
 15. Марченко М.Н. «Система» и системный характер права // Системность в уголовном праве. Материалы II Российского Конгресса уголовного права, состоявшегося 31 мая – 1 июня 2007 г. – М., 2007.
 16. Мицкевич А.В. Система права и система законодательства: развитие научных представлений и законотворчества // Проблемы современного гражданского права: сборник статей / отв. ред. В.Н. Литовкин, В.А. Рахмилович. М. : Городец, 2000.
 17. Одинцов А.А. Основные положения теории систем и вопросы специфики системного знания. – М. : МВИ. 2002.
 18. Подлесных В.И. Теория организации: учебник для вузов. – СПб. : Издательский дом «Бизнес-пресса», 2003.
 19. Рузанова В.Д. Значение системного подхода как доктринальной основы для исследования гражданско-правовой законодательной системы // Законы России: опыт, анализ, практика. – 2013. – № 9.
 20. Садовский В.Н. Основания общей теории систем. Логико-методологический анализ. М. : Наука, 1974.
 21. Система советского законодательства / под ред. И.С. Самощенко. М. : Юридическая литература. – 1980.
 22. Старцун В.Н. Вопросы участия военных организаций в гражданских правоотношениях [Электронный ресурс] // Электронное научное издание «Военное право». – 2014. – № 1 / URL:<http://www.voennoepravo.ru> (дата обращения 10.09.2018).
 23. Трофимов М.В. Теоретические основы финансовой правосубъектности военных организаций [Электронный ресурс] // Электронное научное издание «Военное право». – 2017. – № 6. – С. 99 – 109 / URL:<http://www.voennoepravo.ru> (дата обращения 10.09.2018).
 24. Трофимов М.В. Методологические основы построения теории финансово-правового положения военных организаций // [Электронный ресурс] // Электронное научное издание «Военное право». – 2018. – № 4. – С. 61 – 69 / URL:<http://www.voennoepravo.ru> (дата обращения 10.09.2018).
 25. Фатеев К.В. О правовых аспектах безопасности военной службы как составной части обеспечения военной безопасности Российской Федерации // Право в Вооруженных Силах – Военно-правовое обозрение. – 2005. – № 1.
 26. Чашин А.Н. Теория юридической систематизации. М. : Дело и Сервис. – 2010.
 27. Шветова К.Г. О структуре и особенностях правового статуса военнослужащих / [Электронный ресурс] Электронное научное издание «Военное право». – 2014. – № 4. [Электронный ресурс] / URL:<http://www.voennoepravo.ru> (дата обращения 10.09.2018).

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Бараненков Вячеслав Вячеславович, доктор юридических наук, профессор, Вестник военного права, член редакционной коллегии,
E-mail: vestnik-vp@mail.ru.

RESEARCH AND DEVELOPMENT

SYSTEM APPROACH IN MILITARY-LEGAL RESEARCH: ESSENCE AND CONTENT

Vyacheslav V. BARANENKOV

Abstract. Purpose: the article "System approach in military-legal research: essence and content" is devoted to the analysis of the essence and content of the system approach in order to determine the features of its application in military-legal research. Design/methodology/approach: the author

analyzes the essence, the content of the system approach, the main system properties of military-legal phenomena.

Findings: the value of the system approach is determined, the features and stages of its application in military-legal studies are substantiated, allowing to reveal the essence of the analyzed military-legal phenomenon, showing its composition and

structure, purpose (function) in the totality of legal and other relations, taking into account the influence of various factors, to determine scientifically grounded measures of improvement (taking into account its legal nature).

Conclusions: the article reveals the essence of the system approach, the order and peculiarities of its application in military legal research.

Research limitations/implications: the order of application of the system approach proved by the author can be used at writing of dissertations, final qualifying works, carrying out types research on military legal subject.

Originality/value: the article reveals the essence of the system approach, the order and peculiarities of its application in military legal research.

accounting, profitability of control, objective conditionality and timeliness of operational actions. The conclusion goes that the adoption of a unified concept of state financial control in the Russian Federation that establishes unified legal methodological and procedural bases of state financial control as well as the mechanism of interaction between supervisory and supervisory bodies could be an important direction for improving control activity.

Keywords: system approach, military-legal research, system properties, synergetic properties, emergence, application of system approach.

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Baranenkova Vyacheslav Vyacheslavovich, Dr. Sc. (Law), Professor, The Journal of Military Law [Vestnik voennogo prava], Member of the Editorial Board
E-mail: vestnik-vp@mail.ru.

REFERENCES

1. Akimova T. A. Theory of organization [Teoriya organizatsii] : The Textbook. Moscow, UNITY-DANA, 2003.
2. Baranenkova V.V. The Legal personality of military organizations [Lichnost voennykh organizatsii] : Monograph. Moscow, MPI. 2008.
3. Baranenkova V. Conflict of interest in the system of the prevention of corruption in the unit [Konflikt interesov v sisteme sredstv profilaktiki korruptsii v voinskoj chasti]. Journal of the Military Law. 2014;1. Available at: <http://www.voennoepravo.ru/node/5268>. (accessed Sept. 10 2018).
4. Baranenkova I. V. On the need to systematize the rules governing anti-corruption in military organizations [O neobходимosti sistematsizatsii norm reguliruyushchih protivodejstvie korruptsii v voennykh organizatsiyah] [Electronic resource]. Journal of the Military Law. 2014;3. Available at: <http://www.voennoepravo.ru> (accessed Sept. 10 2018).
5. Gadzhinova F.M. Sources of law and their system In modern Russian law [Istochniki prava i ih sistema v sovremennom rossijskom prave]: Diss. ... Cand. Sc. (Law). Moscow, 2004.
6. Zharikov O. N., Royal V. I., Khokhlov, S. N. System approach to management [Sistemnyj podhod k upravleniyu]: Textbook. the allowance for high schools / Ed. of V. A. Persianov. - Moscow: UNITY-DANA, 2001.
7. Zaykov D. E. Problems of legal regulation of anti-corruption with the participation of employees of military organizations [Problemy pravovogo regulirovaniya protivodejstviya korruptsii s uchastiem rabotnikov voennykh organizatsii]. Law in the Armed Forces - Military legal review. 2015, №7.
8. Zemlina O. M. Institutions of the Armed Forces of the Russian Federation as participants of budgetary legal relations [Uchrezhdeniya Vooruzhennykh Sil Rossijskoj Federatsii kak uchastniki byudzhethnykh pravootnoshenij] : Diss. ... Cand. Sc. (Law). Moscow, Military University of the Defense Ministry of the Russian Federation, 2006.
9. Ivanova T. Yu., Prikhodko, V. I. the Theory of organization [Teoriya organizatsii]. Saint-Petersburg, Peter, 2004.
10. Karpova S. V. System approach in substantiation of marketing concept of sustainable development of transnational corporations (TNCs) [Sistemnyj podhod v

- obosnovanii marketingovoy koncepcii ustojchivogo razvitiya transnacionalnyh korporacij (TNK)]. Leasing. 2011, №7.
11. Kovalev V. I. Organizational and legal issues of land use of military units in the Armed Forces of the Russian Federation [Organizacionno-pravovye voprosy zemlepolzovaniya voinskih chastej v Vooruzhennyh Silah Rossijskoj Ffederacii] : Diss. ... Cand. Sc. (Law). Moscow, 2001.
12. Kudashkin V. Military service of the Russian Federation: theory and practice of legal regulation [Voennaya sluzhba Rossijskoj Federacii : teoriya i praktika pravovogo regulirovaniya]. - Especially for system the GARANT, 2009.
13. Kudashkin V. To the question of the essence of military service and its place in the system of public service [Voprosu o sushchnosti voennoj sluzhby i ee meste v sisteme gosudarstvennoj sluzhby]. Law in the Armed Forces – legal review. 2003, №8.
14. Kudashkin V. On the relationship of military law and security [Sootnoshenii voennogo prava i prava bezopasnosti]. Law in the Armed Forces-Military law review. 2009, №9.
15. Marchenko M. N. "System" and the systemic nature of law [Sistema i sistemnyj harakter prava sistemnost v ugovnom prave] // Consistency in criminal law. Proceedings of the II Russian Congress of criminal law. Moscow, 2007.
16. Mitskevich A.V. the system of law and the system of legislation: the development of scientific ideas and lawmaking [Sistema prava i sistema zakonodatelstva razvitie nauchnyh predstavlenij i zakonotvorchestva problemy sovremennogo grazhdanskogo prava] // Problems of modern civil law: collection of articles / Ed. of V. N. Litovkin, V. A. Rahmilovich. Moscow, Gorodets, 2000.
17. Odintsov A. A. The Main points of the theory of systems and questions of specificity of system knowledge [Osnovnye polozheniya teorii sistem i voprosy specifiky sistemnogo znaniya]. Moscow, MVI. 2002.
18. Podlesny V. I. the Theory of organization [Teoriya organizacii]: textbook for universities. Saint-Petersburg, Publishing house "Business press", 2003.
19. Ruzanova V. D. the Importance of the system approach as a doctrinal basis for the study of the civil legal system [Znachenie sistemnogo podhoda kak doktrinalnoj osnovy dlya issledovaniya grazhdansko-pravovoj zakonodatelnoj sistemy] // Laws of Russia: experience, analysis, practice. 2013, №9.
20. Sadovsky V. N. Bases of the General theory of systems. Logical and methodological analysis [Osnovaniya obshchej teorii sistem logiko-metodologicheskij analiz]. Moscow, Science, 1974.
21. The system of Soviet law [Sistema sovet-skogo zakonodatelstva], ed. by I. S. Samoshenko. Moscow, Legal literature, 1980.
22. Startsun V. N. Questions of participation of military organizations in civil relations [Voprosy uchastiya voennyh organizacij v grazhdanskih pravootnosheniyah]. Journal of the Military Law. 2014;1. Available at: <http://www.voennoepravo.ru> (accessed Sept. 10 2018).
23. Trofimov M. V. Theoretical foundations of financial legal personality of military organizations [Teoreticheskie osnovy finansovoj pravosubektnosti voennyh organizacij]. Journal of the Military Law. 2017;6:99–109. Available at: <http://www.voennoepravo.ru> (accessed Sept. 10 2018).
24. Trofimov M. V. Methodological foundations of the theory of financial and legal status of military organizations [Metodologicheskie osnovy postroeniya teorii finansovo-pravovogo polozheniya voennyh organizacij]. Journal of the Military Law. 2018;4:61-69. Available at: <http://www.voennoepravo.ru> (accessed Sept. 10 2018).
25. Fateev K. V. on legal aspects of security of military service as an integral part of ensuring military security of the Russian Federation [O pravovyh aspektah bezopasnosti voennoj sluzhby kak sostavnoj chasti obespecheniya voennoj bezopasnosti Rossijskoj Federacii] // Law in the Armed Forces – Military legal review. 2005, №1.
26. Chashin A. N. The theory of legal systematization [Teoriya yuridicheskoy sistematzacii]. Moscow, Business and Service, 2010.
27. Shvetova K. G. On the structure and peculiarities of the legal status of soldiers [O strukture i osobennostyah pravovogo statusa voennosluzhashchih]. Journal of the Military Law. 2014;4. Available at: <http://www.voennoepravo.ru> (accessed Sept. 10 2018).

АВТОНОМНЫЕ СИСТЕМЫ ВООРУЖЕНИЯ В КОНТЕКСТЕ НОРМ МЕЖДУНАРОДНОГО ГУМАНИТАРНОГО ПРАВА

А.С. СОРОЧКИН,

кандидат юридических наук, заслуженный юрист Российской Федерации, заместитель председателя Следственного комитета Российской Федерации – руководитель Главного военного следственного управления

E-mail: gvsu.gov.ru

Аннотация. В статье анализируются новые технологии ведения военных действий, основанные на применении автономных систем вооружения. Дальнейшая разработка и совершенствование летального автономного вооружения, автором определяется одной из наиболее тревожных

тенденций в формировании нового облика современных вооружённых конфликтов. В качестве проблемы в статье выдвигается необходимость правового урегулирования применения данных систем в контексте международного гуманитарного права.

Ключевые слова: автономные системы вооружения, нормы международного гуманитарного права, вооруженный конфликт, робототехнические комплексы, новые технологии ведения военных действий

Современный мир характеризуется эскалацией дезинтеграционных процессов, обусловленных антагонизмом политических, экономических, идеологических и иных интересов субъектов международного права. В реализации геополитической повестки дня не снижается роль силового

фактора как средства разрешения противоречий. Стремление к наращиванию и модернизации наступательного вооружения, созданию и развёртыванию его новых видов подрывает систему глобальной безопасности, нивелируя при этом систему договоров и соглашений в области контроля

над вооружением. В Евро-Атлантическом, Евразийском и Азиатско-Тихоокеанском регионах не соблюдаются принципы равной и неделимой безопасности. Наряду с указанными выше угрозами, обращают на себя внимание такие вызовы современности, как пандемическое распространение экстремистской идеологии, международный терроризм, преступления против законов и обычаев войны, преступления против человечности, экстерриториальное использование частных военных компаний, наращивание силового потенциала Организации Североатлантического договора (НАТО) и дальнейшее расширение альянса на восток, возникновение конфликтов в кибер- и космическом пространствах, информационные войны, применение частично или полностью автономных систем вооружения (далее также – АСВ). Не вызывает сомнения то, что дальнейшая разработка и совершенствование летального автономного вооружения – одна из наиболее тревожных тенденций в формировании нового облика современных вооружённых конфликтов. Акцент предлагаемого вниманию читателя исследования сделан на актуальной проблеме приведения норм международного гуманитарного права (далее также – МГП) в соответствие с характером вооружённых конфликтов на современном витке истории.

Термин «международное гуманитарное право» впервые был сформулирован в 1950 г. известным швейцарским юристом Ж. Пикте. За весьма непродолжительный период времени указанный термин получает широкое распространение в публицистической сфере, юридическом дискурсе. В теории МГП обычно интерпретируется как самостоятельная отрасль международного права, представляющая собой совокупность норм, призванных регламентировать законы и обычаи войны, а также права человека [15]. Как отмечает И.И. Лукашук, гуманитарное право как способ ограничения «бедствия войны путём определения недопустимых методов и средств ведения военных действий» представляет собой совокупность норм и принципов, применяемых в вооружённой борьбе и «в связи с такой борьбой» [7].

Международное гуманитарное право, как и международное право в целом, распространяется на сферу межгосудар-

ственных отношений. МГП охватывает любые межгосударственные вооружённые конфликты независимо от их характера, происхождения или причин, на которые ссылаются противоборствующие стороны. МГП также применимо в тех случаях, когда вооружённые силы одной из противоборствующих сторон не встречают вооружённого сопротивления неприятеля. В качестве примера можно привести оккупацию части или всей территории иностранного государства при отсутствии вооружённого сопротивления агрессору.

В научной литературе подчеркивается, что в настоящий момент единой правовой отрасли, регулирующей ведение вооружённых конфликтов, не существует. Для обозначения названной сферы правового регулирования общественных отношений наиболее часто употребляются термины «право войны», «право вооружённых конфликтов», «законы и обычаи войны», «правила и обычаи войны». По мнению ряда отечественных учёных, понятие «право вооружённых конфликтов», способное адаптировать «право войны» к изменившимся условиям и применимое к регулированию как международных, так и немеждународных конфликтов, более точное и всеобъемлющее.

Под международным гуманитарным правом Г.В. Игнатенко, О.И. Тиунов, А.Я. Сухарев и О.Ю. Смольников понимают систему международно-правовых норм и принципов, направленных на ограничение средств и методов войны, урегулирование гуманитарных проблем, защиту человеческого достоинства как в мирное, так и в военное время. МГП, по мнению Г.В. Игнатенко, есть совокупность норм, устанавливающих универсальные, единые для мирового сообщества стандарты прав и свобод человека. Данные нормы регулируют обязательства государств по закреплению, обеспечению, охране прав и свобод, а также предоставляют индивидам юридические возможности реализации защиты признаваемых за ними прав и свобод. При этом МГП включает в себя нормы трёх видов: правила, действующие в мирное время; нормы, предназначенные для кодификации вооружённых конфликтов в целях максимально возможной гуманизации последних; и, наконец, универсальные нормы, применимые в любых ситуациях. Таким

образом, согласно Г.В. Игнатенко, нормы, регламентирующие поведение государств и индивидов во время вооружённых конфликтов, – это лишь часть международного гуманитарного права [6].

В современной науке международного права, отмечает В.Н. Русинова, превалирует точка зрения, в соответствии с которой МГП и нормы международного права в области прав человека носят комплиментарный характер и могут применяться в вооружённых конфликтах. Данное суждение получило подтверждение в Консультативных заключениях Международного суда ООН о правомерности применения ядерного оружия (1996) и о правовых последствиях возведения стены на оккупированной территории Палестины (2004). Международный суд ООН пришёл к выводу, что указанные выше отрасли международного права применяются одновременно и при этом «одни права могут быть исключительно предметом регулирования международного гуманитарного права, другие могут быть исключительно предметом регулирования права прав человека, а некоторые могут подпадать под обе отрасли международного права» [10].

В настоящее время, отмечает Р.А. Адельханян, наибольшее распространение получила точка зрения, в соответствии с которой правила ведения вооружённых конфликтов регулируются нормами и положениями международного гуманитарного права [2]. Именно МГП предусматривает уголовную ответственность за совершение военных преступлений. Военные преступления, рассматриваемые сквозь призму западной правовой доктрины, осмысливаются как нарушения права войны или международного гуманитарного права, совершение которых предполагает уголовную ответственность конкретных лиц.

Международное гуманитарное право, по И.П. Блищенко, охватывает следующие области: 1) международно-правовые нормы, регламентирующие режим прав и свобод человека в условиях мирного времени; 2) международно-правовые нормы, определяющие режим прав и свобод человека в условиях вооружённого конфликта; 3) совокупность правовых норм, ограничивающих гонку вооружений, запрещающих определённые виды оружия и предусматривающих разоружение [4].

Невзирая на разную интерпретацию сущности и места МГП в структуре международного права, общей концептуальной основой всех указанных доктрин стало признание следующих специальных принципов ведения военных действий:

1. Принцип гуманности, сформулированный в Декларации Ф.Ф. Мартенса, Гаагских и Женевских конвенциях и Дополнительных протоколах к ним, а также в других международных правовых источниках. Отметим также, что оговорка Мартенса является частью обычного международного права и носит нормативный характер. Предмет её действия – защита человеческой личности, прежде всего в период вооружённого конфликта. В международном гуманитарном праве оговорка Мартенса является отдельной нормой, причем *jus cogens*.

2. Принцип ограничения воюющих в выборе средств и методов ведения военных действий впервые был изложен в ст. 22 Гаагского Положения о законах и обычаях сухопутной войны 1907 г. Этот принцип проистекает из законной цели войны, впервые сформулированной в Санкт-Петербургской декларации об отмене употребления взрывчатых и зажигательных пуль 1868 г. В данной Декларации говорится, что единственной законной целью воюющих государств выступает ослабление военных сил противной стороны. В связи с тем что понятие «военная необходимость» характеризуется полисемичностью, в понятийных категориях МГП под военной необходимостью понимается компромисс между требованиями гуманности и военной необходимостью [5].

3. Принцип защиты гражданского населения и гражданских объектов состоит в запрете такого нападения, которое может повлечь потери среди гражданского населения или нанести вред объектам гражданского назначения. Согласно данному принципу на противоборствующие стороны возложены обязательства по ограничению гражданского населения и комбатантов, гражданских и военных объектов. Указанный принцип не зависит от характера или происхождения вооружённого конфликта, приводимых воюющими сторонами причин или оправданий и иных обстоятельств. Принцип защиты гражданского населения и мирных объектов закре-

плен в Дополнительном протоколе I (п. 4 ст. 1, ст.ст. 9, 43, 44) к Женевским конвенциям 1949 г.

4. Принцип ответственности за нарушение норм МГП предполагает ответственность за нарушение законов и обычаев ведения войны. Государства несут международную правовую ответственность, а физические лица – уголовную ответственность.

Итак, определяемое как отрасль современного международного права МГП есть совокупность международно-правовых норм и принципов договорного и обычного правового характера, регулирующих отношения между сторонами международного и немеждународного вооружённого конфликта по поводу защиты его жертв, законных участников, имущества, ведения боевых действий (ограничения методов и средств ведения боевых действий), а также установления ответственности за их нарушения. Основным источником МГП выступает обычай, обеспечивающий общеобязательный характер норм. В соответствии с так называемой географической классификацией МГП представлено двумя устоявшимися разделами, определяемыми в соответствии с их договорными источниками, – Гаагским правом и Женевским правом. Следует, однако, отметить, что некогда отчётливое разграничение Гаагского и Женевского права постепенно нивелируется. Гаагское право, нормы которого направлены на регламентацию поведения воюющих сторон, определяют их права и обязанности. Гаагские конвенции 1899 г. и 1907 г. считаются одними из первых официальных документов, закрепивших в международном праве понятия «право войны» и «военные преступления». Наиболее значимой вехой в формировании института международной уголовной ответственности за военные преступления и кодификации преступлений против законов и обычаев войны стали Нюрнбергский и Токийский международные военные трибуналы. Систематизация военных преступлений была продолжена с принятием Женевских конвенций о защите жертв войны от 12 августа 1949 г. В данных Конвенциях изложен перечень преступных деяний, относимых к категории «серьёзных нарушений». Принятый на дипломатической конференции в Женеве 8 июля 1977 г. Дополнительный

протокол к Женевским конвенциям от 12 августа 1949 г., касающийся защиты жертв международных вооружённых конфликтов (Протокол I), дополнил перечень «серьёзных нарушений». Данный перечень был переработан с тем, чтобы наиболее полно отразить деяния, направленные против лиц и объектов, находящихся под защитой Протокола I. В п. 5 ст. 85 Протокола I было впервые закреплено положение о том, что серьёзные нарушения Женевских конвенций 1949 г. и Дополнительного протокола I к ним квалифицируются как преступления против законов и обычаев войны [3].

Таким образом, к началу XXI в. в международном праве сформировалась целостная система источников, определяющих правила (законы и обычаи) ведения вооружённых конфликтов. Основополагающие идеи относительно необходимости регламентации военных действий нашли законодательное закрепление в международно-правовых актах на рубеже XIX – XX вв. (Гаагские конвенции и положения к ним), однако основы современной системы права ведения военных действий связаны с деятельностью и решениями международных военных трибуналов, созданных по итогам Второй мировой войны.

Характер современных асимметричных конфликтов, а также поливариативность интерпретаций правовых источников и возможностей их имплементации значительно затрудняют эффективность кодификации методов и средств ведения вооружённых конфликтов. С учётом изложенного возникает резонный вопрос: в какой мере действующие в настоящее время правовые инструменты МГП, предназначенные для регламентации войн и вооружённых конфликтов, а также защиты их жертв, соотносятся с реалиями сегодняшнего дня? Какова вероятность превращения МГП в некий правовой анахронизм, неспособный к своевременной адаптации и эволюционным изменениям с учётом стремительного совершенствования технологий в области разработки новых образцов вооружений? Мы в полной мере разделяем точку зрения В.Н. Старцуна и И.В. Балканова, согласно которой «перевод» законов, созданных для урегулирования вооружённых конфликтов XIX – XX вв., на «язык конфликтов» XXI в. с обязательным учётом всего спектра существующих и прогнозируемых вызовов явля-

ется обоснованным и отвечает требованиям нашей действительности [9]. Неспособность же действующих норм международного права к эффективному регулированию возникающих конфликтов во всей их многоаспектности влечёт за собой возникновение зон «правового вакуума».

Последние 15 лет отмечены интенсивными разработками и практическим применением различных робототехнических комплексов, действующих в воздухе, на суше и на воде. В результате поступательного совершенствования автономии систем вооружения многократно увеличивается вероятность полного исключения контроля человека над системами вооружений и применением силы. Смещение парадигмы вооружённого противоборства на современном этапе стало закономерным следствием технологического прорыва.

В проводимые как в Российской Федерации, так и за рубежом оживлённые дискуссии последних лет, посвящённые этико-правовым аспектам дальнейшей разработки АСВ, вовлекается все более широкая аудитория. Содержательная сторона понятия «автономное оружие» по-прежнему является дискуссионной и не имеет универсальной, согласованной на международном уровне дефиниции. Согласно МККК под термином «автономные системы вооружения» понимаются любые виды систем оружия, автономно действующие в воздухе, на суше или на море и самостоятельно выполняющие «критически важные функции». Под последними следует понимать автономное обнаружение и уничтожение цели. Как отмечает М.Н. Шмидт, по критерию самостоятельности принятия решения принято выделять следующие категории АСВ: частично- или полуавтономное вооружение (англ. Semi-Autonomous Weapon Systems) и полностью автономное вооружение (англ. Lethal Autonomous Weapon Systems) [16]. Также известные как «роботизированное оружие» и «роботы-убийцы» автономные системы вооружения способны к решению задач в условиях огневого соприкосновения с противником без участия человека, т. е. в автоматическом режиме [13]. Частично автономные системы вооружения, такие как системы ПВО и ПРО, системы оружия «активной защиты» наземных транспортных средств, пограничные сторожевые

турели, барражирующие боеприпасы и вооружённые подводные аппараты, состоят на вооружении многих государств [8]. В качестве примеров можно привести израильскую тактическую систему ПРО «Железный купол», корабельный зенитный артиллерийский комплекс американского производства Phalanx, российский комплекс активной защиты для танка «Арена» и др. [11]. В своей основе именно самостоятельность в выполнении критических функций отличает АСВ от всех других систем вооружений, в частности от ударных беспилотников (англ. UCAV) или боевых дронов, в которых критические функции выполняются находящимся удалённо оператором [8]. Как справедливо отмечает А. Леверингхаус, в отличие от АСВ, применение ударных БПЛА невозможно без участия человека, принимающего критически важные решения и несущего ответственность за свои действия. Автономные же системы вооружения не подчинены воле оператора [14].

Важным представляется то, что большинство стоящих на боевом дежурстве автоматизированных систем контролируются оператором в режиме реального времени. Однако существуют обоснованные опасения, что в будущем АСВ обретут большую независимость, гибкость реакции на быстро меняющуюся оперативную обстановку. Современные темпы технологических разработок обуславливают необходимость безотлагательного рассмотрения правовых, гуманитарных и этических аспектов использования такого оружия [8]. Наделённые способностью принимать критически важные решения машины как неотъемлемые участники войн современности способны спровоцировать очередной виток гонки вооружений. Именно поэтому данный тип вооружения не может быть проигнорирован.

Далее мы бы хотели затронуть ряд проблемных аспектов, связанных не только с морально-этической, но и с правовой стороной вопроса дальнейшей разработки и применения АСВ. Представляется, что прогнозируемое развитие робототехники в целом и автономных систем вооружения в частности выйдет за пределы правового поля МГП. Данное опасение объясняется самой природой современного вооружённого конфликта, который становится все

более высокотехнологичным. Источником серьёзной озабоченности научного сообщества выступает вопрос о том, способны ли машины безошибочно дифференцировать военные и гражданские объекты, комбатантов и гражданское население, действующих участников вооружённого конфликта и выведенных из строя комбатантов? В этой связи вопрос «интеллектуальности» программного обеспечения АСВ представляется в высшей степени актуальным.

Динамично меняющаяся боевая обстановка требует непрерывного и гибкого анализа большого количества переменных факторов. Проблематичным представляется оснащение АСВ таким ПО, которое предусматривало бы возможность отмены или приостановки команды на поражение в том случае, если станет известно, что цель не является военным объектом либо пользуется особым статусом. Нерешённым остается вопрос о том, способна ли машина соотносить свои действия с принципом соразмерности. Как уже было отмечено ранее, понятие военной необходимости, в соответствии с нормами МГП, определяется как совокупность связанных с ведением войны потребностей, а именно потребностей, направленных на достижение цели одержать победу над противником. Военная необходимость как принцип ограничения поведения сторон вооружённого конфликта соотносится с запрещением причинения излишних страданий. Названный принцип вытекает из необходимости ограничения противоборствующих сторон в выборе средств вооружённой борьбы. Его суть заключается в том, что каждая из воюющих сторон имеет право применения только таких средств вооружённой борьбы, которые необходимы для подавления неприятеля и нанесения ему человеческих потерь на минимально допустимом уровне. Способны ли компьютеры произвести качественную оценку того, что применение силы в конкретном случае может привести к случайным потерям среди гражданского населения и покровительствуемых лиц, способно нанести ущерб гражданским объектам или объектам, находящимся под особой защитой или содержащим опасные силы [8]? Несмотря на то что, по оценкам некоторых экспертов, разработки по созданию искусственного интеллекта будут

завершены к 2033 г., вопрос полноценной компенсации уникальных способностей человеческого интеллекта на искусственный разум сохраняет свою актуальность.

Апологеты дальнейшего совершенствования АСВ руководствуются тем, что оружие будущего позволит значительно снизить угрозу риска жизни военнослужащих на поле боя. Так, например, сложные работы по разминированию и обезвреживанию бомб могут осуществляться более эффективно без человеческого участия. Рациональность данных аргументов в пользу развития автономного оружия едва ли подлежит сомнению. Однако вопрос о приведении норм МГП в соответствие с реалиями современных вооружённых конфликтов как международного, так и немеждународного характера по-прежнему остается нерешённым. Одним из проблемных, с нашей точки зрения, аспектов регламентации применения АСВ выступает проблема уголовного преследования лиц, ответственных за разработку программного обеспечения и внедрение новых летальных технологий, в случае нарушения «роботом-убийцей» законов и обычаев войны.

Об актуальности проблемы регламентации современных и перспективных АСВ нормами международного гуманитарного права свидетельствует повышенный интерес к данному вопросу со стороны западных исследователей. Так, по мнению Г. Биби, эволюция автономных систем вооружения сопряжена с рядом этических, правовых, технологических, экономических и иных последствий потенциального применения данного типа оружия [11]. В настоящее время предпринимаются попытки выработки правового инструментария для ограничения развития и применения системы автономного вооружения. Так, например, в апреле 2016 г. в Женеве состоялась конференция ООН, посвящённая Конвенции о конкретных видах обычного оружия [17]. В рамках конференции активисты кампании по запрету разработки «роботов-убийц» (англ. Campaign to Stop Killer Robots) [12], а также представители международной неправительственной организации Human Rights Watch призвали международное сообщество к наложению запрета на использование названного типа оружия.

Таким образом, в дискуссиях, посвящённых вопросу АСВ, принимают участие представители дипломатического корпуса, политических кругов, НПО, оборонного ведомства, научной общественности. Подводя итоги проведённого исследования, представляется значимым подчеркнуть, что хотя новые технологии ведения военных действий специально не регулируются договорами МГП, их развитие и исполь-

зование в вооружённых конфликтах происходит не в правовом вакууме. Как и все прочие системы вооружений, они должны обеспечивать возможность их использования в соответствии с нормами МГП, в частности с нормами, относящимися к ведению военных действий. Ответственность за это лежит, прежде всего, на каждом государстве, разрабатывающем новые технологии ведения военных действий.

ЛИТЕРАТУРА

1. О стратегии национальной безопасности Российской Федерации: указ Президента Рос. Федерации от 31 дек. 2015 г. № 683 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_191669/ (дата обращения: 15.06.2018).
2. Адельханян Р.А. Военные преступления в современном праве / Р.А. Адельханян. – М., 2003. – 329 с.
3. Белый И.Ю. Производство по делам о военных преступлениях в органах международного уголовного правосудия (проблемы становления и перспективы развития): моногр. / И.Ю. Белый. – М., 2011. – 288 с. – (Серия «Право в Вооружённых Силах – консультант»; вып. 123).
4. Блищенко И.П. Обычное оружие и международное право / И.П. Блищенко. – М., 1984. – 216 с.
5. Гассер Х.П. Международное гуманитарное право. Введение / Х.П. Гассер. – 2-е изд., испр. – М., 1999. – 128 с.
6. Исупова М.В. Проблемы определения международного гуманитарного права / М.В. Исупова // Рос. юрид. журн. – 2013. – № 2. – С. 71 – 76.
7. Лукашук И.И. Международное право. Особенная часть / И.И. Лукашук. – М., 1997. – 371 с.
8. Международная конференция Красного Креста и Красного Полумесяца (XXXII), 2015 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://webcache.googleusercontent.com/search?q=cache:qy0b9OmpOfwJ:https://www.icrc.org/ru/download/file/20891/mezhdunarodnoe_gumanitarnoe_pravo_i_vyzovy_sovremennykh_konfliktov.pdf+&cd=2&hl=ru&ct=clnk&gl=ru (дата обращения: 15.06.2018).
9. Старцун В.Н. Войны XXI века: зарождение новых норм международного права / В.Н. Старцун, И.В. Балканов // Вестн. воен. права. – 2018 (1). – С. 71 – 80.
10. Русинова В.Н. Теории соотношения норм международного гуманитарного права и прав человека / В.Н. Русинова // Право. Журн. Высш. шк. экономики. – 2014. – № 1. – С. 43 – 56.
11. Bibi, G. Implications of Lethal Autonomous Weapon Systems (LAWS): Options for Pakistan / G. Bibi // Journal of Current Affairs [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://webcache.googleusercontent.com/search?q=cache:HMZl3voDEtEJ:www.ipripak.org/wp-content/uploads/2018/01/art2gbj22.pdf+&cd=1&hl=ru&ct=clnk&gl=ru> (дата обращения: 18.05.2018).
12. “Campaign to Stop Killer Robots”, 2016 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: [h?https://www.stopkillerrobots.org](https://www.stopkillerrobots.org) (дата обращения: 18.05.2018).
13. HRW “Losing Humanity: The Case against Killer Robots”, 2012 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.hrw.org/report/2012/11/19/losing-humanity/case-against-killer-robots> (дата обращения: 18.05.2018).
14. Leveringhaus A. Ethics and Autonomous Weapons. London: Palgrave Macmillan, 2016 [Электронный ресурс] / A. Leveringhaus. – Режим доступа: <https://books.google.ru/books?id=Cuw0DAAQBAJ&printsec=frontcover&dq=Alex+Leveringhaus,+Ethics+and+Autonomous+Weapons+&hl=ru&sa=X&ved=0ahUKEwjgqZTIPjbAhVnAZoKHTFyAHw>

- Q6AEIKDAA#v=onepage&q=Alex%20Leveringhaus%2C%20Ethics%20and%20Autonomous%20Weapons&f=false (дата обращения: 18.05.2018).
15. Pictet, J. The Principles of International Humanitarian Law / J. Pictet. – Geneva, 1966. – P. 455 – 470.
16. Schmitt, M.N. Autonomous Weapon Systems and International Humanitarian Law: A Reply to the Critics, Harvard National Security Journal (2013) [Электронный ресурс] / M.N. Schmitt. – Режим доступа: <http://harvardnsj.org/wp-content/uploads/2013/02/Schmitt-Autonomous-Weapon-Systems-and-IHL-Final.pdf> (дата обращения: 18.05.2018).
17. UNOG “2016 Meeting of Experts on LAWS” (Geneva: United Nations Office) [Электронный ресурс]. – Режим доступа: [https://www.unog.ch/80256EE600585943/\(httpPages\)/37D51189AC4FB6E1C1257F4D004CAF B2?OpenDocument](https://www.unog.ch/80256EE600585943/(httpPages)/37D51189AC4FB6E1C1257F4D004CAF B2?OpenDocument) (дата обращения: 18.05.2018).

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

А.С. СОРОЧКИН,

кандидат юридических наук, заслуженный юрист Российской Федерации, заместитель председателя Следственного комитета Российской Федерации – руководитель Главного военного следственного управления

E-mail: gvsu.gov.ru

INTERNATIONAL HUMANITARIAN LAW AUTONOMOUS WEAPONS SYSTEMS IN THE CONTEXT OF INTERNATIONAL HUMANITARIAN LAW

Alexander S. SOROCHKIN,

Abstract. The article analyzes new technologies of warfare based on the use of Autonomous weapons systems. Further development and improvement of lethal autonomous weapons is determined by one

of the most disturbing trends in the formation of a new image of modern armed conflicts. The article raises the need for legal regulation of the application of these systems in the context of international humanitarian law as a problem.

Keywords: autonomous weapons systems, international humanitarian law, armed conflict, robotic systems, new technologies of warfare

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Alexander Sergeevich SOROCHKIN,

candidate of law, honored lawyer of the Russian Federation, Deputy Chairman of the Investigative Committee of the Russian Federation-head of the Main military investigation Department

E-mail: gvsu.gov.ru

REFERENCES

1. About strategy of national security of the Russian Federation: the decree of the President Grew. Federation from 31 Dec. 2015 № 683 [Electronic resource]. – Mode of access: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_191669/ (accessed: 15.06.2018).
2. Adelkhanian R. A. War crimes in modern law / R. A. Adelkhanian. – M., 2003. – 329 p.
3. Bely I. Yu. Production of war crimes cases in the international criminal justice bodies (problems and prospects of development). / I. J. White. – M., 2011. – 288 p. – (Series "Law in the Armed forces – consultant"; vol. 123).
4. Blishchenko I.P. Conventional weapons and international law / I. P. blishchenko. – M., 1984. – 216 p.
5. Gasser H.P. International humanitarian law. Introduction / H.-P. Gasser. – 2nd ed., ISPR. – M., 1999. – 128 p.
6. Isupova M.V. Problems of definition of international humanitarian law / / ROS. the faculty of law. journal. – 2013. – № 2. – p. 71 – 76.
7. Lukashuk I.I. International law. Special part. – M., 1997. – 371 p.
8. International conference of the Red Cross and Red Crescent (XXXII), 2015 [Electronic resource]. – Access mode: https://webcache.googleusercontent.com/search?q=cache:qy0b9OmpOfwJ:https://www.icrc.org/ru/download/file/20891/mezhdunarodnoe_gumanitarnoe_pravo_i_vyzovy_sovremennyh_konfliktov.pdf&cd=2&hl=ru&ct=clnk&gl=EN (date of application: 15.06.2018).
9. Startsun V.N. Wars of the XXI century: the emergence of new rules of international law / VN. Startsun, I. V. Balkanov // Vestn. military. rights. – 2018 (1). – p. 71 – 80.
10. Rusinova V.N. Theories of correlation between the norms of international humanitarian law and human rights // Law. Journal. Higher. SHK. economies. – 2014. – № 1. – S. 43 – 56.
11. Bibi G. Implications of Lethal Autonomous Weapon Systems (LAWS): Options for Pakistan/Bibi G. // Journal of Current Affairs [Electronic resource]. – Access mode: <http://webcache.googleusercontent.com/search?q=cache:HMZI3voDEtEJ:www.ipripak.org/wp-content/uploads/2018/01/art2gbj22.pdf&cd=1&hl=ru&ct=clnk&gl=EN> (date of application: 18.05.2018).
12. "Campaign to Stop Killer Robots", 2016 [Electronic resource]. – Access mode: <https://www.stopkillerrobots.org> (accessed 18.05.2018).
13. HRW " Losing Humanity: the Case against Killer Robots", 2012 [Electronic resource]. – Mode of access: <https://www.hrw.org/report/2012/11/19/losing-humanity/case-against-killer-robots> (date accessed: 18.05.2018).
14. Leveringhaus A. Ethics and Autonomous Weapons. London: Palgrave Macmillan, 2016 [Electronic resource]. – Access mode: <https://books.google.ru/books?id=Cuw0DAAQBAJ&printsec=frontcover&dq=Alex+Leveringhaus,+Ethics+and+Autonomous+Weapons&hl=ru&sa=X&ved=0ahUKEwjgqZTIPjbAhVnAZoKHTFyAHwQ6aeikdaa#v=onepage&q=Alex%20Leveringhaus%2C%20Ethics%20and%20Autonomous%20Weapons&f=false> (date of application: 18.05.2018).
15. Pictet J. The Principles of International Humanitarian Law / J. Pictet. Geneva, 1966. – P. 455 – 470.
16. Schmitt M. N. Autonomous Weapon Systems and International Humanitarian Law: A Reply to the Critics, Harvard National Security Journal (2013) [Electronic resource] / M. N. Schmitt. – Mode of access: <http://harvardnsj.org/wp-content/uploads/2013/02/Schmitt-Autonomous-Weapon-Systems-and-IHL-Final.pdf> (date accessed: 18.05.2018).
17. UNOG "2016 Meeting of Experts on LAWS" (Geneva: United Nations Office) [Electronic resource]. – Access mode: [https://www.unog.ch/80256EE600585943/\(httpPages\)/37D51189AC4FB6E1C1257F4D004CAF B2?OpenDocument](https://www.unog.ch/80256EE600585943/(httpPages)/37D51189AC4FB6E1C1257F4D004CAF B2?OpenDocument) (date of application: 18.05.2018).

ПРИНЦИПЫ ПОСТРОЕНИЯ СИСТЕМЫ ОБЩЕСТВЕННОГО КОНТРОЛЯ ЗА ОСУЩЕСТВЛЕНИЕМ ГОСУДАРСТВЕННЫХ ЗАКУПОК В ВООРУЖЁННЫХ СИЛАХ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

А.И. ЗЕМЛИН,
доктор юридических наук, профессор,
заслуженный деятель науки Российской
Федерации, профессор Военного университета
Министерства обороны Российской Федерации
E-mail: Zemlin.Aldr@yandex.ru

Н.В. СЫНКОВ,
преподаватель Военного университета
Министерства обороны Российской Федерации
E-mail: n_sinkov@mail.ru

Аннотация. В статье исследованы принципиальные подходы, реализованные в законодательстве об общественном контроле и о контрактной системе, к построению системы общественного контроля закупок для нужд Вооружённых Сил Российской Федерации, выявлены противоречия и пробелы российского законодательства, на основе проведенного авторами анализа с использованием

методик сравнительно-правового и формально-догматического анализа сформулированы отдельные предложения, легализация которых позволит повысить качество правового регулирования общественного контроля в контрактной системе государственных закупок для потребностей обороны.

Ключевые слова: государственные закупки; контрактная система; общественный контроль в системе гражданского общества; эффективность расходования бюджетных средств; правовое обеспечение системы общественного контроля; закупочная деятельность в Вооружённых Силах Российской Федерации

Сущность и специфика общественного контроля за осуществлением государственных закупок для нужд обороны не могут быть раскрыты без определения принципов исследуемого социально-правового явления.

Под принципом, по нашему мнению, следует понимать центральное понятие, основание некой социально-правовой (в нашем случае в интересах решаемой исследовательской задачи. – Прим. авт.) системы, сущность которой эвентуализируется в распространении какого-либо значимого в гносеологическом и онтологическом аспекте положения на все однородные (одновидовые) явления

и (или) процессы той сферы жизнедеятельности общества, функционирования государства, из которой данный принцип абстрагирован и визуализирован.

Подобный подход соответствует общепринятым мнениям, выработанным гуманитарными науками. Так, Г.В. Атаманчук под принципом понимает закономерность, выраженную в виде определённого научного положения, закреплённого в большинстве своём правом и применяемого в теоретической и практической деятельности [4].

При этом специалистами в области теории права вполне основательно осуществляется дифференциация наравне с правовыми принципами также и соб-

ственно принципов права. При этом акцентируется внимание на то обстоятельство, что далеко не все легализованные российским законодательством принципы могут быть признаны правовыми [5].

Вполне очевидно, что классификация принципов на принципы собственно права и правовые принципы осуществляется исходя из различных оснований: в основе первой лежат основания гносеологические и отчасти праксиологические. Основу же второй классификации составляют подходы, закрепленные в правовой аксиологии. Бесспорное и явное для каждого юриста различие в указанных подходах следует, по мнению авторов статьи, тем не менее, актуализировать, поскольку это имеет существенное значение для последующего анализа.

Не подлежит никакому сомнению тот факт, что нашедшие свое правовое закрепление в нормах Федерального закона «Об основах общественного контроля в Российской Федерации» [3] принципы общественного контроля уже в силу самого отмеченного обстоятельства имеют правовой характер.

При этом следует полагать, что, с учетом специфики правового регулирования государственных закупок для нужд обороны, принципы общественного контроля в этой сфере также специфичны.

В ст. 6 Федерального закона «Об основах общественного контроля в Российской Федерации» (далее – Закон) установлено, что осуществление общественного контроля в Российской Федерации основывается на ряде принципов, подробное рассмотрение отдельных из которых будет осуществлено в рамках настоящей публикации.

Очевидно, что то особое внимание, которое было уделено в Законе подробному перечислению и последующей в ряде случаев дальнейшему раскрытию содержания некоторых из указанных в тексте нормативного правового акта принципов этого вида контроля, имеет вполне обоснованный потребностями практики характер и фундировано, в первую очередь, потребностями решения практической по оформлению если не нового, то, как минимум, слабо изученного института гражданского общества, целью функционирования которого выступает обеспечение законности эффективности публичного

управления, при одновременном повышении социальной активности участия институтов гражданского общества в решении насущных задач государственного управления, что является важнейшим атрибутом демократического правового государства.

В то же время, представляется, что законодатель, подробно и полно устанавливая и раскрывая содержание отдельных из легализованных в Законе принципов, не в полной мере отражает свою позицию относительно целого ряда из имеющих весьма существенное значение из них.

В частности, акцентируя внимание на добровольности участия в осуществлении общественного контроля, а также приоритете прав и законных интересов человека и гражданина, законодатель, по нашему мнению, необоснованно игнорировал необходимость закрепления в числе базовых основ общественного контроля принцип его доступности, обеспечения возможности для граждан и общественных организаций реализовать свое право на участие в деятельности субъектов общественного контроля. Соответственно целесообразно дополнить принцип приоритета прав и законных интересов человека и гражданина положением о доступности (гарантиях возможности) участия в деятельности субъектов общественного контроля граждан и общественных организаций.

С формулировкой принципа публичности и открытости осуществления общественного контроля и общественного обсуждения его результатов можно было бы согласиться в случае четкого легального закрепления в целях анализируемого Закона понятия «публичность», поскольку указанное понятие в законодательстве и научной литературе применяется в различной интерпретации.

Так, общеизвестно, что сущность принципа публичности в уголовном процессе выражена достаточно подробно и основательно в УПК РФ [2]. Однако, очевидно, что раскрытии принципа публичности в уголовно-процессуальном смысле как обязанности компетентного органа возбудить уголовное дело в каждом случае обнаружения признаков преступления и принять меры к установлению события преступления, виновных лиц, а также их наказанию [2], не в полной мере соответствуют специфике, предназначению и процессу-

альной основе общественного контроля.

В данном случае принцип публичности опирается на положения Конституции Российской Федерации [1], возлагающей на государство обязанность защищать права и свободы человека и гражданина (ст. 2). О преследовании по федеральному закону захвата власти или присвоения властных полномочий говорится в ч. 4 ст. 3 Конституции Российской Федерации [1]. Норма ст. 8 провозглашает, что в Российской Федерации признаются и защищаются равным образом частная, государственная, муниципальная и иные формы собственности.

С характеристикой уголовного процесса как публичного по своей природе связана традиционно сложившаяся и не оспариваемая в научной литературе, распространенная в юридической практике и специальной литературе классификация по данному признаку уголовных дел на дела публичного обвинения, частного обвинения и частно-публичного обвинения. К первой категории и относится подавляющее большинство уголовных дел. Вполне очевидно, что в тексте Федерального закона от № 212-ФЗ «публичность» имеет явно иной смысл, нежели в уголовном судопроизводстве.

Термин «публичность» также используется в законодательстве для уточнения сущности правовой категории «полномочия». Так, в частности, сделано и в тексте нормы ст. 4 Закона, согласно которой общественный контроль рассматривается как наблюдение за деятельностью органов государственной власти, органов местного самоуправления, государственных и муниципальных организаций, иных органов и организаций, осуществляющих в соответствии с федеральными законами отдельные публичные полномочия. В этом ракурсе публичные (публично-властные, властные) полномочия органов и организаций должны, в соответствии с общепринятым в правовой науке и юридической практике подходом, трактоваться как субъективное право, которое принадлежит их носителям, наделяемым в связи с этим обстоятельством специальным статусом субъекта права. Поскольку вполне логичным и очевидным является умозаключение о том, что указанные полномочия имеют производный от позитивного права характер, надлежит учитывать тот

непреложный факт, что сущностной характеристикой публичной деятельности выступает неперенное участие в ней специальной группы субъектов, наделенных государственно-властными полномочиями. В крайне упрощенном виде схема публично-правовых отношений может быть представлена как алгоритм действий по принципу «команда – подчинение». Данная схема выражает смысл и природу поведенческих реакций в данной системе координат: властвование, повеление всегда означают, что одна сторона отношений вправе и реально в состоянии обеспечить поведение другой стороны в нужных рамках. Поскольку возможность определять поведение подчиненной стороны детерминирована, с одной стороны, наличием и выражением публичного интереса, а с другой - реализацией властного полномочия, очевидно, что в в тексте нормы ст. 4 Закона понятие «публичность» надделено опять-таки явно иным, нежели в ст. 6 того же Закона, смыслом.

По нашему мнению, устанавливая в качестве принципа общественного контроля его «публичность», законодатель исходил не из юридического, а скорее политологического либо социально-философского понимания этого термина. В политологических исследованиях, например, «публичность власти» определяется как транспарентность и гласность деятельности власти в совокупности этих состояний, как открытости власти с наличием реальной возможности участия граждан в управлении государством.

При этом обращает на себя внимание тот факт, что законодатель, закрепляя принцип «публичности и открытости осуществления общественного контроля и общественного обсуждения его результатов», рассматривает публичность наравне с открытостью, т. е. в предельно узком смысле слова, отождествляя его, по сути, исключительно с гласностью, а ещё точнее, некой «медийностью» субъектов контроля.

Считаем, что общеизвестный, длительно и широко используемый в законодательстве принцип гласности применительно к общественному контролю, признаваемый большинством исследователей в качестве необходимого атрибута современного демократического общества, полностью отражает те прин-

ципиальные требования, которые законодатель стремился закрепить, используя неоднозначный и неопределённый в тексте Закона термин «публичность». Принцип гласности предусматривает открытость деятельности субъектов контроля, доступность каждого гражданина к информации о результатах контрольной деятельности.

Поскольку удвоение понятий, равно как и использование неопределённых законодательно понятий влечёт проблемы не только теоретического, но и правоприменительного характера, следует принцип «публичности и открытости осуществления общественного контроля и общественного обсуждения его результатов» уточнить, заменив, по меньшей мере, термин «публичность» на «гласность».

Принцип законности деятельности любых органов и организаций традиционно выделяется в качестве имеющего важнейшее значение, поскольку он является необходимым условием реализации всех остальных принципов. Принцип законности деятельности субъектов общественного контроля предусматривает качество нормативно-законодательной базы контроля, т. е. его соответствие целям общественного развития. Кроме того, этот принцип предполагает соблюдение норм права субъектами контроля (их представителями) при реализации своих контрольных полномочий (включая осуществление контроля и вынесение решений по его результатам), а также всеми организациями, имеющими с ними правоотношения.

В данном случае приведённое положение коррелирует принципу, устанавливающему обязательность рассмотрения органами государственной власти, органами местного самоуправления, государственными и муниципальными организациями, иными органами и организациями, осуществляющими в соответствии с федеральными законами отдельные публичные полномочия, итоговых документов, подготовленных по результатам общественного контроля, а в случаях, предусмотренных федеральными законами и иными нормативными правовыми актами Российской Федерации, законами и иными нормативными правовыми актами субъектов Российской Федерации, муниципальными нормативными правовыми актами, учёта указанными органами и организациями

предложений, рекомендаций и выводов, содержащихся в этих документах.

Формулировка принципа «объективности, беспристрастности и добросовестности субъектов общественного контроля, достоверности результатов осуществляемого ими общественного контроля» явно отражает стремление законодателя максимально, даже в ущерб законам формальной логики, раскрыть содержание традиционно выделяемого применительно к контрольной деятельности принципа объективности, предусматривающего, что выводы по результатам контроля, подходы лиц, осуществляющих контроль, к планированию и проведению мероприятий должны исключать какую бы то ни было предвзятость или предрасположенность, а также какие-либо особые мотивы (корысть, политический заказ и т. п.).

Так, планирование контрольных мероприятий и их проведение должны исключать какую-либо предубежденность об изначальном наличии негативных аспектов в деятельности проверяемых объектов. Сам контроль должен осуществляться квалифицированными специалистами с использованием фактических документальных данных в установленном законодательством порядке, путём применения методов, обеспечивающих получение полной и достоверной информации. Объективность также предполагает, что выводы по результатам контроля (например, общественной проверки) должны быть беспристрастны (особенно в плане представления материалов), обоснованы и подтверждены соответствующими данными, материалами, содержащими качественную информацию. При этом о качестве информации можно судить по следующим критериям: необходимость, достаточность, истинность, своевременность, аналитичность, организованность.

Соответственно указанный принцип целесообразно изложить в следующей редакции: «принцип объективности, предполагающий беспристрастность и добросовестность субъектов общественного контроля, компетентность их представителей, достоверность результатов осуществляемого ими общественного контроля».

Более того, целый ряд принципов, выделенных в Законе [3] особо, по сути, лишь раскрывают ту или иную сторо-

ну содержания объективности общественного контроля, тем самым дублируя его. Это, в частности, относится к таким легализованным принципам, как:

- недопустимость необоснованного вмешательства субъектов общественного контроля в деятельность органов государственной власти, органов местного самоуправления, государственных и муниципальных организаций, иных органов и организаций, осуществляющих в соответствии с федеральными законами отдельные публичные полномочия, и оказания неправомерного воздействия на указанные органы и организации;

- презумпция добросовестности деятельности органов государственной власти, органов местного самоуправления, государственных и муниципальных организаций, иных органов и организаций, которые осуществляют в соответствии с федеральными законами отдельные публичные полномочия и за деятельностью которых осуществляется общественный контроль;

- недопустимость вмешательства в сферу деятельности политических партий;

- соблюдение нейтральности субъектами общественного контроля, исключающей возможность влияния решений политических партий на его осуществление.

Подобный подход законодателя, как было отмечено, объясняется исключительно его желанием как можно подробнее и доступнее разъяснить свою принципиальную позицию, подходы к организации и осуществлению общественного контроля, но неоснователен с точки зрения формальной логики и юридической догматики.

Однако при этом за пределами внимания законодателя остался такой имеющийся, по мнению авторов статьи, существенное значение принцип общественного контроля, предполагающий ответственность участников системы общественно-контрольных отношений. Полагаем, что указанный принцип может быть рассмотрен в нескольких ипостасях. В частности, речь должна идти об ответственности контролёров, совершение нарушений которыми установленного порядка и процедур общественного контроля должно преследоваться по закону, для чего необходимо, равно как и целесообразно внесение значительного числа изменений в российское законодательство.

Кроме того, несомненно, должна быть не только декларирована, но и реально установлена ответственность контролируемых, то есть лиц, подвергающихся общественному контролю.

И, наконец, позитивным правом должна быть определена ответственность третьих лиц, способных влиять на проведение мероприятий общественного контроля и оказывать воздействие на общественных контролёров в интересах влияния на результаты контроля и принимаемые решения.

Также полагаем целесообразным закрепление в качестве принципа общественного контроля обеспечения защиты государственной, коммерческой и иной охраняемой законом тайны. По нашему мнению, указанный принцип должен по общему правилу устанавливать, что сведения, составляющие государственную, коммерческую и иную охраняемую законом тайну, ставшие известными субъектам общественного контроля, могут быть преданы гласности, т. е. опубликованы в какой-либо форме либо переданы любому постороннему лицу, исключительно в установленном Законом порядке. Считаем, что эта норма имеет особое значение для организации общественного контроля за закупками для нужд Вооружённых Сил Российской Федерации, поскольку позволила бы обеспечить сохранение закрытой для распространения информации.

При этом в тексте Закона особо следует указать на то, что субъект общественного контроля обязан передавать в установленном порядке в правоохранительные органы, органы государственной власти, наделённые соответствующей компетенцией, сведения о совершённом либо готовящемся правонарушении коррупционного характера, информацию о фактах, свидетельствующих о коррупционном сговоре, полученные при осуществлении общественного контроля.

Легализованный принцип, закрепляющий «многообразие форм общественного контроля», по нашему мнению, не только принципиального, но и вообще, какого-либо самостоятельного правового значения не имеет, поскольку в ст. 10 Закона [3] прямо установлено, что субъекты общественного контроля вправе осуществлять общественный контроль

в формах, предусмотренных Законом и другими федеральными законами.

В ст. 13 Закона применительно к деятельности общественных советов при федеральных органах исполнительной власти, общественных советов при законодательных (представительных) и исполнительных органах государственной власти субъектов Российской Федерации также прямо установлено, что они «участвуют в осуществлении общественного контроля в порядке и формах, которые предусмотрены настоящим Федеральным законом, другими федеральными законами и иными нормативными правовыми актами Российской Федерации, законами и иными нормативными правовыми актами субъектов Российской Федерации, положениями об общественных советах».

Более того, легализации форм и порядка осуществления общественного контроля посвящена гл. 3 Закона [3]. При этом в его ст. 18 установлено, что

общественный контроль осуществляется в формах общественного мониторинга, общественной проверки, общественной экспертизы, в иных формах, не противоречащих Закону, а также в таких формах взаимодействия институтов гражданского общества с государственными органами и органами местного самоуправления, как общественные обсуждения, общественные (публичные) слушания и другие формы взаимодействия.

Полагаем, что уточнение, легализация и использование указанных принципов, которые должны быть закреплены законодательно, в повседневной деятельности субъектов общественного контроля может позволить обеспечить надлежащую степень повышения эффективности воздействия общественного контроля и тем самым повысить законность государственного управления системой закупочной деятельности для нужд Вооружённых Сил Российской Федерации.

ЛИТЕРАТУРА

1. Конституция Российской Федерации: принята всенародным голосованием 12 декабря 1993 г. (в ред. от 21 июля 2014 г.) [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_28399/ (дата обращения 21.02.2018).
2. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации: федер. закон от 18 дек. 2001 г. № 174-ФЗ [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://base.garant.ru/12125178> (дата обращения 15.02.2018).
3. Об основах общественного контроля в Российской Федерации: федер. закон от 21 июля 2014 г. № 212-ФЗ [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://base.garant.ru/70700452/> (дата обращения 18.02.2018).
4. Атаманчук Г.В. Государственное управление: проблемы методологии правового исследования. – М.: Юрид. лит., 1975. – С. 188.
5. Сырых В.М. Логические основания общей теории права. – М., 2000. – С. 63.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Землин Александр Игоревич,

доктор юридических наук, профессор, заслуженный деятель науки Российской Федерации, профессор Военного университета Министерства обороны Российской Федерации
111033, Москва, ул. Волочаевская, д. 3/4
Email: Zemlin.Aldr@yandex.ru

Сынков Николай Викторович,

преподаватель Военного университета Министерства обороны Российской Федерации
111033, Москва, ул. Волочаевская, д. 3/4
Email: n_sinkov@mail.ru

MILITARY FINANCIAL LAW

PRINCIPLES OF BUILDING A SYSTEM OF PUBLIC CONTROL OVER STATE PROCUREMENT IN THE ARMED FORCES OF THE RUSSIAN FEDERATION

Aleksandr I. ZEMLIN

Nikolai V. SYNKOV

Abstract. The methodology of military-legal research is used in the article in order to reveal the legal and organizational component of public control over public procurement for the needs of the Armed Forces of the Russian Federation. Social relations arising between the military organization of the state, on the one hand, and the institutions of civil society, on the other, constitute the subject of the study. The article analyzes the principal approaches implemented in the legislation on public control and on the contract system to the construction of a public control system for purchases for

the needs of the Armed Forces. Based on the results of the military-legal research carried out using formal-dogmatic and system-legal analysis procedures there were identified certain contradictions and existing gaps in the Russian legislation. In conclusion of the study, the directions of optimization of the legal regulation system are suggested with a view of increasing the effectiveness of public control over the implementation of public procurement using competitive procedures for the defense needs. In practice it may help to minimize corruption risks and ensure the law financial activity in the state military organizations.

Keywords: state procurement; public control; civil society; spending budget funds; public control legal regulation; efficiency of the state procurement the Armed Forces of the Russian Federation

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Zemlin Aleksandr Igorevich,

Dr. Sc. (Law), Professor, Honored Scientist of the Russian Federation, Professor of the Military University of the Defense Ministry of the Russian Federation

3/4 Volochaevskaya Str., Moscow, 111033, Russian Federation

Email: Zemlin.Aldr@yandex.ru

Synkov Nikolay Vladimirovich,

Lecturer of the Military University of the Defense Ministry of the Russian Federation

3/4 Volochaevskaya Str., Moscow, 111033, Russian Federation

Email: n_sinkov@mail.ru

REFERENCES

1. The Constitution of the Russian Federation: adopted by popular vote on December 12, 1993 [Konstituciya Rossijskoj Federacii: prinyata vsenarodnym golosovaniem 12 dekabrya 1993 g.] (as amended on July 21, 2014). Available at: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_28399/ (accessed Feb. 21 2018).
2. The Code of Criminal Procedure of the Russian Federation: fed. law [Ugolovno-processual'nyj kodeks Rossijskoj Federacii: Feder. zakon] of December 18, 2001, No. 174-FZ. Available at: <http://base.garant.ru/12125178> (accessed Feb. 15 2018).
3. Concerning Basic principles of Public Control in the Russian Federation: fed. law [Ob os- novah obshchestvennogo kontrolya v Rossijskoj Federacii: Feder. zakon] of July 21, 2014, No. 212-FZ. Available at: <http://base.garant.ru/70700452/> (ac- cessed Feb. 18 2018).
4. Atamanchuk G.V. Public administration: problems of legal research methodology [Gosudarstvennoe upravlenie: problemy metodologii pravovogo issledovaniya]. Moscow: Juridical literature. 1975. p. 188.
5. Syrikh V.M. Logical foundations of general theory of law [Logicheskie osnovaniya obshchej teorii prava]. Moscow. 2000. p. 63.

20.02.03 «Военное право, военные проблемы
международного права»

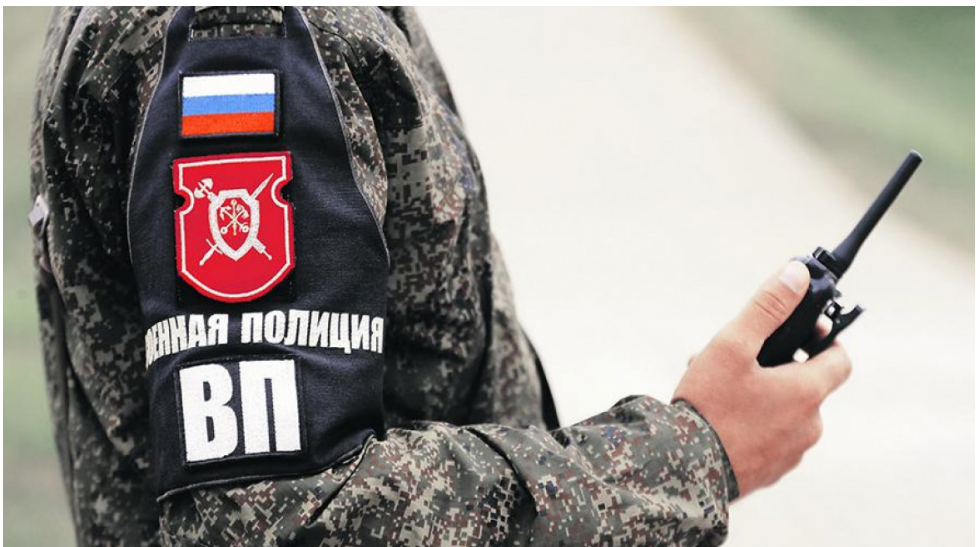
ФУНКЦИИ ВОЕННОЙ ПОЛИЦИИ ВООРУЖЁННЫХ СИЛ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

С.А. МИНТЯГОВ,
адъюнкт Военного университета Министерства обороны Российской Федерации
E-mail: stas21965@mail.ru

Аннотация. В статье рассматриваются правоохранительная и правозащитная функции органа военного управления Вооружённых Сил Российской Федерации – военной полиции Вооружённых Сил

Российской Федерации. Данная структура является относительно новой, в связи с чем, актуальным остаётся вопрос научного исследования правового регулирования её деятельности.

Ключевые слова: военная полиция; функции; правозащитная политика; правоохранительная политика

Согласно 19 статьи Устава военной полиции Вооружённых Сил Российской Федерации главными направлениями деятельности военной полиции являются:

1) Обеспечение исполнения законов, дисциплины военнослужащих, сохранение правопорядка, а также противодействие в пределах своей компетенции

преступности в воинской среде. Военная полиция обеспечивает законность, воинскую дисциплину и правопорядок различными методами, включая организацию патрульной службы (пеший и автомобильный патруль, выставление постов и т.п.). Данные мероприятия патрульной службы могут проводиться в воинских

частях, полигонах, территориях, на которых расположены военные городки, в местах, где наибольшее количество народа, это и вокзалы, и аэропорты, и площади, и многие другие общественные места.

Можно не согласиться с мнением И.А. Ахрема, который рассматривая функции военной полиции, указывает на то, что сотрудники военной полиции осуществляют правопорядок в населённых пунктах и в военных городках, на подведомственных ей территориях. Во-первых, само понятие «сотрудник военной полиции» отсутствует в законодательстве. Данное понятие предполагалось в проекте Федерального закона от 3 февраля 2014 г. № 7-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации по вопросам деятельности военной полиции Вооружённых Сил Российской Федерации» [9]. Но по решению депутатов Государственной Думы РФ данное понятие было заменено на понятие «военнослужащий военной полиции», что представляется более верным с точки зрения военной терминологии. Во-вторых, военная полиция обеспечивает воинский правопорядок, а поддержание общественного правопорядка возлагается на военную полицию только в период обеспечения ею сложных ситуаций, таких как ЧП, военного положения, а также правового режима во время контртеррористических операций (п. 7 ст. 37 Устава военной полиции).

К числу главных задач работы военной полиции относится обеспечение порядка в военных судах во время заседаний, а также в служебных помещениях военных судов, следственных органов и органов прокуратуры, относящихся к Вооружённым Силам. Кроме этого, основным направлением деятельности военной полиции является конвоирование лиц из числа военнослужащих.

2) Военная полиция наделена полномочиями по осуществлению, в пределах своей компетенции, дознания в Вооружённых Силах. Наряду с этим, еще одним немаловажным направлением деятельности военной полиции явилось наделение её отдельных подразделений (таких как ВАИ) рассмотрением дел об административных правонарушениях. Также органы военной полиции, в отдельных случаях,

регламентированных Уставом военной полиции и общевойсковыми уставами Вооружённых Сил Российской Федерации могут проводить разбирательства по дисциплинарным проступкам, отнесенным к их компетенции. Данное направление деятельности, по мнению многих учёных и экспертов, позволит освободить от несвойственных функций командиров и начальников, а также повысить качество проведения дознания и разбирательств по дисциплинарным проступкам, поскольку данное направление деятельности будет осуществляться квалифицированными должностными лицами военной полиции.

3) Ещё одним направлением деятельности военной полиции является организация розыска военнослужащих скрывающихся от следствия и суда, розыска военного имущества и содействие в этом органам Министерства внутренних дел Российской Федерации.

4) На основании уголовно-исполнительного законодательства Российской Федерации военная полиция проводит исполнение наказаний военнослужащими, в том числе в других войсках и формированиях.

5) На военную полицию Вооружённых Сил Российской Федерации возложена охрана особо важных военных объектов Вооружённых Сил Российской Федерации, а также охрана лиц, подлежащих государственной защите (военных судей и иных должностных лиц, и лиц из числа военных, относящихся напрямую к судебным разбирательствам и уголовному судопроизводству).

6) К числу главных задач работы военной полиции относится безопасность дорожного движения в войсках, организация и обеспечение исполнения правовых норм, связанных с дорожным движением, согласование работы других войск и формирований по этим вопросам.

7) Впоследствии ещё одним направлением работы военной полиции стало решение задач по вопросам гарнизонной службы. Исследуя данное направление деятельности военной полиции Ю.Н. Туганов отмечает, что внесенные Уставом военной полиции изменения в общевойсковые уставы Российской Армии напрямую решили порядок распределения задач и функций, которые решаются

службой гарнизонов, главным аспектом явилось конкретное определение деятельности военной полиции. Вследствие чего, выполнение задач по поддержанию правопорядка и дисциплины в гарнизоне (ранее предусмотренные ст. 22 Устава гарнизонной и караульной служб ВС РФ) было возложено на военную полицию.

Таким образом, главные направления работы военной полиции сосредоточены в её функциях (от латинского *funktio*): осуществление или исполнение, работа, обязанность, деятельность, внешнее проявление объекта в конкретной системе правоотношений.

Все функции военной полиции можно разделить на несколько групп в зависимости от характера выполняемых задач и области применения:

1) функции в сфере укрепления законности, поддержания воинской дисциплины и правопорядка, пресечения и профилактики преступлений (правонарушений, проступков);

2) функции по охране и физической защите лиц из числа военнослужащих, а также граждан и лиц, подлежащих государственной защите; функции по охране объектов военного направления, перечень которых определяется Министерством обороны РФ;

3) функции в области безопасности дорожного движения;

4) функции по участию в обеспечении

чрезвычайного положения и военного положения, а также правового режима контртеррористической операции;

5) функции по обеспечению (восстановлению) международного мира и безопасности.

Первая группа – функции в сфере укрепления законности, воинской дисциплины и правопорядка, функции по предотвращению и профилактики преступлений (правонарушений, проступков).

Сюда можно отнести: функции по обеспечению законности, правопорядка и воинской дисциплины в Вооружённых Силах; организация патрульной службы; предупреждение и пресечение преступлений и административных правонарушений; профилактическая работа; охрана места происшествия; приём, регистрация и проведение разбирательств по дисциплинарным проступкам; противодействие незаконному обороту наркотиков; функции уголовно-процессуальной деятельности и др.

Вторая группа - функции по охране военнослужащих, граждан и лиц, подлежащих государственной защите, а также военных объектов, перечень которых определён Министерством обороны Российской Федерации.

К данной группе можно отнести: функции по обеспечению безопасности различных участников уголовного процесса, таких как потерпевшие и свидетели (во-

еннослужащие), защита военных судей, работников прокуратуры и военного следствия; охрана армейских объектов Вооружённых Сил и помещений военной прокуратуры и следственных органов.

Третья группа – функции в области обеспечения и организации безопасности дорожного движения в Вооружённых Силах. К данной группе можно отнести следующие функции: обеспечение безопасности дорожного движения в войсках, в том числе пропаганда; контроль за соблюдением дорожного движения и правил эксплуатации транспортных средств; организации дорожного движения на дорогах и территориях; гос. регистрация и учёт транспортных средств Вооружённых Сил; выполнение контрольных и надзорных функций в сфере исполнения нормативных правовых актов в области обеспечения БДД и др.

Четвертая группа - функции по активной подготовке и участию в проведении контртеррористических операций, режимов чрезвычайного и военного положения, обеспечении правового режима контртеррористической операции, а также в осуществлении территориальной обороны. К данной группе можно отнести функции военной полиции по обеспечению мероприятий мобилизационного развёртывания войск.

При выполнении указанных функций военная полиция наделена полномочиями по применению некоторых ограничительных мер по охране общественного порядка на территориях где введены военное и чрезвычайное положение либо проводится контртеррористическая операция.

Пятая группа - функции, выполняемые военной полицией по восстановлению и поддержанию международного мира и безопасности, в том числе на территории иностранного государства.

К числу указанных функций можно отнести: функции по охране и обороне пунктов управления подразделений, участвующих в мероприятиях по восстановлению и поддержанию международного мира и безопасности; функции по обеспечению физической защиты руководящего состава и должностных лиц государства; функции по обеспечению безопасности пребывания иностранных групп в тыловом районе и на территории ведения военных

(боевых) действий; функции по участию в миротворческих операциях; функции по выполнению специальных задач в городах (населённых пунктах, районах), освобождённых от незаконных вооружённых формирований (участие в обеспечении безопасности гуманитарных операций в районе контртеррористической операции; обеспечение безопасности работы медицинских и инженерно-сапёрных подразделений; обеспечение безопасности передвижения гуманитарных конвоев).

Кроме этого, военная полиция является субъектом не только правоохранительной, но и правозащитной деятельности. В связи с чем, всю её деятельность (направления и функции) можно разделить на правоохранительные и правозащитные.

При исследовании правоохранительной и правозащитной деятельности военной полиции можно поддержать мнение Д.О. Саакяна, который считает, что правоохранительные функции выступают как предупреждающие к нарушению прав [12]. В свою очередь, правозащитные функции возникают уже после того, как право было нарушено, и эти самые функции направлены на восстановление этого права.

Другую точку зрения по данному поводу имеет Н.И. Цымбалюк, который считает, что правозащитная и правоохранительная деятельность являются подсистемами одной большой системы «правового обеспечения жизнедеятельности общества», что позволяет сделать вывод о том, что в систему субъектов правозащиты входят, все без исключения правоохранительные органы» [14].

Г.Б. Мирзоев под государственной правоохранительной системой понимает реализацию правозащитной функции государства [5]. По его мнению, правозащитная и правоохранительная политика являются разновидностями правовой политики и выступают как взаимосвязанные правовые институты, которые в свою очередь формируют правовое государство.

В.И. Анишина и И.Л. Бачило обобщают отмечают, что государственные и негосударственные органы могут одновременно использовать элементы как правозащиты, так и правоохраны, причём их соотношение может быть различным. [3, 5]. Наибольшая доля возможна как у правозащитных элементов, так и у пра-

вооружительных; имеет место быть и их сосуществование в приблизительно одинаковых пропорциях.

По мнению Н.И. Матузова, понятие охрана и защита субъективного права-это разные понятия. Права человека всегда и постоянно находятся под охраной, а их защита осуществляется только тогда, когда имеет место их нарушение. Он считает, что защита права - это всего лишь элемент охраны[8].

Проведя анализ понятий правозащитной и правоохранительной функций можно прийти к выводу, что правоохранительная деятельность это юридическая деятельность специализированных государственных органов, выражающаяся в применении принудительных и силовых методов воздействия, и направленная на пресечение и предупреждение нарушений норм права, а также для устранения причин и условий их способствующих. В свою очередь под правозащитной деятельностью следует понимать деятельность, которая может выражаться в отстаивании своих прав и свобод в определённых социальных инстанциях (институтах) с использованием средств, разрешённых законом.

Применительно к военной полиции Вооружённых Сил под правоохранительной её деятельностью следует понимать комплекс правоохранительных (полицейских или принудительно-силовых) функций и полномочий, направленных на выявление, пресечение и профилактику правонарушений в Вооружённых Силах, включая право военнослужащих военной полиции на применение некоторых мер государственного принуждения (задержание, доставление и т.п.).

Таким образом, можно выстроить логическую цепь, где правоохранительная деятельность выстраивает правоохранительную систему, а правозащитная её создаёт.

Защита жизни и здоровья, прав и свобод военнослужащих реализуется военной полицией посредством рассмотрения обращений (жалоб) о нарушении их прав и свобод. Специфика деятельности военной полиции заключается в том, что она в соответствии с законом, уполномочена в своей компетенции, рассматривать сообщения о дисциплинарных проступках, административных правонарушениях, а

также преступлениях.

Правозащитная деятельность создаёт условия и предпосылки для защиты основ конституционного строя и других важных ценностей и интересов общества и государства. Именно деятельность правозащиты должна создавать условия и механизмы, также и гарантии для реализации защиты общества.

Суть правозащитной деятельности военной полиции заключается в реализации и выработке правозащитных направлений и целей. В практическом плане правозащитная политика военной полиции представляет собой деятельность различных её структурных подразделений и органов, направленную на решение определённых задач, таких как:

- 1) оптимизация и совершенствование своей нормативной правовой базы;
- 2) повышение эффективности работы по охране лиц, подлежащих государственной защите;
- 3) организация и совершенствование взаимодействия военной полиции с другими заинтересованными государственными и негосударственными органами в целях защиты прав военнослужащих;
- 4) формирование правозащитной культуры у военнослужащих и других специалистов военной полиции.

Таким образом, под правозащитной деятельностью военной полиции, в данном случае, следует понимать её деятельность по охране прав и свобод, защите жизни и здоровья, военнослужащих, гражданских служащих и других граждан, включая меры государственной охраны лиц, подлежащих защите в соответствии с законодательством Российской Федерации.

Стоит отметить, что осуществляя в названных целях свою деятельность (функции и полномочия) военная полиция, выявляя, к примеру, те или иные правонарушения, способствует урегулированию возникающих и возможных противоречий между государством и гражданином, пресекает и предупреждает рецидив их проявления вновь, при этом по необходимости проводит соответствующую правовоспитательную и разъяснительную работу.

Резюмируя вышесказанное можно сделать вывод, что с одной стороны, военная полиция осуществляет защиту главной

ценности - жизнь и здоровье, охрану прав и свобод военнослужащих, а с другой - защищает интересы государства и общества, которые в свою очередь охраняются законом (применительно к армии).

В этой связи, представляется правильным согласиться с мнением Б.С. Эбзеева о том, что отсутствие гармонии между индивидуальным и коллективным может привести к разрушению общества [15]. Отсюда следует, что научные исследования и практика в этой области должны основываться на равновесии интересов между личностью и обществом, в котором оно развивается, на взаимодействии индивидуального и коллективного.

Также следует обратить внимание вопросам взаимодействия военной полиции с другими правоохранительными органами и командирами воинских частей и учреждений. При организации взаимодействия необходимо учитывать чёткое разграничение полномочий между военной полицией и командирами воинских частей, организаций и правоохранительными органами.

В.М. Корякин отмечает, что принятый Устав военной полиции, и на его основании внесённые изменения в воинские уставы, решили очень важный вопрос взаимодействия военной полиции и командования в их действиях в работе по контролю, укреплению, обеспечению правопорядка в Вооружённых Силах, так как в них очень чётко разграничены их прямые функции [7]. Каждый военный орган занимается исполнением своих прямых функций, а не заменяет другого, не конкурирует, а сотрудничает с целью укрепления дисциплины, сохранения и поддержания порядка на всех уровнях

армейской жизни. Только при чётком и конструктивном взаимодействии военной полиции, командиров частей и других органов можно добиваться успехов в служении на благо России и её Армии.

В заключении хотелось бы сформулировать следующие выводы:

1. Основные направления деятельности военной полиции нашли своё практическое воплощение в её функциях. Функции военной полиции можно разделить на несколько групп в зависимости от характера выполняемых задач и области применения: 1) функции в сфере укрепления законности, поддержания воинской дисциплины и правопорядка, пресечения и профилактики преступлений (правонарушений, проступков); 2) функции по охране военнослужащих, граждан и лиц, подлежащих государственной защите, а также некоторых военных объектов; 3) функции в области безопасности дорожного движения; 4) функции по участию в обеспечении чрезвычайного положения, военного положения и правового режима контртеррористической операции; 5) функции по обеспечению (восстановлению) международного мира и безопасности.

Кроме этого военная полиция осуществляет правоохранительную и правозащитную функции. С одной стороны военная полиция призвана защищать права и свободы военнослужащих а с другой применять административно-правовые средства и меры государственного принуждения. Защита прав, свобод, жизни, здоровья и применение вышеуказанных мер принуждения должны применяться военной полицией в одинаковой степени.

ЛИТЕРАТУРА

1. О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации по вопросам деятельности военной полиции: Федеральный закон от 3 февраля 2014 г. № 7-ФЗ // Рос. газ. – 2014. – 5 февраля. – № 24.
2. Об утверждении Устава военной полиции Вооружённых Сил Российской Федерации и внесении изменений в некоторые акты Президента Российской Федерации: указ Президента Рос. Федерации от 25 марта 2015 г. № 161 // Собр. Законодательства Рос. Федерации. – 2015. – № 13. – Ст. 1909.
3. Анишина В.И. Основы судебной власти и правосудия в Российской Федерации: Курс лекций. – М., 2008. С. 62 – 65.
4. Ахрем И.А. Функции и основные направления деятельности военной полиции Вооружённых Сил Российской Федерации // VIII Международная научно-практическая конференция (Ку-

- тафинские чтения). – М.: ИЦ У-та им. О.Е. Кутафина (МГЮА), 2015. – Ст. 6.
5. Бачило И.Л. Функции органов управления: правовые проблемы оформления и реализации. – М., 1976. Теория государства и права: Курс лекций / Под ред. М.Н. Марченко. – М., 1997. – 80 с.
 6. Бутылин В.Н. Институт государственно-правовой охраны конституционных прав и свобод граждан // Журнал российского права. – 2001. – № 12. – 83 с.
 7. Корякин В.М. Разграничение полномочий командиров (начальников) и органов военной полиции в работе по обеспечению правопорядка и воинской дисциплины // Право в Вооружённых Силах. – 2015. – № 6. – Ст. 8.
 8. Матузов Н.И. Правовая система и личность. – Саратов, 1987. – С. 111 – 143.
 9. Мирзоев Г.Б. Правоохранительная деятельность государства и вопросы общественного контроля. – М.: Юрлитинформ, 2007. – С. 28 – 29.
 10. Ожегов С.И. Советский энциклопедический словарь. – М.: Сов. энциклопедия, 1987. – Ст. 1441.
 11. Редько А.А. Правозащитная политика и её место в правовой политике (теоретико-правовой анализ): Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. — СПб., 2011. С. 17.
 12. Саакян Д.О. О правоохранительной деятельности и правоохранительных органах Российской Федерации // Вестник Костромского государственного университета им. Н.А. Некрасова. Вып. 1. Т. 19. – 2013. – Ст. 218.
 13. Туганов Ю.Н. Административно-юрисдикционная деятельность военной полиции: анализ нормативных актов // Право в Вооружённых Силах. – 2015. – № 6. – С. 16.
 14. Цымбалюк Н.И. «Правоохрана» и «правозащита» – идентичности или антиподы в правовом государстве // Актуальные вопросы борьбы с преступлениями. – 2015. – № 2. – Ст. 96.
 15. Эбзеев Б.С. Личность и государство в России: взаимная ответственность и конституционные обязанности. – М.: изд-во «НОРМА», 2007. – Ст.48.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ

Минтягов Станислав Андреевич,
адъюнкт Военного университета Министерства обороны Российской Федерации
111033, г. Москва, ул. Волочаевская, д. 3/4
E-mail: stas21965@mail.ru

DEGREE SEEKER'S ROSTRUM FUNCTIONS OF MILITARY POLICE OF THE RUSSIAN FEDERATION ARMED FORCES

Stanislav A. MINTYAGOV

Abstract. The article deals with the legal and human rights, functions of the military administration of the Armed Forces of the Russian Federation, the Military Police of

the Armed Forces of the Russian Federation. This structure is relatively young, in this connection, the question of scientific research of legal regulation of its activities remains relevant.

Keywords: military police; functions; human rights policy; law enforcement policy

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Mintyagov Stanislav Andreevich,
Adjunct of the Military University of the Defense Ministry of the Russian Federation
3/4 Volochaevskaya Str., Moscow, 111033, Russian Federation
E-mail: stas21965@mail.ru

REFERENCES

1. About modification of separate legal acts of the Russian Federation concerning activity of military police: feder. law of February 3, 2014. No 7-FZ [O vnesenii izmenenij v otdel'nye zakonodatel'nye akty Rossijskoj Federacii po voprosam deyatel'nosti voennoj policii: feder. zakon ot 3 fevralya 2014 g. № 7-FZ]. Rossiyskaya gazeta. 2014. Feb. 5. No. 24.
2. On approval of the Charter of the Military Police of the Armed Forces of the Russian Federation and amendments to certain acts of the President of the Russian Federation: Decree of the President of Rus. Federation of March 25, 2015. No. 161 [Ob utverzhdenii Ustava voennoj policii Vooruzhyonnyh Sil Rossijskoj Federacii i vnesenii izmenenij v nekotorye akty Prezidenta Rossijskoj Federacii: ukaz Prezidenta Ros. Federacii ot 25 marta 2015 g. № 161]. Collection of Legislation of the Russian Federation. 2015. No. 13. Art. 1909.
3. Anishina V.I. Fundamentals of judicial power and justice in the Russian Federation: lectures [Osnovy sudebnoj vlasti i pravosudiya v Rossijskoj Federacii: Kurs lekciij]. Moscow. 2008. pp. 62 – 65.
4. Ahram I.A. Functions and main activities of the military police of the Armed Forces of the Russian Federation [Funkcii i osnovnye napravleniya deyatel'nosti voennoj policii Vooruzhyonnyh Sil Rossijskoj Federacii]. VIII international scientific-practical conference (innovative information technologies: readings). Moscow. Kutafin Moscow State Law University. 2015. 6 p.
5. Bachilo I.L. Functions of management bodies: legal problems of registration and implementation. Moscow. 1976. Theory of state and law: Course of lectures [Funkcii organov upravleniya: pravovye problemy oformleniya i realizacii]. Under the editorship of M. N. Marchenko. Moscow. 1997. p. 80.
6. Butylin V.N. Institute of state legal protection of constitutional rights and freedoms of citizens [Institut gosudarstvenno-pravovoj ohrany konstitucionnyh prav i svobod grazhdan]. Journal of Russian law. 2001. No. 12. 83 p.
7. Koryakin V.M. Separation of powers of commanders (chiefs) and bodies of military police in work on ensuring law and order and military discipline [Razgranichenie polnomochij komandirov (nachal'nikov) i organov voennoj policii v rabote po obespecheniyu pravoporyadka i voinskoj discipliny]. Law in Armed Forces. 2015. No. 6. 8 p.
8. Matuzov N.I. Legal system and personality [Pravovaya sistema i lichnost]. Saratov. 1987. pp. 111 – 143.
9. Mirzoev G.B. Law enforcement activities of the state and issues of public control [Pravoohranitel'naya deyatel'nost' gosudarstva i voprosy obshchestvennogo kontrolya]. Moscow. Yurilitinform. 2007. pp. 28 – 29.
10. Ozhegov S.I. Soviet encyclopedic dictionary [Sovetskij ehnciklopedicheskij slovar]. Moscow. Soviet Encyclopedia. 1987. 1441 p.
11. Redko A.A. Human Rights policy and its place in legal policy (theoretical and legal analysis): diss. ... cand. of jurid. science [Pravozashchitnaya politika i eyo mesto v pravovoj politike (teoretiko-pravovoj analiz): Avtoref. dis. ... kand. yurid. nauk]. St. Petersburg. 2011. p. 17.
12. Saakian D.O. On law enforcement and law enforcement agencies of the Russian Federation [O pravoohranitel'noj deyatel'nosti i pravoohranitel'nyh organah Rossijskoj Federacii]. Vestnik of Kostroma state university. Issue 1. Vol. 19. 2013. p. 218.
13. Tuganov Yu.N. Administrative and jurisdictional activities of the military police: analysis of regulations [Administrativno-yurisdikcionnaya deyatel'nost' voennoj policii: analiz normativnyh aktov]. Law in the Armed Forces. 2015. No. 6. p. 16.
14. Tsybalyuk N.I. "Law enforcement" and "protection" - identity or opposites in a state of law [«Pravoohrana» i «pravozashchita» – identichnosti ili antipody v pravovom gosudarstve]. Actual problems of struggle against crimes. 2015. No. 2. p. 96.
15. Ebzeev B.S. The Person and the state in Russia: mutual responsibility and constitutional duty [Lichnost' i gosudarstvo v Rossii: vzaimnaya otvetstvennost' i konstitucionnye obyazannosti]. Moscow. NORMA publishing house. 2007. p. 48.

20.02.03 – «Военное право, военные проблемы
международного права»

АКТУАЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ СОБЛЮДЕНИЯ ПОРЯДКА УВОЛЬНЕНИЯ ЖЁН ВОЕННОСЛУЖАЩИХ ПРИ ПЕРЕВОДЕ СУПРУГА К НОВОМУ МЕСТУ ВОЕННОЙ СЛУЖБЫ ДЛЯ ПОЛУЧЕНИЯ СОЦИАЛЬНЫХ ВЫПЛАТ

В.И. КОВАЛЁВ,

кандидат юридических наук, доцент,
заслуженный юрист Российской Федерации,
почётный работник высшего профессиональ-
ного образования Российской Федерации,
заведующий кафедрой трудового права,
гражданского и арбитражного процесса
Военного университета Министерства обороны
Российской Федерации

E-mail: av14141@mail.ru

Т.В. ЛОМАКИНА,

кандидат юридических наук,
доцент кафедры конституционного
(государственного) права Военного университета
Министерства обороны Российской Федерации

E-mail: av14141@yandex.ru

Аннотация. В рамках настоящей статьи изучен перечень вопросов, касающихся предоставления супруге военнослужащего, переведенного на службу в другую местность, пособия, выдача которого осуществляется при увольнении с предыдущего места работы. Также проанализированы актуальные проблемы ис-

полнения требований законодательства в области обеспечения социальных прав и гарантий членов семьи военнослужащего, исследуется практический опыт применения законодательства в рассматриваемой области, а также наиболее эффективные методы разрешения возникающих проблем.

Ключевые слова: пособие; выплаты супругам военнослужащих; увольнение по собственному желанию; переводы, перевод в другую местность

Большинство военнослужащих во время прохождения военной службы не единожды сталкиваются с ситуацией перевода на новое место службы в другую местность. При этом жены военнослужащих в случае очередного перевода супруга для выполнения своего долга сталкиваются с достаточно серьезной проблемой – необходимостью очередного увольнения с прежнего места трудовой деятельности. В настоящее время достаточно остро стоит вопрос трудоустройства, ситуация еще более усугубляется тогда, когда работодатель понимает, что соис-

кательница, являясь супругой военнослужащего, вероятнее всего через непродолжительный период времени уволится в связи с очередным переводом мужа к новому месту службы. Существует также ещё более сложная ситуация, когда жёны военнослужащих и вовсе не могут найти место работы, так как рабочие места для их трудоустройства отсутствуют на месте военной службы супруга.

Сравнительно недавно на страницах научных периодических изданий проводился анализ вопросов, касающихся социального обеспечения жён военнослужащих и

вопросов предоставления всех принадлежащих им социальных гарантий [1].

В рамках настоящей статьи будет проведён анализ вопросов соблюдения регламентированного порядка увольнения супруги военнослужащего с последнего места работы, принимая во внимание изменившиеся недавно законодательные требования, так как от этого зависит возможность получения социальных пособий на новом месте прохождения военнослужащим военной службы.

В целях обеспечения социальной защиты супругов военнослужащих 05.11.1991 г. Совет Министров РСФСР принял Постановление «Об усилении социальной защищённости военнослужащих, проходящих службу на территории РСФСР» [3]. Согласно положениям данного Постановления Министр обороны РФ 11.07.2002 г. Подписал приказ № 265 «О выплате жёнам военнослужащих, проходящих военную службу по контракту, выходного пособия в случаях расторжения ими трудового договора в связи с перемещением военнослужащих к новому месту военной службы в другую местность» [3].

В соответствии с положениями обозначенного выше приказа на новом месте службы военнослужащего его супруга получает выходное пособие в размере двухмесячного среднего заработка.

В целях получения указанного пособия, супругой военнослужащего должен быть предъявлен пакет необходимых документов, подтверждающий факт, что она в действительности до момента перевода мужа была трудоустроена и была вынуждена написать заявление об увольнении по собственному желанию по причине перевода мужа к новому месту службы. А также должна быть предъявлена справка с последнего места трудовой деятельности о сумме среднего заработка, для того чтобы на основании этих данных была рассчитана сумма пособия.

Изначально может показаться, что реализовать данную процедуру несложно, тем не менее, практический опыт свидетельствует о том, что нередко жены военнослужащих сталкиваются с отказом в выплате данного пособия на основании того, что в трудовой книжке супруги отсутствует указание причины увольнения

по собственному желанию. Более того понятие "перевод в другую местность" разные должностные лица могут истолковывать разным образом.

Таким образом, можно заключить, что в настоящий момент, как и ранее в качестве основного документа, подтверждающего факт трудовой деятельности и трудовой стаж работника, выступает трудовая книжка согласно положениям статьи 66 Трудового Кодекса Российской Федерации.

В России впервые данный документ начал использоваться в 1918 году в период установления в стране режима военного коммунизма и реализации программы всеобщей трудовой повинности, трудовая книжка того периода имела существенное значение, так как требовалась для выдачи продуктовых карточек. Сегодня на уровне национального законодательства запрещён принудительный труд, ведение процедуры учета страхового стажа работника и выплаченных за него из средств работодателя страховых взносов делегировано Пенсионному фонду РФ. Более того непрерывность трудового стажа больше не имеет юридического значения в процессе расчета пособия по временной нетрудоспособности, с точки зрения авторов статьи необходимость использования трудовых книжек сегодня отпала. При этом существуют и другие мнения, касающиеся этого вопроса, чаще всего они заключаются в том, что на основании записей, внесенных в трудовую книжку можно определить частоту смены данным работником мест трудовой деятельности, а также основания его увольнения (виновные или невиновные) и т.д.

И вместе с тем, с 1 января 2004 г. на законодательном уровне одобрено введение для использования трудовых книжек нового образца. Форму трудовой книжки, а также форму вкладышей к ней утвердило Правительство РФ Постановлением от 16.04.2003 года № 225. В рамках данного документа регламентируются также правила ведения и хранения трудовых книжек. Выданные работникам трудовые книжки старого образца обмену не подлежат. Инструкция, определяющая порядок заполнения новых трудовых книжек была разработана и утверждена постановлением Минтруда и соцразвития РФ от

10 октября 2003 г. № 69 [2]. Новая форма трудовой книжки имеет не существенные отличия от трудовой книжки старого образца. В графе сведения о работе должны быть отражены данные, касающиеся как приема работника на место трудовой деятельности, его перевода и увольнения, а также, информация, касающаяся уровня квалификации работника. Отменяется требование внесения информации о назначении пенсии. В случае приема работника на место трудовой деятельности впервые, трудовая книжка его должно быть оформлено не позднее 7 дней с начальной даты его работы. До введения нового порядка оформления трудовых книжек срок оформления трудовой книжки ограничен не был. С работодателя не снимается обязанность ведения трудовой книжки на каждого сотрудника, отработавшего на предприятии свыше 5 дней, в ситуации, когда трудовая деятельность на этом предприятии является для сотрудника основным местом работы.

В ситуации, когда в качестве причины написания работником заявления об увольнении по собственной инициативе выступает невозможность продолжения им дальнейшей трудовой деятельности (зачисление в образовательные учреждения, наступление пенсионного возраста и т.д.) на работодателя возлагается обязанность по расторжению трудового договора в сроки, указанные в заявлении сотрудника (ч. 3 ст. 80 ТК РФ).

В положениях п. 22 постановления Пленума ВС РФ от 17 марта 2004 г. № 2 «О применении судами Российской Федерации ТК РФ» регламентировано правило о том, что в категорию иных уважительных причин, под влиянием которых сотрудник не может осуществлять дальнейшую трудовую деятельность, следует включать также направление мужа (жены) для осуществления трудовой деятельности за рубеж, на новое место службы, таким образом в категорию других случаев входит и переезд в другую местность по причине перевода мужа-военнослужащего.

Для того чтобы подтвердить факт перевода мужа военнослужащего к новому месту службы в другую местность жёнам военнослужащих должны быть выданы справки установленного образца. Выдача данных справок осуществляется

специально для представления потенциальным работодателям (п. 2 приказа Министра обороны РФ от 11 июля 2002 г. № 265 «О выплате жёнам военнослужащих, проходящих военную службу по контракту, выходного пособия в случаях расторжения ими трудового договора в связи с перемещением военнослужащих к новому месту военной службы в другую местность»). Форму справки можно увидеть в Инструкции по делопроизводству в Вооружённых Силах РФ, она была утверждена на основании приказа Министра обороны РФ от 4 апреля 2017 г. № 170.

В соответствии с представленной выше информацией, можно резюмировать, что на работодателя возлагается обязанность расторжения трудового договора с работником на основании п. 3 ч. 1 ст. 77 ТК РФ, иными словами, по собственному желанию сотрудника в сроки, указанные работником в заявлении об увольнении.

В процессе расторжения трудового договора по инициативе работника на основании причин, по которым в соответствии с требованиями законодательства должны быть предоставлены определенные льготы и преимущества, одновременно с внесением записи об увольнении в трудовой книжке должны быть указаны данные причины. К примеру: «Уволена по собственной инициативе, по причине перевода супруга на работу в другую местность, пункт 3 статьи 77 ТК РФ» или «Уволена по собственной инициативе по причине необходимости осуществления ухода за ребёнком, не достигшим 14 лет, пункт 3 статьи 77 ТК РФ».

За исключением данного требования в порядке увольнения жен военнослужащих больше нет отличий от стандартной процедуры прекращения трудовых отношений с работниками предприятия по их инициативе. Также нужно указать, что работник в данном случае должен соблюсти основные этапы процедуры увольнения:

1. Работник должен предоставить работодателю заявление об увольнении с конкретной датой и указать причину увольнения. Форма написания заявления произвольная.

2. После представления заявления и справки работодатель должен издать приказ или распоряжение по предприятию о расторжении трудовых взаимоотношений.

ношений, приказ надлежит в регламентированном порядке зарегистрировать в журнале регистрации приказов, присвоить ему номер и дату издания.

4. В трудовую книжку увольняющегося сотрудника вносится необходимая запись.

5. В последний день работы сотруднику должен быть выдан пакет необходимых документов, в частности работодатель выдает ему трудовую книжку, копии приказов о приеме на работу и увольнении с работы, справка о сумме среднемесячного заработка за истекший год.

Положение об особенностях порядка расчета средней заработной платы утверждено Постановлением Правительства Российской Федерации от 24 декабря 2007 года № 922 (с изм. от 10.12. 2016 г.) [1]. [1]. Подобная необходимость появилась в результате того, что с 6 октября 2006 года ТК РФ, в т.ч. ст. 139, регулирующая перечень общих вопросов, касающихся расчета суммы среднего заработка, начала действовать в новой редакции. Положение, которое утверждало ранее Постановление Правительства РФ от 11.04.2003 г. № 213, утратило силу. Существенных различий между новыми и старыми правилами расчета суммы среднего заработка не отмечается, но при этом ряд изменений весьма значителен.

В частности, значимым изменением является регламентированный в положениях статьи 139 ТК РФ новый порядок расчета суммы среднего заработка. Согласно требованиям статьи 139 сумму среднего заработка во всех без исключения ситуациях следует рассчитывать за последние 12 месяцев (до введения нового порядка сумма среднего заработка рассчитывалась за последние три месяца до начала отпуска); также еще одним изменением является то, что расчетный период для определения суммы средней заработной платы сейчас составляет календарные месяцы - с 1-го по 30-е (31-е) число, а в феврале до 28-го (29-го) (до введения в действие нового порядка отсутствовала точная дата начала и окончания расчетного периода); в качестве среднемесячного количества календарных дней в месяц, требующегося в целях определения суммы среднего дневного заработка для начисления отпускных, принимается значение 29,4, а не 29,6 (нововведение

обусловлено изменениями в количестве праздничных дней).

Перечень указанных выше нововведений отражен в новых Правилах. Более того в Правилах содержится уточнение о том, что платежи, не относящиеся к категории заработной платы и не включенные в рамки системы оплаты труда, в процессе расчета суммы среднего заработка к учету не принимаются, к примеру, сюда следует включить: суммы материальной помощи, суммы оплаты за питание, компенсации поездок и обучения, компенсации общественных услуг и отдыха. В любой ситуации, все дни, отраженные в таблице рабочего времени как рабочие, будут включаться в расчет суммы заработка.

6. Процедура полного расчета также должна быть осуществлена в последний рабочий день.

При анализе понятия и толкования термина «перевод в другую местность», в данной ситуации можно столкнуться с тем, что некоторые работодатели (командиры воинских частей (организаций) ошибаются, когда считают, что понятие перевода в другую местность означает перевод в другой субъект РФ. Место работы (населенный пункт) сотрудника указывается в положениях трудового договора. В ситуации, когда сотрудника принимают на работу в филиале предприятия, представительстве или другом обособленном структурном подразделении, местонахождение которого находится в другой местности, – место работы следует определять, указывая обособленное структурное подразделение и его местонахождение.

В нормах трудового законодательства понятие «другая местность» связано с другим населенным пунктом в соответствии с существующим административно-территориальным делением. В результате перевода военнослужащего в другую местность возникает ситуация изменения как места его службы, так и места его проживания. Данные изменения затрагивают и супругу военнослужащего.

Чтобы разобраться с этими понятиями, сначала следует установить, что такое «населенный пункт», «другая местность».

Действующее законодательство не содержит понятия «населенный пункт». Федеральный закон «Об общих принципах

организации местного самоуправления в РФ» от 06.10.2003 N 131-ФЗ дает понятия городского и сельского поселений:

городское поселение – это город или поселок, в которых местное самоуправление осуществляется населением непосредственно и (или) через выборные и иные органы местного самоуправления;

сельское поселение – один или несколько объединенных общей территорией сельских населенных пунктов, в которых местное самоуправление осуществляется населением непосредственно и (или) через выборные и иные органы местного самоуправления.

Таким образом, из текста закона следует, что населенные пункты – это – города – городские округа – городские округа с внутригородским делением – поселки – села, станицы, деревни, хутора, кишлаки, аулы и другие сельские населенные пункты.

Например, в ст. 3 Закона Московской области от 31.01.2013 N 11/2013-ОЗ «Об административно-территориальном устройстве Московской области» указано, что населенный пункт – это часть территории, служащая постоянным или преимущественным местом проживания и жизнедеятельности людей, имеющая сосредоточенную застройку в пределах границы, установленной в соответствии с законодательством РФ. Городской населенный пункт – административно-территориальная или территориальная единица, являющаяся промышленным, экономическим и социальным центром, имеющая преимущественно среднюю и многоэтажную жилую застройку, а также численность населения, соответствующую требованиям данного Закона.

Сельский населенный пункт – территориальная единица, не соответствующая совокупности признаков, установленных для городского населенного пункта.

В соответствии с п. 16 Постановления Пленума ВС РФ от 17.03.2004 N 2 «О применении судами Российской Федерации Трудового кодекса Российской Федерации» другая местность – это местность за пределами административно-территориальных границ определенного населенного пункта.

Соответственно, чтобы супругу военнослужащего могла уволиться по причине перевода мужа на работу в другую

местность, данный населенный пункт должен находиться за пределами административно-территориальных границ соответствующего населенного пункта, где ранее проходил военную службу супруг работницы.

В практической деятельности в качестве перевода в другую местность признается как перевод на службу в другой населенный пункт, так и перевод, в случае которого работник при проживании на прежнем месте жительства и при использовании средств транспорта, не в состоянии обеспечить ежедневную явку на новое место работы.

Следует отметить, что в отношении ситуации, когда причиной увольнения является изменение места жительства, существует судебная практика, согласно которой работнику необходимо предоставить документы, подтверждающие переезд, в противном случае работодатель не имеет права до истечения двухнедельного срока предупреждения уволить работника. Так, как следует из апелляционного определения Красноярского краевого суда от 15.11.2017 по делу N 33-15051/2017 [10] 2 мая 2017 г. гражданка И. обратилась к руководителю с заявлением об увольнении по собственному желанию с 3 мая 2017 г. в связи с переездом на новое место жительства в другой населенный пункт. Работодатель отказался уволить работницу в тот день о котором она просила в заявлении. Гражданка И. на работу 3 мая 2017 года не вышла, а 17 мая того же была уволена по пп. «а» п. 6 ч. 1 ст. 81 ТК РФ (прогул). Просила суд признать незаконным приказ об увольнении, возложить на ответчика обязанность уволить ее по собственному желанию 3 мая 2017 г. В своем решении суд указал, что доводы истицы об обязанности работодателя уволить ее по собственному желанию с того дня, о котором она просит в заявлении в связи с переездом в другую местность не принимаются, т.к. соглашения между сторонами трудового договора о его расторжении на основании ст. 77 п. 3 (по инициативе работника) ТК Российской Федерации, достигнуто не было. Доказательств невозможности продолжения работы истицей не представлено и судом не установлено.

Полагаем, что данный вывод справедлив и для увольнения по причине перевода мужа на работу в другую местность.

При прибытии на новое место службы, военнослужащему надлежит подать рапорт в порядке подчиненности, в рамках которого в соответствии с требованиями Приказа № 265 от 11 июля 2002 г. Он представляет ходатайство о необходимости выплаты выходного пособия его супруги.

Одновременно с рапортом подаются такие документы как: справка о сумме среднего заработка жены с предыдущего места трудовой деятельности; выписка из трудовой книжки супруги; справка из воинской части с предыдущего места службы подтверждающая факт того, что там выплата пособия не осуществлялась. Сроки осуществления выплаты пособия законодательно не регламентированы, но как свидетельствует практический опыт,

полная выплата пособия осуществляется в течение месяца.

Соответственно, могут быть выделены такие условия предоставления супруге военнослужащего выходного пособия как:

- факт вынужденного увольнения с предыдущего места работы в результате перевода супруга на новое место службы;
- факт фактического переезда в другой населенный пункт (необязательно факт переезда в другой субъект Российской Федерации) и соответственно факт изменения места жительства;
- факт предоставления супругом-военнослужащим на новом месте службы пакета документов, оформленных в регламентированном порядке, на основании которых будет осуществлена процедура начисления и выплаты пособия.

ЛИТЕРАТУРА

1. Положение об особенностях порядка исчисления средней заработной платы: постановление Правительства Рос. Федерации от 24 дек. 2007 г. № 922 // Собр. законодательства Рос. Федерации. - 2007. - № 53. - Ст. 6618.
2. Инструкция по заполнению новых трудовых книжек: постановление Министерства труда и социального развития Рос. Федерации от 10 окт. 2003 г. № 69 // Бюл. норматив. актов федер. органов исполнит. власти. - 2003. - № 49.
3. О выплате жёнам военнослужащих, проходящих военную службу по контракту, выходного пособия в случаях расторжения ими трудового договора в связи с перемещением военнослужащих к новому месту военной службы в другую местность: приказ Министра обороны Рос. Федерации от 11 июля 2002 г. № 265 // Бюл. норматив. актов федер. органов исполнит. власти. - 2002. - № 32.
4. Об усилении социальной защищенности военнослужащих, проходящих службу на территории РСФСР: постановление Совета Министров РСФСР от 5 нояб. 1991 г. № 585 // СП РСФСР. - 1992. - № 3. - Ст. 17.
5. Симоновский К.В. Выходное пособие жёнам военнослужащих // Право в Вооруженных Силах - Военно-правовое обозрение. - 2013. - № 5. - С. 93 - 97.
6. Ломакина Т.В. Актуальные вопросы реализации в Вооружённых Силах Российской Федерации гарантий беременным женщинам и женщинам, имеющим детей, при расторжении трудового договора // Право в Вооруженных Силах - Военно-правовое обозрение. - 2011. - № 6. - С. 21 - 27.
7. Ломакина Т.В., Ковалёв В.И. Оплата труда гражданского персонала: комментарии и разъяснения: справ. пособие. - М.: За права военнослужащих. - 2009. - С. 102 - 128. - (Серия «Право в Вооружённых Силах – консультант»; вып. 102).
8. Ковалёв В.И., Голенко Е.Н. Трудовой кодекс Российской Федерации: науч.-практ. коммент. - М.: За права военнослужащих. - 2004. - 228 с. - (Серия «Право в Вооружённых Силах – консультант»; вып. 48).
9. Ковалёв В.И., Ломакина Т.В., Феоктистова О.Ю. Право социального обеспечения: учеб. пособие. - М.: Онтот-Принт. - 2015. - 169 с.
10. Справочная правовая система Гарант : [Электронный ресурс]. М., URL: <http://www.garant.ru>. (дата обращения: 01.05.2018).

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Ковалёв Вячеслав Игоревич,
кандидат юридических наук, доцент,
заслуженный юрист Российской Федера-
ции, почётный работник высшего профес-
сионального образования Российской Фе-
дерации, заведующий кафедрой трудового
права, гражданского и арбитражного про-
цесса Военного университета Министер-
ства обороны Российской Федерации
111033, Москва, ул. Волочаевская, д. 3/4

E-mail: av14141@mail.ru

Ломакина Татьяна Вячеславовна,
кандидат юридических наук,
доцент кафедры конституционного (госу-
дарственного) права Военного универси-
тета Министерства обороны Российской
Федерации
111033, Москва, ул. Волочаевская, д. 3/4

E-mail: av14141@yandex.ru

SOCIAL PROTECTION OF MILITARY PERSONNEL

TOPICAL OBSERVANCE ISSUES OF THE ORDER OF DISMISSAL OF SERVICEMEN'S
WIVES WHEN TRANSFERRING A SPOUSE TO A NEW PLACE OF MILITARY SERVICE
FOR SOCIAL BENEFITS

Vyacheslav I. KOVALEV
Tatiana V. LOMAKINA

Abstract. The article deals with the issues of granting the spouse of a serviceman, transferred to another location, benefits in connection with her dismissal from her former place of work, actual problems of implementation of legislation in the field of ensuring social rights and guarantees of family members of a serviceman, analyzes

the practice of applying the legislation in this area, possible solutions to problems. Considering the changes in the legislation, the issues of observance of a certain order of dismissal of a serviceman's spouse from the last place of work will be considered, because it depends on the receipt of social benefits for the new place of service for militarymen.

Keywords: allowance; payments to spouses of military personnel; voluntary redundancy, transfer, transfer to another locality

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Kovalev Vyacheslav Igorevich,
Cand. Sc. (Law), Associate Professor, Honored
lawyer of the Russian Federation, Honorary
worker of higher professional education in the
Russian Federation, Head of the Department
of labor law, civil and arbitration process of the
Military University of the Ministry of Defense of
the Russian Federation
3/4 Volochaevskaya Str., Moscow, 111033,
Russian Federation

E-mail: av14141@mail.ru

Lomakina Tatiana Viacheslavovna,
Cand. Sc. (Law), Associate Professor,
Department of constitutional (state) law,
Military University, Ministry of Defense of the
Russian Federation
3/4 Volochaevskaya Str., Moscow, 111033,
Russian Federation

E-mail: av14141@yandex.ru

REFERENCES

1. Regulations on the specifics of the procedure for calculating the average wage: Resolution of the Government of the Russian Federation [Polozhenie ob osobennostyakh poriyadka ischisleniya srednej zarabotnoj platy] of December 24, 2007, No. 922. Collection of Legislation of the Russian Federation. 2007. No. 53. Art. 6618.
2. Instruction for filling new labor books: Decree of the Ministry of Labor and Social Development of the Russian Federation [Instrukciya po zapolneniyu novykh trudovykh knizhek: Postanovlenie Ministerstva truda i social'nogo razvitiya Rossijskoj] of October 10, 2003, No. 69. Bulletin of normative acts of federal executive bodies. 2003. No. 49.
3. On the payment of severance pay for the wives of servicemen on military service in the event of their termination of an employment contract in connection with the transfer of servicemen to a new place of military service in another locality: Order of the Minister of Defense of the Russian Federation of July 11, 2002, No. 265 [O vyplate zhenam voennosluzhashchih, prohodnyashchih voennuyu sluzhbu po kontraktu, vyhodnogo posobiya v sluchayah rastorzheniya imi trudovogo dogovora v svyazi s peremeshcheniem voennosluzhashchih k novomu mestu voennoj sluzhby v druguyu mestnost': Prikaz Ministra oborony RF ot 11 iyulya 2002 g. № 265]. Bulletin of normative acts of federal executive bodies. 2002. N 32.
4. On Strengthening the Social Security of Servicemen Serving in the Territory of the RSFSR: Resolution of the Council of Ministers of the RSFSR [Ob usilenii social'noj zashchishchennosti voennosluzhashchih, prohodnyashchih sluzhbu na territorii RSFSR] of November 5, 1991, No. 585. SP of the RSFSR. 1992. No. 3. Art. 17.
5. Simonovsky K.V. The severance pays for the wives of servicemen [Vyhodnoe posobie zhenam voennosluzhashchih]. The Right in the Armed Forces - Military-Legal Review. 2013. No. 5. pp. 93 - 97.
6. Lomakina T.V. Actual issues of implementation in the Armed Forces of the Russian Federation of guarantees for pregnant women and women with children, upon termination of the employment contract [Aktual'nye voprosy realizacii v Vooruzhennyh Silah Rossijskoj Federacii garantij beremennym zhenshchinam i zhenshchinam, imeyushchim detej, pri rastorzhении trudovogo dogovora]. Right in the Armed Forces - Military-legal Review. 2011. No. 6. pp. 21 - 27.
7. Lomakina T.V. Remuneration of civilian staff: comments and explanations: info. [Oplata truda grazhdanskogo personala: kommentarii i raz'yasneniya: sprav]. Reference book. T.V. Lomakina, V.I. Kovalev. Moscow. For the rights of servicemen. 2009. Issue 102. pp. 102 - 128.
8. Kovalev V.I. The Labor Code of the Russian Federation: a scientific and practical commentary [Trudovoj kodeks Rossijskoj Federacii: nauchno-prakticheskij kommentarii]. V.I. Kovalev, E.N. Golenko. Moscow. For the rights of servicemen. 2004. Issue 48. 228 p.
9. Kovalev V.I. The right of social security: textbook [Pravo social'nogo obespecheniya: uchebnoe posobie]. T.V. Kovalev, T.V. Lomakina, O.Yu. Feoktistov. Moscow. OntoPrint. 2015. 169 p.
10. Reference legal system Garant: [Electronic resource]. M., URL: <http://www.garant.ru>. (the date of circulation: 01.05.2018).

СЛЕДСТВЕННЫЕ СИТУАЦИИ НАЧАЛЬНОГО ЭТАПА РАССЛЕДОВАНИЯ ПРЕСТУПЛЕНИЙ, СВЯЗАННЫХ С ОБОРОТОМ НЕДВИЖИМОГО ИМУЩЕСТВА МИНИСТЕРСТВА ОБОРОНЫ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

А.Н. ПОЛЯНКО,

следователь-криминалист ВСО СК России по Волгоградскому гарнизону

E-mail: vestnik-vp@mail.ru

Аннотация. в статье рассмотрены следственные ситуации начального этапа расследования преступлений, связанных

с неправомерным оборотом недвижимого имущества Министерства обороны Российской Федерации

Ключевые слова: военное имущество, расследование преступлений, следственные версии, начальный этап расследования преступления

Как правило, расследование уголовного дела начинается с выбора методики расследования.

Процесс же расследования преступлений определяется уголовно-процессуальным законодательством¹ (в первую очередь, УПК РФ), в виде порядка доказывания обстоятельств совершения преступления (ст. 73 УПК РФ)².

Уголовная ответственность за совершение преступлений, сопряженных с неправомерным оборотом недвижимого имущества Министерства обороны РФ, предусмотрена в ст. 160 УК РФ, и в специальных составах преступлений (ст. 346-348 УК РФ)³.

1 О системе такового подробнее см., например: Эриашвили Н.Д., Галузо В.Н. О системе уголовно-процессуального законодательства в Российской Федерации // Вестник Московского университета МВД России. 2012. № 2. С. 80-82).

2 См.: СЗ РФ. 2001. № 52 (часть I). Ст. 4921.

3 См.: СЗ РФ. 1996. № 25. Ст. 2954.

При расследовании преступлений устанавливаются: условия, время, место совершения, взаимосвязи с прочими процессами реальности, поведение лиц, вовлеченных в сферу уголовного судопроизводства, иных факторов, которые процессуальному органу необходимо установить при расследовании уголовных дел.

Эффективное проведение расследования, спланированное с учетом полноты отработки всех следственных версий, является важнейшим условием установления объективной истины по уголовному делу, и способствует раскрытию неочевидных преступлений – когда лицо, совершившее преступление не установлено⁴.

4 См.: Куемжиева С.А., Зеленский В.Д. Общие положения криминалистической методики. Краснодар. 2015. С. 143.

Первоначальный этап расследования любого состава преступления является наиболее важным. Это объясняется тем, что на первоначальном этапе в обязанности процессуального органа входит построение следственных версий, с помощью которых будет осуществлено дальнейшее планирование всего расследования.

На начальном этапе расследования, когда еще не определены признаки события преступления, общие типичные версии помогают процессуальному органу сфокусировать внимание на наиболее вероятных, но еще не известных обстоятельствах преступления.

При этом, приняв за основу определенную общую типичную версию, процессуальный орган, определяет предмет доказывания по уголовному делу⁵.

По мере обнаружения фактических данных по уголовному делу происходит постепенное соединение недостающих обстоятельств в единую систему.

Теперь непосредственно об особенностях построения следственных ситуаций при расследовании такого вида преступления как присвоение и растрата вверенного военного имущества.

Для определения следственных версий, исходя из первоначального этапа расследования преступлений, связанных с оборотом имущества Министерства обороны РФ, процессуальным органом определяются первоначальные следственные действия, которые необходимо провести с целью установления события преступления.

В ходе версионной деятельности происходит выдвижение различных версий, при которых было совершено само преступление. Построение версий различается для каждого конкретного состава преступления.

С момента возбуждения уголовного дела процессуальным органом составляется первоначальный план расследования, который включает в себя не только криминалистические версии расследования, но и способствует выбору определенной методики.

От первоначально полученных данных о преступлении зависят дальнейшие следственные действия, которые будут

⁵ См.: Топорков А.А. Криминалистическая методика расследования преступлений: Учебник. М.: Юстиция, 2018.

способствовать раскрытию неочевидных преступлений, а также правильному ходу расследования и сбору доказательств.

В ходе общей методики расследования организованной преступной деятельности следует обратить особое внимание на обстоятельства, подлежащие доказыванию.

Например, следственная ситуация №1: источником информации совершения данного состава преступления чаще всего служат документы Счетной палаты РФ о проведенной ревизии.

При наличии таких документов алгоритм действий процессуального органа на первоначальном этапе расследования определяется следующим образом:

тщательное исследование документов ревизии;

проведение допросов лиц, которыми была проведена ревизия;

проведение допросов материально-ответственных лиц учреждений Министерства обороны РФ, в чьем ведении находилось военное имущество;

проведение допросов сослуживцев и руководителей материально-ответственных лиц;

проведение выемки необходимых документов;

проведение обысков по месту жительства, месту нахождения материально-ответственных лиц;

- проведение допросов родственников,

наложение ареста на почтовые и иные отправления;

получение разрешения на прослушивание телефонных и иных переговоров;

проведение осмотров складских помещений.

При такой следственной ситуации на первоначальном этапе процессуальный орган устанавливает: событие преступления; организует работу оперативных подразделений для установления виновного лица и поиска недостающего имущества⁶.

Следственная ситуация №2: информация о хищении и растрате поступает от лица и при отсутствии документов:

процессуальный орган, в первую оче-

⁶ См.: Афзалетдинова Г.Х. Некоторые особенности типичных следственных ситуаций по делам о присвоении или растрате чужого имущества // Бизнес в законе. 2008. № 1. С. 149.

редь, проводит опрос самого заявителя о преступлении;

установление свидетелей с последующим их допросом;

запрос необходимых документов для получения сведений о движении материальных ценностей;

сверка с аналогичными документами в других учреждениях;

после получения достаточных данных о наличии состава и события преступления возбуждает уголовное дело.

После возбуждения уголовного дела процессуальный орган проводит те же следственные действия, что и при первой следственной ситуации.

Но при этом в данной ситуации осуществляется назначение ревизии документов.

Кроме того, следователю необходимо установить причину образовавшейся недостачи имущества (исключить бухгалтерскую ошибку, проверить факт хищения или кражи имущества).

Следственная ситуация №3: установлено событие совершения преступления при условии, что обвиняемый известен.

Направления работы процессуального органа в приведенных ситуациях отличаются друг от друга. Расследование строится на планировании проведения следственных действий, объем которых определяется для каждой версии отдельно.

Кроме уже названных следственных действий, в данной ситуации проводится допрос самого обвиняемого, при участии защитника. Исходя из содержания, которого определяется дальнейшая работа процессуального органа.

План производства следственного действия обычно является составной частью развернутого плана расследования конкретного преступления и охватывает небольшой промежуток времени.

При расследовании дел об умышленном уничтожении или повреждении военного имущества, совершенных общепропасным способом, развернутый план необходим при допросе обвиняемых, одновременном производстве обыска в нескольких местах⁷.

При расследовании сложных дел об

⁷ См.: Криминалистика: Учеб.-метод. пособие / Под ред. М.В. Кардашевской. Тамбов-Липецк: Изд. Першина Р.В., 2014. С. 22.

умышленном уничтожении или повреждении военного имущества, совершенных общепропасным способом, как и других преступлений, применяется метод сетевого планирования, при котором вся предстоящая работа, начиная с возбуждения уголовного дела и до составления обвинительного заключения, делится на промежуточные этапы, фиксируемые в специально составляемых графиках, отражающих их взаимосвязь и последовательность, календарные сроки выполнения намеченной программы действий всеми участниками процессуального органа. Такое планирование позволяет наглядно видеть весь ход расследования, взаимосвязь его этапов и отдельных эпизодов дела, оперативно решать ситуации о сосредоточении усилий участников следственно-оперативной группы на главных направлениях и отдельных ситуациях, а также на подлежащих выяснению по каждому эпизоду обстоятельствах дела.

По делам повышенной сложности иногда целесообразно из общего плана расследования выделять отдельные разделы (например, по эпизодам или обвиняемым), чтобы детально и в то же время компактно сгруппировать подлежащие выяснению в ситуации, проверочные действия, сроки проведения и т.п.

Исходя из вышеизложенного, на первоначальном этапе расследования умышленного уничтожения или повреждения военного имущества необходимо спланировать проведение следственных и иных действий, которые позволят доказать факт умышленного уничтожения или повреждения военного имущества, способ его совершения, нанесенный ущерб военному имуществу и вред безопасности РФ.

При этом важное значение приобретает использование специальных знаний в различных областях науки для получения дополнительных доказательств по уголовному делу.

Кроме того, на первоначальном этапе расследования необходимо проведение неотложных следственных действий, в числе которых особое место отводится обыскам.

На первоначальном этапе принимают решения по множеству ситуаций и с

учетом лишь исходной информации, которая достаточно узкая и носит односторонний характер. Односторонность заключается в том, что информацию предоставляет в основном работники администраций мест лишения свободы.

Обязательными являются следующие обстоятельства, выяснение которых производится при проведении первоначального этапа расследования уголовного дела:

установление потерпевших;

время и место совершения преступления, так как определяется ситуация о сроке давности привлечения к уголовной ответственности,

факт предъявления требования передачи чужого имущества, либо права на имущество, или же совершение других действий имущественного характера, наличие применения угрозы насилия, уничтожения или повреждения имущества;

распространения позорящих и иных сведений, которые причиняют существенный вред правам и законным интересам потерпевшего или его близких.

Ответы на поставленные вопросы позволяют сформулировать вывод о наличии признаков состава преступления, т.е. оснований для возбуждения уголовного дела. Если хотя бы на один вопрос отсутствует ответ, то необходимо проведение дополнительной проверки с целью принятия окончательного правомерного решения о возбуждении, или об отказе в возбуждении уголовного дела.

ЛИТЕРАТУРА

1. Эриашвили Н.Д., Галузо В.Н. О системе уголовно-процессуального законодательства в Российской Федерации // Вестник Московского университета МВД России. 2012. № 2. С. 80-82.
2. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации // СЗ РФ. 2001. №52 (часть I). Ст. 4921.
3. Уголовный кодекс Российской Федерации // СЗ РФ. 1996. № 25. Ст. 2954.
4. Афзалетдинова Г.Х. Некоторые особенности типичных следственных ситуаций по делам о присвоении или растрате чужого имущества // Бизнес в законе. 2008. №1. С. 149.
5. Криминалистика: Учеб.-метод. пособие / Под ред. М.В. Кардашевской. Тамбов-Липецк: Изд. Першина Р.В., 2014. С. 75.
6. Куемжиева С.А., Зеленский В.Д. Общие положения криминалистической методики. Краснодар. 2015. С. 143.
7. Топорков А.А. Криминалистическая методика расследования преступлений: Учебник. М.: Юстиция, 2018. 294 с.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ

Полянко Алексей Николаевич,
следователь-криминалист ВСО СК России по Волгоградскому гарнизону,
111033, г. Москва, ул. Волочаевская, д. 3/4
E-mail: vestnik-vp@mail.ru

LAW AND ORDER

THE SITUATIONS OF THE INITIAL STAGE OF INVESTIGATION
OF CRIMES RELATED TO TRAFFICKING OF THE RUSSIAN FEDERATION
MINISTRY OF DEFENCE IMMOVABLE PROPERTY

ALEXSEY N. POLYANKO

crimes related to trafficking of the Russian Federation Ministry of Defence immovable property.

Abstract. The article deals the situations of the initial stage of investigation of

Keywords: military property, investigation of crimes, investigative versions, the initial stage of the investigation of the crime.

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Polyanko ALEXSEY NIKOLAEVICH,

Criminal investigator GUS SK of Russia across the Volgograd garrison

3/4 Volochaevskaya Str., Moscow, 111033, Russian Federation

E-mail: vestnik-vp@mail.ru

REFERENCES

1. Eriashvili, N.D., Galuzo V.N. About the criminal procedure legislation system in the Russian Federation // Vestnik of the Moscow University of the MIA of Russia. 2012. No. 2. P. 80-82.
2. The Russian Federation Code of Criminal Procedure/ / NW. 2001. No. 52 (part I). St. 4921.
3. The Criminal code of the Russian Federation // NW. 1996. No. 25. St. 2954.
4. Afzaletdinova G.H. Some features of typical investigative situations in cases of misappropriation or embezzlement of someone else's property // Business in law. 2008. No. 1. P.149.
5. Criminology: Studies.-method. the allowance / Under the editorship of M. V. Kardashevskii. Tambov-Lipetsk: Ed. Pershina R. V., 2014. P. 75.
6. Kuyemzhiyeva S.A., Zelensky V.D. General provisions of forensic techniques. Krasnodar. 2015. P. 143.
7. Toporkov A.A. Forensic methods of crime investigation: Textbook. M.: Justice, 2018. 294 p. Toporkov, A. A. Forensic methods of crime investigation: Textbook. M.: Justice, 2018. 294 p.

ЗАРУБЕЖНЫЙ ОПЫТ ФУНКЦИОНИРОВАНИЯ СИСТЕМЫ ОРГАНОВ ВОЕННОЙ ПРОКУРАТУРЫ НА ПРИМЕРЕ США

А.П. НИКИТИН

кандидат юридических наук, заслуженный юрист Российской Федерации,
начальник управления надзора (за исполнением законов органами военного управления,
воинскими частями и учреждениями) Главной военной прокуратуры

E-mail: gvp@gvp.rsnet.ru

Аннотация. В статье рассматривается законодательная основа деятельности органов военной прокуратуры, а также система профессиональной подготовки военных прокуроров в США. По мнению автора, система функционирования органов военной прокуратуры в США пред-

ставляет определённый интерес с точки зрения изучения международного опыта в данной сфере и для дальнейшего развития органов военной прокуратуры в Российской Федерации в контексте перехода Российской армии на контрактную систему.

Ключевые слова: деятельность органов военной прокуратуры, система профессиональной подготовки военных прокуроров в США, Единый кодекс военной юстиции

Совершенствование и развитие системы военной юстиции в Российской Федерации, укрепление законности и правопорядка в Вооружённых Силах Российской Федерации, других войсках, воинских формированиях и органах военной прокуратуры неразрывно связано с необходимостью изучения зарубежного опыта в указанной сфере. В статье рассматривается законодательная основа деятельности органов военной прокуратуры, а также система профессиональной подготовки военных прокуроров в США.

Совершенствование и развитие системы военной юстиции в Российской Федерации, укрепление законности и правопорядка в Вооружённых Силах Российской Федерации, других войсках, воинских формированиях и органах военной прокуратуры неразрывно связано с необходимостью изучения зарубежного опыта в указанной сфере.

Для целей настоящей статьи выбраны Соединённые Штаты Америки – одна из

ведущих мировых держав, так как в США военная юстиция является основополагающим элементом обеспечения деятельности вооружённых сил. Несмотря на принадлежность Российской Федерации и США к различным правовым системам (романо-германской и англо-саксонской соответственно) и различные способы комплектования национальных вооружённых сил (смешанный по призыву и по контракту – в России, только по контракту – в США), опыт Соединённых Штатов представляет не только теоретический, но и практический интерес.

История вооружённых сил США с самого начала была отмечена пониманием первостепенной их важности для существования государства, защиты конституционных прав и свобод его граждан и возможности продолжения демократического строительства. В связи с этим была создана постоянная армия, задачей которой было утверждение независимости страны. Впоследствии армия переори-

ентировалась на поддержку внутриконтинентальной экспансии, по завершении которой США стали единым, экономически развитым и политически стабильным государством. В период Первой мировой войны США заявили о себе на международной арене как об одной из основных мировых политических сил и являются таковой вплоть до настоящего времени.

При этом следует отметить, что большинство современных международных конфликтов не обходится без использования военной силы США, стремящихся упрочить лидирующее положение в мире путём укрепления своей военной мощи. Для достижения данной цели руководство США большое внимание уделяет вопросам комплектования вооружённых сил высокопрофессиональными специалистами, прежде всего офицерскими кадрами. Система военно-профессионального образования в стране базируется на широкой сети учебных заведений, отличающихся друг от друга по ведомственной принадлежности, предоставляемому образованию и стоящими перед ними задачами. Военные учебные заведения осуществляют высшую профессиональную общеобразовательную и базовую военную подготовку; переподготовку или дополнительную углублённую профессиональную общеобразовательную и/или военно-специальную подготовку; повышение военной квалификации; повышение уровня общеобразовательной, специальной и профессиональной подготовки; высшую военную подготовку.

В специализированных межвидовых колледжах и военных школах офицеры проходят переподготовку или дополнительную углублённую подготовку по избранной специальности и получают высшее военно-специальное образование, при этом название «школа» – это не показатель получаемого образования (по своему статусу такие учебные заведения сравнимы с гражданскими университетами), а дань традиции.

Одной из таких школ является школа военных прокуроров, создание которой было связано с резким увеличением численности вооружённых сил США в 1941 г. По указанию главного военного прокурора такая школа была создана в 1942 г. на базе юридической школы в Вашингтоне,

но вскоре переместилась в помещения Мичиганского университета в Анн-Арборе. В ней прошли обучение сотни офицеров, но после войны в рамках массовой демобилизации школа была закрыта. В то же время уже тогда осознавалась необходимость постоянно действующего учебного заведения такого рода, однако правительство США занялось его созданием лишь после принятия Единого кодекса военной юстиции, на фоне корейского конфликта, когда численность вооружённых сил США возросла, но офицеры действительной службы не в полной мере владели знанием названного Кодекса, несмотря на то, что данный нормативный акт отводил военным юристам более заметную роль по сравнению с прежним военным законодательством [5; 7].

В качестве отступления следует отметить, что указанный Единый кодекс военной юстиции (далее также – кодекс) является законодательной основой деятельности военных юристов США, и в первую очередь военных прокуроров. Кодекс был принят в 1951 г. и в 1968 г. подвергся значительной доработке, а текущие дополнения и поправки к нему публикуются фактически ежегодно. Кроме того, в 1984 г. было принято процессуальное Руководство для военных судов [2], которое в последний раз пересматривалось президентом в 2013 г. [3]. В состав руководства входят Правила военных судов (Rules for Courts Martial), Военные правила о доказательствах (Military Rules of Evidence) и Единый кодекс военной юстиции.

Действие Единого кодекса военной юстиции распространяется на всех военнослужащих вооружённых сил США и других лиц – пенсионеров вооружённых сил, отставных резервистов, проходящих лечение в военных госпиталях, военнопленных, сотрудников других федеральных силовых структур на срок их пребывания в армии и др. Кодекс касается воинских проступков (military offenses), которые частью имеют гражданские аналоги, а частью существуют только в вооружённых силах. Кроме того, согласно ст. 134 кодекса военнослужащий может быть подвергнут суду за проступок, который не криминализован кодексом; как правило, наказания за такие правонару-

шения те же, что и в гражданской юстиции [4]. Помимо кодекса, военнослужащие подчиняются конституции и другим федеральным законам, а также законам штатов (если они находятся в США, но не на военной базе, находящейся в федеральной юрисдикции).

Что касается школы главных военных прокуроров (JAG School), то сначала она заняла в виргинском Форт-Майере здание, которое теперь входит в состав комплекса Арлингтонского национального кладбища. Специальная группа армейских офицеров и представителей корпуса военных прокуроров рассмотрела ряд вариантов ее размещения: как в военных учреждениях, так и за их пределами, и выбрала предложение университета Виргинии (Шарлоттсвилл), где имелась знаменитая юридическая школа, позволявшая обеспечить в новом учебном заведении академическую атмосферу и желаемый контакт между военными и гражданскими юристами. Кроме того, там находится крупная библиотека юридической литературы, туда было удобно приезжать гостевым лекторам из Пентагона. В сентябре 1951 г. в школе начались занятия. Поначалу она располагалась в помещениях юридического факультета, но по мере роста военного сообщества в 1960-х гг. переместилась в собственное здание и претерпела ряд структурных изменений [5; 7].

В организационном плане школа подчинена министру армии (Secretary of the Army) и состоит из академического отдела (academic department), отдела, ведущего разработку юридических аспектов военной доктрины и устройства Вооружённых сил (combat developments department), отдела разработки учебных программ (training development department), вспомогательного отдела (support department), обеспечивающего функционирование школы, и офиса гарнизонного военного прокурора (post judge advocate's office), который оказывает юридические услуги военному персоналу и военным пенсионерам в Центральной Виргинии, консультирует коменданта школы и отвечает за протоколирование деятельности школы и связи с общественностью. Кроме того, в школе расположен аналитический Центр права и военных операций (Center for Law

and Military Operations), в котором сосредоточивается информация о правовых аспектах военных операций на территории США и вне её [7].

В преподавательский состав входят 44 постоянных сотрудника из корпуса военных прокуроров, 24 человека из армейского резерва, которые, как правило, проводят в школе по 3 года, прежде чем вернуться к военно-юридической практике, и инструкторы по неправовым дисциплинам. Многие преподаватели имеют за плечами ключевые посты в вашингтонском аппарате, активно путешествуют, обучая военных прокуроров в США и за рубежом (а также юристов в армиях других стран), публикуют научные работы и участвуют в выработке доктрины корпуса военных прокуроров [7]. Важное направление работы школы – информационная поддержка военных прокуроров, работающих в США и за их пределами. Среди учащихся – военные прокуроры всех видов Вооружённых сил (армия, флот, морская пехота, авиация и береговая охрана), гражданские юристы из Министерства обороны и других федеральных учреждений, иностранцы, а также люди, не являющиеся профессиональными юристами (референты и помощники юристов, судебные репортёры, командный состав, финансовые контролёры, лица, нанятые государством по контракту).

Отбор на основную учебную программу, освоившие которую получают степень магистра права в области военного права, проводится на конкурсной основе. Обучаться по программе подготовки военных прокуроров могут офицеры с соответствующим опытом, окончившие юридическую школу, аккредитованную Американской ассоциацией юристов, и до начала военной службы получившие лицензию на право ведения юридической деятельности в каком-либо штате или федеральном суде либо на всей территории США, при условии выполнения определённых требований к физическому развитию и нравственному облику. Особый упор при обучении делается на уголовное право, процессуальное право и специфике работы адвоката в военном суде. Предусмотрены прохождение практики в военных судах и возможность специализации в различных областях права

путём написания профильных диссертаций. Прокуроры, служащие на флоте и в морской пехоте, проходят аналогичную подготовку в юридическом училище Военно-морского колледжа (Naval Justice School) в Ньюпорте (штат Род-Айленд), а прокуроры военно-воздушных сил – в Авиационном университете на авиабазе Максвелл (Монтгомери, Алабама) [6].

Для удовлетворения потребностей различных категорий учащихся в школе разработано множество курсов различной продолжительности и тематики, в том числе заочных. Один из вариантов дальнейшей карьеры военного прокурора (опытного офицера в звании подполковника или полковника) предполагает превращение из защитника в военного судью – сначала в общем военном суде, затем в особом, затем в апелляционном, – поэтому в школе есть трехнедельный курс для подготовки военных судей, выпускники которого проходят специальную сертификацию [6].

Таким образом, несмотря на то, что военные юристы присутствовали в американской армии с самого её создания, централизованная система их подготовки сформировалась сравнительно поздно, в тесной связи с появлением Единого кодекса военной юстиции и необходимостью быстро ввести в курс дела юристов действующей армии. Но, в отличие от первой попытки формирования военно-юридического учебного заведения во время Второй мировой войны – тогда оно было подчинено практическим нуждам и было упразднено в рамках всеобщей демобилизации, – теперь школа военных прокуроров изначально задумывалась как постоянно действующее учреждение не только практического, но и академического, научного плана. Важна была и другая предпосылка – ориентация на взаимодействие между военными и гражданскими юристами вместо создания закрытого учебного заведения внутри военной структуры.

В настоящее время школа военных прокуроров в США является многофункциональным заведением, сертифицированным Американской ассоциацией юристов, комплектуется опытными военными юристами (около двух третей позиций постоянные, а треть преподавателей ро-

тируется), ведёт разноплановую учебную, аналитическую и научную работу как в США, так и за рубежом, тесно взаимодействует с руководством Вооружённых сил по вопросам правового обеспечения военной доктрины страны и её реакции на вызовы XXI в.

Таким образом, корпус военных прокуроров в США представляет собой сравнительно автономное образование в составе Министерства обороны и включает офис главного военного прокурора, который работает в главном штабе или тесно с ним взаимодействует, подчиняясь непосредственно министру обороны, а также военных прокуроров при военных соединениях и на военных базах, в том числе в частях, расквартированных за пределами страны.

На военных прокуроров возложено достаточно большое количество задач. В частности, одной из основных задач военных прокуроров является надзор за соблюдением должного порядка судопроизводства и военной дисциплины [2]. В военных судах прокуроры выступают в роли обвинителей и защитников. Однако обвинитель и защитник не обязательно должны являться военными прокурорами, в этом качестве могут выступать и другие военные и даже гражданские юристы, кандидатуры которых одобрены главным военным прокурором данного рода войск [1]. Нередко офицеры корпуса военных прокуроров занимают должности военных судей. Согласно кодексу они также консультируют командование по широкому спектру юридических вопросов [1; 2], включая военное право, правовые аспекты государственных контрактов, административное право, трудовое право, экологическое право, международное право, информационное право, а кроме того, помогают военнослужащим, отставным военнослужащим и членам их семей в личных вопросах по гражданским юридическим проблемам (например, в составлении завещаний и долговых обязательств).

Штатные военные прокуроры в каждом роде войск назначаются главным военным прокурором этого рода войск, который инспектирует их деятельность [1]. В сухопутных войсках военные прокуроры могут назначаться на неюридические должности с разрешения главного

военного прокурора. Все военные юристы должны иметь лицензию на право ведения профессиональной деятельности в США и пройти подготовку в одном из трех специализированных учебных заведений.

Следует отметить, что системы военной и гражданской юстиции в США имеют разные корни и исторически значительно различаются, в связи с чем возник вопрос о возможности унификации их принципов и хотя бы частичного организационного слияния. По этой причине во второй половине XX в. в периодической и научной литературе США развернулась полномасштабная дискуссия о необходимости civilianization (дословно – «гражданизация») военно-юридического законодательства и структуры военной юстиции. Иными словами, дискуссия касалась возможности применения в военной сфере гражданско-правовых средств регулирования общественных отношений.

Как было отмечено выше, одной из основных сфер деятельности военных прокуроров в США является участие в судебных процессах. В соответствии с Единым кодексом военной юстиции в США предусматривается три типа военных судов – общие военные суды (general court – martial), особые (special court – martial) и дисциплинарные военные суды (summary court – martial). Помимо указанных судов, в США предусмотрена также деятельность апелляционного суда. По общему правилу вынесенный военным судом приговор пересматривается командиром, создавшим суд (convening authority), а затем лицо, в отношении которого вынесен приговор, может подать апелляцию в апелляционный суд своего рода войск, а в случае отказа в удовлетворении апелляции – в Апелляционный суд вооруженных сил страны.

При этом согласно ст. 56 кодекса наказание, которое военный суд может назначить за то или иное преступление, не должно выходить за рамки предписаний президента США, в виде которых оформлено Руководство для военных судов. Смертный приговор утверждается Президентом страны, однако такая мера наказания применяется только в случаях, предусмотренных кодексом [6].

В соответствии со ст. 15 кодекса ко-

мандиры имеют право налагать на подчинённых дисциплинарные взыскания (понижение в звании, снижение денежного содержания, ограничение льгот, назначение нарядов вне очереди, объявление выговора, а на флоте также заключение под стражу) в связи с небольшими проступками. Дело о таком проступке слушается в дисциплинарном суде без судьи и присяжных офицеров. Дисциплинарный суд имеет много общего с судом мирового судьи или федерального магистрата. В его юрисдикции находятся только мелкие преступления, совершённые военнослужащими списочного состава, и он состоит из одного офицера определённого звания, который не обязан быть юристом [6]. В отличие от гражданского суда защитника в дисциплинарном суде нет, даже если обвиняемому грозит лишение свободы, но перед началом разбирательства дела обвиняемого уведомляют о его правах. Обвиняемому предоставляется также возможность отказаться от дисциплинарного суда, и в таком случае дело передается в особый военный суд, в котором участие защитника гарантируется [6].

Следует отметить, что независимо от своего финансового положения, характера обвинения и возможного наказания обвиняемый имеет право на защитника из числа юристов, сертифицированных главным военным прокурором Вооружённых сил страны, тогда как в гражданском суде наличие права на защитника зависит от того, грозит ли обвиняемому лишение свободы. Обвиняемый, наряду с военным защитником, может при желании нанять за свой счет гражданского юриста. На борту корабля или в удалённой местности суд может состояться и без защитника, однако к разбирательствам, проходящим на территории США, это послабление не применимо, а за границей может быть применено, только если не удалось отыскать защитника среда офицеров более высокого звания [6].

Судьи военных апелляционных судов и судьи общих военных судов, согласно Кодексу, назначаются главным военным прокурором [1; 2], не входят в командную цепочку и отчитываются только перед главным военным прокурором или его уполномоченным [6].

Особые военные суды занимаются

крупными преступлениями и проступками (кражи; мелкие правонарушения, связанные с наркотиками; самовольные отлучки со службы; неповиновение приказам и т. п.). Особые суды состоят из панели (аналог скамьи присяжных), включающей не менее пяти военнослужащих, а также трех офицеров (защитник, обвинитель и военный судья). В компетенцию особых военных судов входит рассмотрение дел о преступлениях и проступках, совершенных любыми лицами (включая гражданских), которые на момент совершения преступления подпадали под действие военного права (включая серьезные обвинения – убийство, изнасилование, распространение наркотиков, дезертирство). Обвиняемый вправе отказаться от панели и выбрать рассмотрение дела одним судьей (особенно если речь идет о преступлении, за которое предусмотрена смертная казнь). Командир, создавший суд, не участвует в вынесении приговора, но при пересмотре решения суда может не одобрить его или изменить либо вернуть дело на повторное слушание, но не может вынести более суровое наказание, нежели указанное в приговоре.

Апелляционный суд вооруженных сил располагается в Вашингтоне и состоит из пяти гражданских судей, которых по совету и с согласия Сената назначает президент США сроком на 15 лет. В компетенцию суда входит рассмотрение дел, по которым обвиняемому вынесен смертный приговор; тех дел, которые переданы в этот суд корпусом военных прокуроров; а также дел, по которым имеет место апелляция обвиняемого.

В настоящее время корпус военных прокуроров США представляет собой

сравнительно автономное образование в составе министерства обороны и включает офис главного военного прокурора, который работает в главном штабе или тесно с ним взаимодействует, подчиняясь непосредственно министру обороны США, а также военных прокуроров при военных соединениях и на военных базах, в том числе в частях, базирующихся за пределами страны.

Таким образом, на современном этапе в США достигнуто понимание того, что сложившаяся система органов военной прокуратуры вполне отвечает текущим потребностям государства и его вооруженных сил.

Россия, в противовес США, представляет уникальный пример, когда органы военной прокуратуры не зависят от Министерства обороны Российской Федерации и других федеральных органов исполнительной власти и федеральных государственных органов, в которых предусмотрена военная служба, но при этом комплектуются военнослужащими, обладающими необходимыми практическими навыками и теоретическими знаниями.

По нашему мнению, рассмотренная система функционирования органов военной прокуратуры в США представляет определённый интерес с точки зрения изучения международного опыта в данной сфере и для дальнейшего развития органов военной прокуратуры в Российской Федерации в контексте перехода Российской армии на контрактную систему.

ЛИТЕРАТУРА

1. 10 U.S. Code Chapter 47 – Uniform Code of Military Justice [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.law.cornell.edu/uscode/text/10/subtitle-A/part-II/chapter-47> (дата обращения 20.02.2018).
2. Manual for Courts-Martial United States (2012 edition) [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.loc.gov/>
3. 2013 Amendments to the Manual for Courts-Martial, United States. Federal Register. Presidential Documents. – May 21, 2013. – Vol. 78. – № 98 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.loc.gov/rr/frd/Military_Law/pdf/MCM-2013-EO_13643.pdf (дата

- обращения 15.02.2018).
4. Chuck Mason R. Military Justice: Courts-Martial, an Overview / R. Chuck Mason // Congressional Research Service 7-5700. – 2013. – August 12 / R. Chuck Mason [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://fas.org/sgp/crs/natsec/R41739.pdf> (дата обращения 20.02.2018).
 5. Murray J. The Judge Advocate General's School, 1951 – 1961 / J. Murray [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.loc.gov/rr/frd/Military_Law/pdf/JAGS_1951-1961.pdf (дата обращения 15.02.2018).
 6. Nichols L. The Justice of Military Justice / L. Nichols // William & Mary Law Review. – 1971. – Vol. 482 (12). – Issue 3. – P. 482 – 511 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://scholarship.law.wm.edu/wmlr/vol12/iss3/3> (дата обращения 20.02.2018).
 7. Rosen R. The Judge Advocate General's School, U. S. Army: 50 Years in Charlottesville / R. Rosen // Virginia Lawyer. – 2001. – December. – P. 14 – 18 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.vsb.org/docs/valawyer magazine/dec01rosen.pdf> (дата обращения 03.02.2018).

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ

НИКИТИН Александр Павлович,

кандидат юридических наук, заслуженный юрист Российской Федерации, начальник управления надзора (за исполнением законов органами военного управления, воинскими частями и учреждениями) Главной военной прокуратуры

E-mail: gvp@gvp.rsnet.ru

LAW AND ORDER

THE FOREIGN EXPERIENCE OF THE MILITARY PROSECUTOR'S OFFICE SYSTEM FUNCTIONING (THE CASE OF THE USA)

Abstract. The article dwells on the legislative basis of the military Prosecutor's office, as well as the system of the professional training of military prosecutors in the United States. According to the author, the functioning system of the military Prosecutor's office in

the United States is of some interest in terms of studying the international experience in this field and for the further development of the military Prosecutor's office of the Russian Federation in the context of the Russian army transition to the contract system.

Keywords: activities of the military Prosecutor's office, the system of the military prosecutors professional training in the United States, the Uniform code of military justice.

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Alexander Pavlovich Nikitin,

candidate of law, honored lawyer of the Russian Federation, the head of the execution of laws by military authorities, units and institutions supervisory authority of the Chief military Prosecutor's office

E-mail: gvp@gvp.rsnet.ru

К ВОПРОСУ О ПРАВОВОМ РЕГУЛИРОВАНИИ ПРОФИЛАКТИКИ КРИМИНАЛЬНОЙ ВИКТИМНОСТИ ВОЕННОСЛУЖАЩИХ

А.С. ПАРШАКОВ,

кандидат юридических наук, старший научный сотрудник научно-исследовательского центра
(военно-научной информации, военно-правовых проблем) Военного университета
Министерства обороны Российской Федерации

E-mail: alexandrparshakov@yandex.ru

Аннотация. В статье рассматриваются вопросы профилактики криминальной виктимности военнослужащих, проблемы их правового регулирования. Дается анализ нормативной правовой базы и авторское

видение ее совершенствования, направленное на выработку дополнительных мер по профилактике виктимности военнослужащих.

Ключевые слова: нормативные правовые акты; предупреждение преступлений; профилактика криминальной виктимности военнослужащих; органы военного управления; военно-политические органы; органы военной юстиции.

В современных условиях научный прогресс обеспечивается за счет дифференциации и интеграции нескольких отраслей знания.

Теория и правоприменительная практика воздействия на преступность военнослужащих, наряду с «криминальными» науками, такими как криминология, уголовное право, уголовный процесс, криминалистика и др., в последние годы дополнились рядом разработок на основе других научных дисциплин, прежде всего педагогики, психологии и социологии. К одной из наиболее интересных научно-правовых идей относятся положения, выводы и рекомендации виктимологии.

С давних времен противодействие обидчику оказывалось в виде физического отпора. По мере развития государства и появления правовых механизмов воздействия на социальное зло самозащита несколько отошла на второй план. Институты государства, пытаясь защитить людей, разрабатывали правовые меры, не требующие активного участия самих пострадавших в их реализации, в итоге жертвы часто забывались как правоохранителя-

ми, так и учеными-криминологами.

К тому же фундаментальные исследования криминологических проблем уже давно сосредоточивались на однотипных явлениях – преступности, преступлении, преступнике [15] и продолжают доминировать по сей день.

Жертвы же преступлений до недавних пор особого криминологического интереса у ученых не вызывали. Пострадавшие часто рассматривались лишь с эмоциональных позиций. Встречая человека с разбитым лицом, ограбленного на улице, или девушку, изнасилованную в парке, мало кто задавался вопросом: а почему именно ему досталось по лицу, его ограбили или ее изнасиловали?

Истоки причин в таких случаях не подлежали выяснению, поскольку считалось, что преступник и его жертва – фигуры диаметрально противоположные, все жалели пострадавшего и осуждали причинившего вред, первый при всех обстоятельствах был прав, а второй – всегда виновен.

Безусловно, как правило, в основе преступного поведения человека лежат его негативные качества, однако на потенции-

ального правонарушителя существенное влияние оказывают и другие факторы: его окружение, конкретная жизненная ситуация, поведение пострадавшего, которое может быть не только положительным и безупречным, но и отрицательным, неприемлемым, провокационным.

Более полувека назад американский психиатр Ф. Вертхам в работе «Картина насилия» писал: «Жертва убийства почему-то всегда остается забытой. В наших дискуссиях об аномальной психологии убийцы мы начисто забываем о его жертве. Мне думается, что нельзя хорошо понять психологию убийцы, если не понимаешь социологию его жертвы. Наука виктимология – вот что нам сейчас нужно» [16].

Между тем научные знания только тогда обретают легитимность и начинают приносить практическую пользу обществу и государству, когда обретают форму нормативных правовых актов, а применительно к исследуемому нами вопросу – правового регулирования профилактики криминальной виктимности военнослужащих.

Еще в древности философы подметили: чем справедливее государственное устройство и чем больше людей считают законы соответствующими их интересам, тем меньше в такой стране уровень преступлений. По мнению древнегреческого мыслителя Протагора, справедливые законы народ защищает с такой же отвагой, с которой он обороняет стены родного города от врагов [14].

Обращаясь к современности, следует констатировать, что с начала 90-х годов XX века в политике противодействия преступности в России так и не наметились позитивные тенденции для воссоздания системы ее предупреждения и профилактики, фактически разрушенной на старте реформ и обретения государственности. Это связано в том числе и с тем, что в целом организационно-правовое обеспечение профилактики преступлений в стране и армии, а также правовое регулирование профилактики виктимности военнослужащих находятся в эмбриональном состоянии.

Между тем, даже несмотря на пессимизм, который несколько пронизывает большой научный труд В.В. Лунеева «Преступность XX века», ученый приводит данные, которые показывают, что в 60–80 годы XX века динамика судимости в СССР была позитивной, а темпы роста уголовной пре-

ступности – умеренными [13]. Это подтверждают и другие ученые [17]. Очевидно, что не последняя роль в этом принадлежала существующей в СССР системе профилактики преступлений, в том числе и в армии.

Анализ нормативно-правовой базы и практической деятельности субъектов профилактики преступлений свидетельствует о целесообразности использования ранее накопленного положительного опыта такой работы и частичного внедрения его в современную практику органов военного управления, военно-политических органов и органов военной юстиции.

В настоящее время можно предложить четыре уровня правовых актов в сфере воздействия на преступность путем профилактики виктимности военнослужащих – конституционный, федеральный, ведомственный и локальный.

В результате проведенного анализа установлено, что рассматриваемые вопросы разработаны на указанных уровнях лишь частично, фактически предприняты лишь отдельные попытки нормативного закрепления этого вида деятельности.

1. Основополагающее значение в правовом регулировании профилактики виктимности военнослужащих имеет Конституция Российской Федерации [1], которая провозглашает человека, его права и свободы высшей ценностью и устанавливает обязанность государства по их соблюдению и защите (ст. 2). Положения ст. 21 Конституции РФ гарантируют охрану государством достоинства личности: «Никто не должен подвергаться пыткам, насилию, другому жестокому или унижающему человеческое достоинство обращению или наказанию». При проведении профилактических мероприятий недопустимо умаление достоинства личности: никто не может быть лишен своего имущества иначе как по решению суда, права потерпевших от преступлений и злоупотреблений властью охраняются законом, а государство обеспечивает потерпевшим доступ к правосудию и компенсацию причиненного ущерба (ст. 35, 52 Конституции РФ).

Изложенные требования Конституции России являются положениями прямого действия и трансформируются в конкретные требования последующих трех уровней нормативных правовых актов, которые являются базовыми для деятельности всех органов, осуществляющих виктимологиче-

скую профилактику военнослужащих.

2. В Концепции национальной безопасности Российской Федерации [8] одной из угроз национальной безопасности называется угроза криминализации общественных отношений, «отсутствие эффективной системы социальной профилактики правонарушений, недостаточная правовая и материально-техническая обеспеченность деятельности по предупреждению ... преступности...».

3. В Военной доктрине Российской Федерации [9] определено одно из основных направлений развития военной организации государства – укрепление организованности, правопорядка и воинской дисциплины.

4. В Уголовном и Уголовно-процессуальном кодексах Российской Федерации [2, 3] отражены правовые основы процессуального и материального права отечественной криминальной виктимологии, которые должны представлять собой новую научную концепцию и новое направление в предупреждении преступности, а также более широкое явление, связанное с современным развитием юриспруденции, со значительным углублением научного подхода к изучению причин преступности и мер по ее предупреждению. При этом одной из задач Уголовного кодекса РФ (ч. 2 ст. 2) является «предупреждение преступлений», а одной из целей наказания (ч. 2 ст. 43) – «предупреждение совершения новых преступлений».

Кроме того, следует выделить нормы материального права, связывающие ответственность за преступление с социальным статусом потерпевшего (его общественным, служебным, должностным положением) и его надлежащим поведением, например, статьями 277, 295, 317, 333, 334, 343 УК РФ.

Не менее значимый интерес для рассматриваемой проблематики представляет степень ответственности виновного за негативное поведение потерпевшего, к примеру положения ст. 61 УК РФ показывают то, что уголовный закон безразлично относится к неправомерным действиям потерпевшего.

Также в уголовном законе закреплены нормы, в диспозиции которых присутствует такой признак, как сильное душевное волнение, вызванное противозаконными действиями потерпевшего (статьи 107, 113, ч. 1 ст. 108 и ч. 1 ст. 114 УК РФ).

Существенное значение для криминальной виктимологии имеют правовые аспек-

ты института необходимой обороны (ст. 37 УК РФ), которая возникает вследствие неправомерного поведения пострадавшего.

Что касается Уголовно-процессуального кодекса РФ, то, в отличие от ранее действующего УПК РСФСР, предупреждение преступности не фигурирует в качестве одной из главнейших задач, а принятие мер к устранению обстоятельств, способствовавших совершению преступлений, закреплено как право, а не обязанность дознавателя, следователя и суда. В ст. 73 УПК РФ «Обстоятельства, подлежащие доказыванию» определено, что «подлежат выявлению также обстоятельства, способствовавшие совершению преступления», а в ст. 158 УПК РФ «Окончание предварительного расследования» дознавателю и следователю, установившим в ходе досудебного производства по уголовному делу обстоятельства, способствовавшие совершению преступления, предоставляется право внести в соответствующую организацию или конкретному должностному лицу представление о принятии мер по устранению указанных обстоятельств или других нарушений закона.

5. В статье 5 Федерального закона от 23 июня 2016 г. № 182-ФЗ «Об основах системы профилактики правонарушений в Российской Федерации» [6] определены субъекты профилактики правонарушений, среди которых – федеральные органы исполнительной власти, органы прокуратуры Российской Федерации, следственные органы Следственного комитета Российской Федерации.

В связи с изложенным научные исследования виктимности и наличие виктимогенных факторов позволяют на законодательном уровне выделить новое направление деятельности для Министерства обороны России, правоохранительных органов – военной прокуратуры и военных следственных органов: виктимологическую профилактику преступлений военнослужащих, которая направлена на противодействие уязвимости одних и опосредованное ослабление преступной готовности других военнослужащих. В настоящее время это одно из наиболее перспективных, гуманных, не требующих больших материальных затрат направлений профилактики преступлений и виктимности.

6. Федеральный закон «О государственной защите потерпевших, свидетелей и иных участников уголовного судопро-

производства» [5] устанавливает систему мер государственной защиты потерпевших и других участников уголовного судопроизводства, включающую меры безопасности и меры социальной поддержки указанных лиц, а также определяет основания и порядок их применения.

7. Федеральный закон «О прокуратуре Российской Федерации» [4] наделяет прокурора рядом полномочий по устранению допущенных нарушений закона, их причин и условий, способствующих совершению преступлений (ст. ст. 23, 24, 25-1, 27 и др.).

Кроме того, в соответствии со ст. 8 данного Федерального закона прокуроры осуществляют координацию деятельности правоохранительных органов по борьбе с преступностью.

8. В Положении о координации деятельности правоохранительных органов по борьбе с преступностью [7] отмечается, что координация деятельности «правоохранительных органов осуществляется в целях повышения эффективности борьбы с преступностью путем разработки и осуществления этими органами согласованных действий по своевременному выявлению, раскрытию, пресечению и предупреждению преступлений, устранению причин и условий, способствующих их совершению».

Правоохранительные органы в Вооруженных силах РФ, других войсках и воинских формированиях в соответствии с названным Положением осуществляют, в частности:

1) совместный анализ состояния законности и преступности, их структуры и динамики, прогнозирование тенденций развития;

2) изучение практики выявления, расследования, раскрытия, предупреждения и пресечения преступлений;

3) участие в разработке совместных с территориальными правоохранительными органами и органами государственной власти и управления, военными научными и учебными учреждениями предложений по предупреждению криминальных правонарушений;

4) подготовку и направление в необходимых случаях информации о состоянии законности и преступности в Вооруженных силах и других войсках Президенту Российской Федерации, Федеральному Собранию и Правительству Российской Федерации, а также органам военного управления.

9. В Общевоинских уставах Вооруженных сил РФ [10] регламентируется дея-

тельность органов военного управления по предупреждению преступности в войсках. В частности, в Уставе внутренней службы ВС РФ (ст. 94) предусмотрена обязанность командира полка принимать меры по предупреждению преступлений и происшествий в полку (на корабле); лично участвовать в расследовании катастроф и других происшествий, связанных с гибелью людей или повлекших иные тяжкие последствия, а также насильственных преступлений в воинских коллективах.

10. В приказе Генеральной прокуратуры РФ от 16 января 2012 г. № 7 «Об организации работы органов Прокуратуры Российской Федерации по противодействию преступности» [11] сказано о необходимости уделять особое внимание защите прав потерпевших, принимать исчерпывающие меры противодействия в случаях оказания давления на потерпевших и их близких в целях лишения указанных лиц доступа к правосудию, возникновения угрозы их имуществу, свободе, здоровью и жизни. Между тем вопросы профилактики виктимности пострадавших не выработаны вообще.

Кроме того, изучение и анализ положений Регламента Генеральной прокуратуры РФ, введенного в действие приказом Генеральной прокуратуры РФ от 11 мая 2016 г. № 276 «Об утверждении Регламента Генеральной прокуратуры Российской Федерации» [12], показали, что вопросы профилактики преступлений в нем также не отражены. В распределении обязанностей заместителей Генерального прокурора РФ и Главного военного прокурора по направлениям их деятельности, предусмотренных Регламентами и утвержденными соответствующими приказами руководителей, а также функциональных обязанностях других прокурорских работников данные вопросы тоже упущены.

В ходе исследования организационно-правового обеспечения деятельности органов военной прокуратуры по профилактике преступлений и виктимности на окружном и гарнизонном уровне были выявлены лишь отдельные попытки регламентировать такие виды профилактики преступлений в рамках уголовного судопроизводства и надзорной деятельности. По нашему мнению, именно в этих документах должно быть отражено организационно-правовое обеспечение деятельности органов военной

прокуратуры по профилактике преступлений и виктимности пострадавших.

Выборочное изучение приказов военных прокуроров окружного и гарнизонного уровней о распределении функциональных обязанностей должностных лиц и планов (работы, коллегии, координационной деятельности, совместных с поднадзорными ведомствами), показало, что профилактические мероприятия в лучшем случае носят разовый, а не системный характер.

Кроме того, изучение и анализ имеющихся организационно-распорядительных документов органов военного управления, военно-следственных органов, а также отсутствие таковых в зарождающихся военно-политических органах, свидетельствует о необходимости принятия дополнительных мер по разработке правовой основы для профилактики криминальной виктимности военнослужащих.

Таким образом, на основе анализа действующих нормативных правовых актов, а также практики возможных субъектов виктимологической профилактики выявлены следующие закономерности:

а) в современных Вооруженных силах Российской Федерации отсутствует целостная концепция профилактики преступлений и виктимности военнослужащих и соответственно нет единой нормативной базы данной направленности по всей вертикали соответствующих органов;

б) вопросам предупреждения преступности и виктимности, профилактики отдельных видов преступлений посвящен ряд нормативных правовых актов и ведомственных организационно-распорядительных документов, которые, как правило, не имеют целостной завершенной системы, а лишь фрагментарно и разрозненно регламентируют деятельность субъектов профилактики;

в) слабое организационно-правовое обеспечение деятельности соответствующих органов по профилактике виктимности, прежде всего против порядка воинских уставных взаимоотношений, прямо пропорционально отображается в их практической деятельности: отлаженной и эффективной работы в настоящее время на данном направлении нет. Временный «успех» по снижению уровня зарегистрированных преступлений данного вида, обусловлен их высокой латентностью;

г) субъектам профилактики, которые по-новому стали бы решать вопросы ее организации, информационного и ресурсного обеспечения, тактики и методики, необходимо и дальше совершенствовать правовое регулирование, направленное на повышение эффективности работы рассматриваемых органов по профилактике виктимности военнослужащих.

Представляется, что все вышесказанное требует осмысления и адекватной научной интерпретации с правовых позиций, поскольку различные стороны и аспекты многогранной профилактической деятельности опосредованы правом, нормами которого она конституируется и регулируется.

Таким образом, современная правовая архитектура профилактики криминальной виктимности военнослужащих Вооруженных сил Российской Федерации основывается на действующих нормативных правовых актах, которые требуют дальнейшего совершенствования, а для поднятия этой деятельности на новый качественный уровень необходимы подготовка и принятие «специализированных» правовых актов, регулирующих по всей вертикали организацию и осуществление данного вида профилактики органами военного управления, военно-политическими органами и органами военной юстиции.

ЛИТЕРАТУРА

1. Конституция Российской Федерации // Рос. газ. – 1993. – 25 дек.
2. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13 июня 1996 г. № 63-ФЗ // Собр. законодательства Рос. Федерации. – 1996. – № 25. – Ст. 2954.
3. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18 декабря 2001 г. № 174-ФЗ // Собр. законодательства Рос. Федерации. – 2001. – 52 (часть I). – Ст. 4921.
4. О прокуратуре Российской Федерации: федер. закон от 17 янв. 1992 г. № 2202-1 // Ведомости съезда нар. деп. Рос. Федерации и Верх. Совета Рос. Федерации. – 1992. – № 8. – Ст. 366.

5. О государственной защите потерпевших, свидетелей и иных участников уголовного судопроизводства: федер. закон от 20 авг. 2004 г. № 119-ФЗ // Собр. законодательства Рос. Федерации. – 2004. – № 34. – Ст. 3534.
6. Об основах системы профилактики правонарушений в Российской Федерации: федер. закон от 23 июня 2016 г. № 182-ФЗ // Собр. законодательства Рос. Федерации. – 2016. – № 26 (часть I). – Ст. 3851.
7. Положение о координации деятельности правоохранительных органов по борьбе с преступностью: утв. Указом Президента Рос. Федерации от 18 апр. 1996 г. № 567 // Собр. законодательства Рос. Федерации. – 2013. – № 26. – Ст. 3309.
8. Концепция национальной безопасности Российской Федерации: утв. Указом Президента Рос. Федерации от 10 янв. 2000 г. № 24 // Собр. законодательства Рос. Федерации. – 2000. – № 2. – Ст. 170.
9. Военная доктрина Российской Федерации: утв. Указом Президента Рос. Федерации от 21 апр. 2000 г. № 706 // Собр. законодательства Рос. Федерации. – 2000. – № 17. – Ст. 1852.
10. Об утверждении Общевоинских уставов Вооруженных Сил Российской Федерации: утв. Указом Президента Рос. Федерации от 10 ноя. 2007 г. № 1495 // Собр. законодательства Рос. Федерации. – 2007. – № 47 (часть I). – Ст. 5749.
11. Об организации работы органов Прокуратуры Российской Федерации по противодействию преступности: утв. приказом Генерального прокурора Рос. Федерации от 16 янв. 2012 г. № 7 // Законность. – 2012. – № 3.
12. Об утверждении Регламента Генеральной прокуратуры Российской Федерации: утв. приказом Генерального прокурора Рос. Федерации от 11 мая 2016 г. № 276 // Законность. – 2016. – № 8.
13. Лунеев В.В. Преступность XX века. Мировые, региональные и российские тенденции. – М., 1997. – С. 72-74.
14. Иншаков С.М. Военная криминология. – М., 1999. – С. 5.
15. Вицин С.Е., Уткин В.А. Криминология: учебное пособие. – М., Изд-во «Щит-М», 2000. – С. 149-155.
16. Wertham F. The Show of Violence. – N. Y., 1949.
17. Герасимов С.И. Организация криминологической профилактики в городе Москве. – М., 2000. – С. 7-26.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ

Паршаков Александр Сергеевич,

кандидат юридических наук, старший научный сотрудник научно-исследовательского центра (военно-научной информации, военно-правовых проблем) Военного университета Министерства обороны Российской Федерации, почетный работник прокуратуры, полковник юстиции запаса.

123001, г. Москва, ул. Большая Садовая д. 14.

E-mail: alexandrparshtakov@yandex.ru.

LAW AND ORDER

TO THE QUESTION OF LEGAL REGULATION OF THE MILITARY PERSONNEL CRIMINAL VICTIMITY PREVENTION

Alexander S. PARSHAKOV

Abstract. The article deals with the prevention of military personnel criminal victimization, the problems of their legal

regulation. There are given the analysis of the regulatory legal base and the author's vision of its improvement, aimed at the development of additional measures to prevent the victimization of the military.

Keywords: regulatory legal acts; crime prevention; prevention of criminal victimization of military personnel; military authorities; military political bodies; military justice authorities.

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Parshakov Alexander Sergeevich,

PhD in Law, Senior Researcher of the Research Center (military science information, military legal problems) of the Military University of the Ministry of Defense of the Russian Federation, honorary prosecutor, colonel of justice retired.

123001, Moscow, st. Bolshaya Sadovaya, 14.

E-mail: alexandrparshakov@yandex.ru.

REFERENCES

1. Constitution of The Russian Federation // the Russian Gazeta. - 1993. - Dec 25.
2. Criminal code of the Russian Federation of June 13, 1996 № 63-FZ // the Russian Federation Code - 1996. - № 25. - St. 2954.
3. Criminal procedure code of the Russian Federation of December 18, 2001 № 174-FZ // SOBR. legislation Grew. Confederations. - 2001. - 52 (part I). - St. 4921.
4. About Prosecutor's office of the Russian Federation: Feder. law of 17 January. 1992 № 2202-I // sheets of the Congress of Nar. DEP. Grown. Federations and Top. Council Grew. Confederations. - 1992. - № 8. - St. 366.
5. On state protection of victims, witnesses and other participants in criminal proceedings: Feder. law of 20 Aug. 2004 № 119-FZ // SOBR. legislation Grew. Confederations. - 2004. - №34. - St. 3534.
6. About bases of system of offenses prevention in the Russian Federation: Feder. law of 23 June 2016 № 182-FZ // SOBR. legislation Grew. Confederations. - 2016. - № 26 (part I). - St. 3851.
7. Regulation on the coordination of law enforcement agencies in the fight against crime: approved. Decree Of The President Grew. Federation of 18 APR. 1996 № 567 // SOBR. legislation Grew. Confederations. - 2013. - № 26. - St. 3309.
8. The national security concept of the Russian Federation: approved. Decree Of The President Grew. Federation from 10 January. 2000 № 24 // SOBR. legislation Grew. Confederations. - 2000. - № 2. - St. 170.
9. Military doctrine of the Russian Federation: app. Decree Of The President Grew. Federation of 21 APR. 2000 № 706 // SOBR. legislation Grew. Confederations. - 2000. - № 17. - St. 1852.
10. About the approval of Basic military Regulations of Armed Forces of the Russian Federation: Decree Of The President Grew. Federation from 10 Nov. 2007 № 1495 // SOBR. legislation Grew. Confederations. - 2007. - №47 (part I). - St. 5749.
11. About the organization of work of bodies of Prosecutor's Office of the Russian Federation on counteraction of crime: UTV. by order of the attorney General Grew. Federation from 16 January. 2012 № 7 // Legality. - 2012. - № 3.
12. About the approval of Regulations of the Prosecutor General's office of the Russian Federation: by order of the attorney General Grew. Federation of 11 may 2016 № 276 // Legality. - 2016. - № 8.
13. Luneev V.V. Crime of XX century. Global, regional and Russian trends. - M., 1997. - P. 72-74.
14. Inshakov S.M. Military criminology. - M., 1999. - p. 5.
15. Vitsin S.E., Utkin V.A. Criminology: textbook. - M., Publishing house "Shield-M", 2000. - P. 149-155.
16. Wertham F. The Show of Violence. - N. Y., 1949.
17. Gerasimov S.I. Organization of criminological prevention in Moscow. - M., 2000. - P. 7-26.

МНЕНИЕ ЭКСПЕРТА

Expert Opinion

Основной целью рубрики «Мнение эксперта» является оперативное реагирование на актуальные вызовы и проблемы в области военного права, военных проблем международного права, правоприменительной практики органов военной юстиции.

Наши эксперты – учёные и признанные специалисты в своей области – дают экспертно-правовую оценку наиболее актуальных событий и материалов, публикуемых в отечественных и зарубежных СМИ, на основе действующего военного законодательства и военного права.

ФОРМИРОВАНИЕ ПРАВОВЫХ ОСНОВ ВОЕННО-ПОЛИТИЧЕСКОЙ РАБОТЫ

Дерешко

Богдан Юльевич,

кандидат юридических наук, доцент,
заместитель начальника Всероссийского
научно-исследовательского института
Министерства внутренних дел
Российской Федерации
по научной работе

123995, г. Москва, ул. Поварская, д. 25

E-mail: dbj2000@mail.ru

Dereshko

Bogdan Yul'evich,

PhD in Law, Associate Professor,
Deputy Head for Research of the All-
Russian Research Institute of the Ministry
of Internal Affairs of the Russian Federation

25 Povarskaya Str., Moscow, 123995,
Russian Federation

E-mail: dbj2000@mail.ru

К ПРОБЛЕМЕ МЕЖДУНАРОДНО- ПРАВОВОЙ КВАЛИФИКАЦИИ МОРСКИХ ПРОСТРАНСТВ СЕВЕРНОГО ЛЕДОВИТОГО ОКЕАНА

Жудро

Иван Сергеевич,

кандидат юридических наук,
заслуженный юрист
Российской Федерации,
начальник Департамента Управления
Президента Российской Федерации
по внешней политике

103132, Москва, Старая площадь, д. 6

E-mail: joudreaux50@gmail.com

Judro

Ivan Sergeevich,

PhD in law, honored lawyer of the
Russian Federation, head of the
Department of foreign policy of the
President Of the Russian Federation

6 Old square, Moscow, 103132,
Russian Federation

E-mail: joudreaux50@gmail.com

20.02.03 – «Военное право, военные проблемы международного права»

ФОРМИРОВАНИЕ ПРАВОВЫХ ОСНОВ ВОЕННО-ПОЛИТИЧЕСКОЙ РАБОТЫ

Б.Ю. ДЕРЕШКО,

кандидат юридических наук, доцент, заместитель начальника Всероссийского научно-исследовательского института Министерства внутренних дел Российской Федерации по научной работе

Аннотация. Рассмотрен один из наиболее дискуссионных вопросов – вопрос формирования правовых основ военно-политиче-

ской работы как нового направления деятельности органов военного управления Вооруженных Сил Российской Федерации

Ключевые слова: Главное военно-политическое управление Вооруженных Сил Российской Федерации, военно-политическая работа, военно-политические органы

Указом Президента Российской Федерации от 30 июля 2018 г. № 454 внесены изменения в перечень полномочий Минобороны России [1]. Наряду с морально-психологическим обеспечением, обеспечением правопорядка и воинской дисциплины, Минобороны России организует и военно-политическую работу в Вооружённых Силах Российской Федерации (п. 41).

Таким образом, высшие органы государственной власти отметили 100-летие образования политических органов в Вооружённых Силах. 7 февраля 1918 г. были образованы Организационно-агитационный отдел Всероссийской коллегии по формированию Красной армии, а также агитационные и агитационно-организационные подотделы при военных отделах ис-

полнительных комитетов местных советов. С этого дня и началась история создания политических органов в отечественных Вооружённых Силах [2].

Это своевременное и давно ожидаемое решение предполагает проведение в кратчайшие сроки огромного объёма административно-управленческих, кадровых и организационных мероприятий по созданию системы военно-политической работы. В ряду таких мероприятий одно из первых мест занимает нормотворческая деятельность по формированию правовых основ нового направления военной администрации.

Причины создания института военно-политической работы и формирования военно-политических органов охарактеризовал заместитель Министра обороны Российской

Федерации – начальник Главного военно-политического управления Вооружённых Сил Российской Федерации генерал-полковник А.В. Картаполов [3]. Среди них необходимость защищать военнослужащих от негативного информационного воздействия в ходе ведущейся информационной войны против России, недостатки существующей системы работы с личным составом, выявленные в ходе участия в боевых действиях в Сирийской Арабской Республике против международных террористических организаций и др.

Автор предлагает ряд правовых решений, основанных на обобщении и анализе исторического отечественного и зарубежного опыта работы с личным составом военной организации государства.

Прежде всего, в целях установления единых подходов к пониманию сути военно-политической работы следует дать правовое определение этому направлению деятельности. На наш взгляд, это является наиболее сложной и ответственной задачей военно-правовой науки. Анализ нормативных правовых актов, методических источников и научных трудов показывает, что ранее определения понятий «партийно-политическая работа» (в советский период), а затем «морально-психологическое обеспечение» давались на основе двух подходов: во-первых, функционального – как деятельность органов военного управления; во-вторых, системного – как комплекс мероприятий. С учётом достаточно большого объёма содержания мероприятий военно-политической работы системное определение будет носить слишком громоздкий характер, затрудняющий понимание сути рассматриваемого правового явления.

В связи с изложенным уместно применить функциональный подход. С его помощью автор предлагает следующее определение: *военно-политическая работа представляет собой организационную и практическую деятельность командиров (начальников) и органов военно-политической работы по проведению государственной военной политики в Вооружённых Силах Российской Федерации, формированию государственно-патриотического мировоззрения военнослужащих, мобилизации личного состава на успешное выполнение поставленных задач.*

Таким образом, военно-политическая работа рассматривается как составная часть военно-административной деятельности. В качестве субъектов военно-политической

работы определены командиры и начальники, следуя принципу единоначалия военной организации, а также военно-политические органы. К ним относятся заместители командиров (начальников) по военно-политической работе всех уровней военного управления до роты включительно, аппараты военно-политической работы в подразделениях и воинских частях, военно-политические органы (отделения, отделы, управления) в соединениях и объединениях Вооружённых Сил.

Приведённое определение включает единую цель военно-политической работы, предполагающую проведение в Вооружённых Силах государственной политики в области обороны военнослужащими, обладающими государственно-патриотическим мировоззрением, что позволяет обеспечить высокую боевую готовность военной организации к действиям в мирное время и достижение победы над врагом во время войны. Цель военно-политической работы достигается путём реализации её субъектами комплекса мер и мероприятий с применением научно обоснованных форм и методов работы с личным составом.

Под военной политикой в Военной энциклопедии 2002 г. понимается система политических взглядов, отношений и учреждений, а также определяемая ими деятельность государства и его отдельных структур, других социально-политических институтов общества, направленных на создание, подготовку и применение военной силы в политических целях [4].

Проведение государственной военной политики в Вооружённых Силах предполагает обеспечение поддержки и выполнения военнослужащими государственных политических решений, направленных на укрепление обороноспособности государства, путём проведения широкой агитационно-разъяснительной, информационно-пропагандистской и военно-патриотической работы с личным составом Вооружённых Сил, других войск, а также с населением страны.

В общенаучном понимании мировоззрение рассматривается как система философских, научных, социально-политических и иных взглядов и убеждений, а также морально-этических принципов, определяющих отношение человека к окружающей его действительности и общую направленность его поведения [7]. Государственно-патриотическое мировоззрение военнослужащих основывается на идеях государственности, гражданственности и патриотизма как важнейших ценностях воен-

ной службы, определяющих направленность личности и содержание её деятельности в военной сфере. При этом гражданственность рассматривается как преданность Российской Федерации, осознание единства прав, свобод и обязанностей человека и гражданина; государственность – как утверждение идеи правового, демократического, сильного, единого и неделимого Российского государства; патриотизм – как глубокое и возвышенное чувство любви к Родине, верность Военной присяге, избранной профессии и воинскому долгу.

Формирование мировоззрения военнослужащих достигается всесторонним социально-психологическим, морально-нравственным и военно-профессиональным влиянием командиров и начальников, военно-политических органов иных компетентных субъектов.

Мобилизация с точки зрения военной науки представляет собой комплекс мероприятий государства по приведению в активное состояние, сосредоточению и напряжению имеющихся ресурсов, сил и средств для достижения целей войны [5]. Применительно к целям военно-политической работы речь идёт о важнейшем военном ресурсе – духовном потенциале военной деятельности. Сущность всей военно-политической работы заключается в активизации духовного потенциала военнослужащих для эффективного решения боевых задач.

Ведущая роль духовного потенциала военнослужащих всегда признавалась великими полководцами и военными деятелями прошлого. Один из крупнейших военных теоретиков и ведущих военных педагогов Российской империи генерал от инфантерии М.И. Драгомиров отметил: «Важнейшим военным элементом является человек; важнейшим свойством человека – его нравственная энергия» [7].

Духовный потенциал в военной науке рассматривается в качестве составного элемента боевого потенциала войск и представляет собой состояние общественного сознания, определяющее духовные возможности государства и общества по достижению политических, экономических, социальных, военных и других целей [4]. Формирование, развитие и самое главное – реализация духовного потенциала военнослужащих во имя достижения победы над противником есть одна из важнейших задач военно-политической работы. Уровни духовного потенциала – идеологический и социально-психологический – формируются различными формами и методами

военно-политической работы с личным составом. В этой связи содержание военно-политической работы предопределяет её структуру, а также организационное построение военно-политических органов. Предлагаемая структура военно-политической работы может включать в себя следующие основные виды деятельности:

- агитационно-пропагандистская работа;
- психологическая работа;
- военно-социальная работа;
- культурно-просветительная работа;
- работа по укреплению воинской дисциплины и правопорядка.

Кроме этого, военно-политическая работа на внешнем (невоенном) «контуре» может включать следующие направления деятельности, нацеленные на выполнение поставленных задач:

- а) взаимодействие с религиозными объединениями традиционных конфессий;
- б) взаимодействие с общественными объединениями патриотической направленности;
- в) взаимодействие со средствами массовой информации.

Агитационно-пропагандистскую работу можно определить как воздействующую на сознание и настроение военнослужащих целенаправленную деятельность по распространению государственно-патриотических идей и знаний. Этот вид военно-политической работы функционально предназначен для формирования у военнослужащих комплекса профессиональных и нравственных качеств, обусловленных потребностями военной службы.

Психологическая работа может рассматриваться как деятельность, направленная на изучение, формирование и развитие у военнослужащих профессионально значимых психологических качеств личности, психологической устойчивости и готовности к эффективному выполнению боевых задач.

Социальная работа представляет собой деятельность, направленную на обеспечение реализации предусмотренных законодательством мер государственной социальной защиты военнослужащих и членов их семей, создание на этой основе благоприятных социальных условий для успешной военной службы.

Культурно-просветительная работа – деятельность по формированию у военнослужащих нравственно-эстетических и морально-психологических качеств средствами художественной культуры и искусства.

Работа по укреплению дисциплины и пра-

вопорядка – комплексный вид военно-политической работы, представляющий собой деятельность, направленную на профилактику и предупреждение правонарушений и чрезвычайных происшествий среди личного состава Вооружённых Сил.

Таким образом, вид военно-политической работы представляет собой вид управленческой деятельности органов военного управления, военно-политических органов, характеризующийся определенными формами, методами, силами и средствами по достижению отдельных целей или решению отдельных задач военно-политической работы.

Среди направлений военно-политической работы предлагается выделить три наиболее важных и нуждающихся в организационно-правовом оформлении. Это взаимодействие органов военного управления с религиозными и общественными объединениями, средствами массовой информации.

В условиях глобального информационно-противостояния, ведения так называемой гибридной войны против России с использованием всех видов невоенного воздействия массовое сознание людей становится объектом применения самых современных технологий. При этом религиозный фактор, как важнейший составной элемент духовного потенциала Вооружённых Сил, также используется в спектре форм и методов нанесения урона. В качестве примера следует привести действия, предпринятые рядом религиозных деятелей Константинопольской православной церкви в 2018 г., по расколу Русской православной церкви Московского патриархата путём официального признания автокефалии так называемой украинской церкви. В этой связи представляется весьма важным укрепление позитивных связей с традиционными религиозными конфессиями: православным христианством, исламом, буддизмом и иудаизмом в интересах достижения целей военно-политической работы, безусловно, в рамках действующего законодательства о свободе совести и вероисповедания.

Обеспечение широкой общественной поддержки деятельности Вооружённых Сил и в целом военной организации по защите Отечества достигается привлечением ответственности к военно-оборонной работе, проведением мероприятий военно-патриотического воспитания молодёжи, формированием положительного образа Вооружённых Сил и других войск в общественном сознании. Оп-

тимальному решению этих задач военно-политической работы будет способствовать активное взаимодействие с общественными объединениями патриотической направленности и средствами массовой информации. В этом направлении многое сделано за последние годы, о чём свидетельствует стабильно высокий рейтинг Минобороны России среди других органов исполнительной власти по данным опросов общественного мнения. Вместе с тем, это направление требует повседневного внимания и заботы, своевременного и оперативного реагирования на информационные события различного характера.

Предложенные направления предлагают в качестве основы для дальнейшего изучения и обсуждения.

Предполагается, что, решая частные задачи по каждому из указанных направлений, военно-политические органы в целом достигнут заданной цели, что позволит успешно выполнить поставленные боевые задачи.

Основываясь на приведенных выше ключевых положениях, предстоит сформировать систему норм права, регулирующих военно-политическую работу в Вооружённых Силах. Эта система будет отражаться в иерархически выстроенных нормативных правовых актах как на государственном, так и на ведомственном уровнях.

С учётом конституционно-правовых полномочий федеральных органов государственной власти Российской Федерации в области обороны предлагается разработать и закрепить в Уставе внутренней службы Вооружённых Сил Российской Федерации следующие основные положения.

Во-первых, в п. 16 раздела «Общие обязанности военнослужащих» первой главы включить обязанность военнослужащего руководствоваться государственной политикой в области обороны и безопасности.

Во-вторых, п. 78 раздела «Общие обязанности командиров (начальников)» третьей главы изложить в новой редакции, включив обязанность командира (начальника) руководить военно-политической работой, а также принимать личное участие в её проведении.

В-третьих, переработать обязанности заместителя командира полка (корабля 1 ранга) по воспитательной работе (пп. 100, 101), заместителя командира батальона по воспитательной работе (пп. 138, 139), заместителя командира роты по воспитательной работе (пп. 148, 149) с учётом задач по организации

и проведению военно-политической работы в воинских частях и подразделениях.

В-четвёртых, вменить в обязанность участие в военно-политической работе с подчинённым личным составом всем воинским должностным лицам, указанным в Уставе внутренней службы Вооружённых Сил Российской Федерации.

В связи с тем, что полномочия организации военно-политической работы предоставлены Министру обороны Российской Федерации, основную нормативную нагрузку будут нести на себе ведомственные документы. Здесь целесообразно выделить две группы документов по функциональному предназначению: а) документы, регулирующие военно-политическую работу в повседневных условиях; б) документы, определяющие порядок проведения военно-политической работы в особых условиях.

К первой группе следует отнести организационные положения о военно-политической работе в органах – от Главного управления военно-политической работы Вооружённых Сил Российской Федерации до военно-политического отдела (аппарата) воинской части.

Представляется важным издание руководств или наставлений по военно-политической работе видов Вооружённых Сил Российской Федерации, утверждаемых Министром обороны Российской Федерации. Нормативные правовые акты этой категории могут содержать унифицированные правовые определения используемых терминов и понятий; общую часть: порядок организации военно-политической работы в соединении, воинской части (подразделении) вида Вооружённых Сил;

особенную часть, раскрывающую специфику военно-политической работы с учётом особенностей военной службы в этих видах и выполняемых задач боевой подготовки.

Кроме того, целесообразно издание инструкций по видам военно-политической работы (например, инструкция по агитационно-пропагандистской работе, инструкция по психологической работе, инструкция по военно-социальной работе и др.), которые могут быть утверждены приказами заместителя Министра обороны Российской Федерации – начальника Главного управления военно-политической работы Вооружённых Сил.

Вторая группа документов будет рассмотрена отдельно в силу особенностей содержания правовых норм и области их применения. Как показывает практика, это могут быть как составные части (главы, разделы) документов общего характера, так и самостоятельные нормативные правовые акты.

Таким образом, перед органами военного управления Вооружённых Сил Российской Федерации, других войск и воинских формирований ведомств, в которых законом предусмотрена военная служба, стоит задача полномасштабного формирования правовых основ военно-политической работы. Её решения можно достичь оптимальным путём синтеза накопленного опыта правового регулирования организации работы с личным составом за все годы существования военной организации России и новых, научно обоснованных подходов правового обеспечения военно-политической работы в современных условиях с учётом перспектив развития военного дела в будущем.

ЛИТЕРАТУРА

1. О внесении изменений в Указ Президента Российской Федерации от 16 августа 2004 г. № 1082 «Вопросы Министерства обороны Российской Федерации» и в Положение, утвержденное этим Указом: указ Президента Российской Федерации от 30 июля 2018 г. № 454 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.pravo.gov.ru> (дата обращения: 31.07.2018).
2. Бюллетень Всероссийского бюро военных комиссаров. – 1918. – № 1. – С. 12.
3. Право первым подняться в атаку // Военно-промышленный курьер. – 2018. – № 35 (748).
4. Военная энциклопедия: в 8 т. / пред. Гл. ред. комиссии С. Б. Иванов. – Т. 6: Огарков – «Прогресс». – М.: Воениздат, 2001. – 639 с.
5. Военная энциклопедия: в 8 т. / пред. Гл. ред. комиссии И. Д. Сергеев. – Т. 5: Маркировка боеприпасов – «Огайо». – М.: Воениздат, 2001. – 575 с.
6. Драгомиров М. И. Подготовка войск в мирное время. (Воспитание и образование) / М. И. Драгомиров. – Киев: Тип. окружного штаба, 1906. – 126 с.
7. Профессиональное образование: Словарь. Ключевые понятия, термины, актуальная лексика / С. М. Вишнякова. – М.: НМЦ СПО, 1999. – 538 с.

К ПРОБЛЕМЕ МЕЖДУНАРОДНО- ПРАВОВОЙ КВАЛИФИКАЦИИ МОРСКИХ ПРОСТРАНСТВ СЕВЕРНОГО ЛЕДОВИТОГО ОКЕАНА

И.С. ЖУДРО,

кандидат юридических наук, заслуженный юрист Российской Федерации,
начальник Департамента Управления Президента Российской Федерации по внешней политике
E-mail: joudreaux50@gmail.com

Аннотация. Статья посвящена рассмотрению проблемных вопросов, связанных с международно-правовой квалификацией морских пространств Северного Ледовитого океана. Автор обосновывает свой вывод о том, что достижению цели защиты прав России на арктический шельф будет способствовать такое толкование международно-правового режима Северного Ледо-

витого океана, которое учитывает важность сохранения баланса между настоящим и традициями. В балансе международно-правовых норм и принципов прошлого по мнению автора залог успеха в отвечающем интересам национальной безопасности России решении задачи – бесконфликтном разграничении арктического шельфа.

Ключевые слова: Северный Ледовитый океан, арктический шельф, континентальный шельф, международно-правовой режим, юрисдикция.

С опорой на положения теории эволюции автор обосновывает свой вывод о том, что достижению цели защиты прав России на арктический шельф будет способствовать такое толкование международно-правового режима Северного Ледовитого океана, которое учитывает важность сохранения баланса между настоящим и традициями. Речь идёт в одном случае об универсальных нормах конвенций 1958 и 1982 гг., в другом – об издавна сложившемся в Арктике правовом обычае секторального деления полярных владений.

Значение для человечества Мирового океана неуклонно возрастает по мере истощения природных ресурсов суши, глобальных климатических изменений, воздействия хозяйственной деятельности на природную среду. Эта тенденция проявляет себя в активизации экономической и научной деятельности на морском дне, в вовлечении богатств морских недр в промышленное производство.

Арктика – район, имеющий стратегическое значение для обеспечения национальных интересов Российской Федерации. В

Основах государственной политики Российской Федерации в Арктике на период до 2020 года и дальнейшую перспективу впервые используется понятие «Арктическая зона Российской Федерации» [2]. Согласно названному документу она включает в себя, помимо сухопутных территорий, внутренних морских вод, территориального моря, земель и островов, находящихся под суверенитетом Российской Федерации, также её исключительную экономическую зону и континентальный шельф.

Прибрежное государство имеет исключительные права разведывать, разрабатывать и сохранять природные ресурсы на своём континентальном шельфе, осуществляя тем самым целевые суверенные права и юрисдикцию. В основе прав Российской Федерации на арктический шельф и его ресурсы – многовековые и значительные затраты Российского государства и СССР на изучение, освоение и использование полярных владений в своём секторе.

В настоящее время следствием обостряющейся конкуренции за доступ к природным

ресурсам Мирового океана и его транспортному потенциалу становится растущая интенсивность использования морских пространств в военных целях. Ожидаемые в XXI в. климатические изменения, связанные с тенденцией ускоренного потепления Арктики и таяния льдов (согласно прогнозам к 2050 г. площадь арктических льдов уменьшится до 40 %, они станут на 30 % тоньше, что существенно упростит и удешевит добычу углеводородов и судоходство по арктическим трассам), становятся факторами активизации морской хозяйственной и военной деятельности, в том числе неарктических государств. В Северном Ледовитом океане наращивается военно-морское присутствие арктических государств – членов НАТО (США, Канады, Норвегии, Дании), обладающих существенным военным потенциалом, создаются условия для применения военной силы против Российской Федерации.

При этом пределы распространения суверенных прав и юрисдикции Российской Федерации на пространства Северного Ледовитого океана и его природные ресурсы, определяемые в соответствии с международным правом, к настоящему времени не установлены: требуют уточнения исходные линии вдоль побережья Российской Федерации, от которых отмеряется ширина территориального моря, прилегающей зоны, исключительной экономической зоны и континентального шельфа Российской Федерации; не оформлена большая часть границ арктического шельфа – источника природных ресурсов Российской Федерации.

Российская Федерация унаследовала от СССР самое протяжённое арктическое побережье – 22 600 км, при общей длине береговой линии Северного Ледовитого океана 45 389 км, что предопределило преобладающую площадь российского полярного (арктического) сектора – 9 млн кв. км, при общей площади Арктики в пределах Северного полярного круга 21 млн кв. км [8]. При этом ресурсный потенциал большей части арктического шельфа российского сектора остаётся малоизученным.

С учетом того что в недрах морского дна Северного Ледовитого океана сосредоточены значительная часть доказанных мировых запасов углеводородных ресурсов, огромные запасы твёрдых минералов, в том числе руд цветных металлов, цена вопроса разграничения арктического шельфа меж-

ду Россией, Канадой, Данией, Норвегией и США, имеющими побережье в Северном Ледовитом океане, чрезвычайно высока.

Все изложенное позволяет заключить, что права Российской Федерации на арктический шельф нуждаются в квалифицированной международно-правовой защите.

Международно-правовой режим Северного Ледовитого океана, как представляется, есть определённая система норм и правил, которыми должны руководствоваться различные государства, сотрудничая друг с другом в освоении арктических морских пространств. Основное предназначение международного права – способствование миру и безопасности, устранение угроз войны предопределяет современную задачу международно-правового режима Северного Ледовитого океана – обеспечить бесконфликтное разграничение арктических морских пространств между прибрежными государствами – Российской Федерацией, Канадой, Данией, Норвегией и США при соблюдении их интересов, во многом несовпадающих.

Вектор усилий в решении данной задачи видится в выстраивании общего подхода пяти прибрежных государств к толкованию международно-правового режима Северного Ледовитого океана – в сближении, унификации национальных правовых систем этих государств, складывавшихся веками в результате правоприменительной практики, на основе тех универсальных норм Конвенции ООН по морскому праву 1982 г. [4], применимость которых к водным (ледовым) арктическим пространствам можно констатировать с достаточной степенью уверенности:

– под суверенитетом пяти прибрежных государств, наряду с сухопутными территориями, находятся внутренние морские воды и территориальное море (ст.ст. 2, 8 названной Конвенции). Эти же государства обладают преимущественными правами в отношении таких арктических морских пространств, как исключительная экономическая зона и континентальный шельф (чч. V – VI);

– нормы Конвенции 1982 г., предусматривающие образование таких частей открытого моря, как прилежащая зона, исключительная экономическая зона (разд. 4 ч. II и ч. V), приобрели характер обычных норм международного права и в таком качестве применимы к пространствам Северного Ледовитого океана всеми прибрежными государствами, включая неприсоединивши-

еся к указанной Конвенции США. В данном случае речь идёт о контрольных функциях по соблюдению таможенных, фискальных, иммиграционных или санитарных законов и правил, о суверенных правах в целях разведки, разработки и сохранения живых и неживых ресурсов, находящихся на дне, в его недрах и в покрывающих водах, в целях управления такими ресурсами и о других видах деятельности – производстве энергии путём использования воды, течения и ветра. Речь идёт также о юрисдикции в отношении создания и использования искусственных островов, сооружений и установок, морских научных исследований, защиты и сохранения морской среды (ст. 56).

Долгое время спорным оставался вопрос применимости к пространствам Северного Ледовитого океана принципа «свободы открытого моря», предполагающего свободное и беспрепятственное судоходство по международным морским путям.

Согласно оценкам советских учёных морские пространства, лежащие за пределами внутренних и территориальных вод Северного Ледовитого океана, имели мало общего с открытым морем в понимании Конвенции 1982 г.: «Арктический (Ледовитый) океан – в значительной мере гипотетическое понятие, своеобразная комбинация гипотетических вод и гипотетических островов, отличительные признаки которых в большинстве своём скрыты огромными массами льдов» [8, 152].

Вот одна весьма наглядная иллюстрация, приводимая в советской доктрине: «осуществление навигации в этих районах с помощью ледоколов больше выглядит как движение напролом по замёрзшему морю, чем свободное плавание с целью осуществления морской торговли, на котором базируется доктрина свободы открытого плавания. Плавание с помощью ледоколов является навигацией в открытом море в общепринятом смысле не больше чем плавание по каналу или канаве, проложенным плавучей драгой. Ледовое море, пересечённое таким способом, становится от этого морем не больше, чем становится морем суша, по которой проложен канал» (Partridge, B. *The White Shelf: a study of Arctic Ice Jurisdiction*. "U.S. Naval Institute Proceedings", 1961, № 87, h. 55) [8, 152].

В настоящее время международно-правовой статус водных пространств Северного Ледовитого океана за пределами 200 миль от исходных линий арктических

прибрежных государств определился: они представляют собой район открытого моря как по нормам Конвенции 1982 г. (ч. VII), так и по общему международному праву.

Однако правовой режим морских вод отличен от режима морского дна с его недрами: по-прежнему не решена проблема международно-правовой квалификации богатого природными ресурсами дна Северного Ледовитого океана.

Принимавшая Конвенцию 1982 г. III Конференция ООН по морскому праву (1973 – 1982), по оценкам советских учёных, проходила «в обстановке большого давления со стороны США и ряда других капиталистических государств, стремящихся открыть дорогу своим монополиям и захвату морских ресурсов» [9, 16]. Примечательно, что в период работы Конференции ООН по морскому праву в числе наиболее популярных отчётливо звучала тема внедрения «нового экономического порядка» – создания институтов глобального надгосударственного планирования и управления мировым (и даже космическим!) пространством – Всемирного Международного центрального банка, Всемирной организации по исследованию энергетических ресурсов и пр. Предлагавшиеся к рассмотрению на международных конференциях Международным океанским институтом, «Римским клубом» различные проекты («Мир на морях» и пр.), приобретающие обобщающее название – «перестройка международного порядка», свелись к идее постепенного перехода от «государства нации» к «мировой организации», к «уравниванию» в правах государств, производящих и потребляющих минеральные ресурсы, предполагали отказ от территориального или национального суверенитета, в пользу так называемого суверенитета функционального. Советские учёные выступали против создания подобных надгосударственных институтов и органов, вполне обоснованно и прозорливо усматривая в них угрозу размывания национальной юрисдикции, экспансии империалистического монополизма [3].

Провозглашённый в Конвенции 1982 г. новый правовой институт – «Международный район морского дна» – «общее наследие человечества», отразив актуальную политическую повестку, несомненно, обогатил объектный и субъектный состав международного морского права, вполне закономерно подтолкнув стран – участниц Конвенции к переосмыслению арктической правовой политики [4].

Будучи примеренным к пространствам Северного Ледовитого океана, данный конвенционный институт создал известную неопределённость в вопросе правовой квалификации режима морского дна. Возник вопрос: что представляет собой морское дно за пределами национальной юрисдикции арктических прибрежных государств с точки зрения конвенционных норм – «общее пространство» (международный район морского дна – «общее наследие человечества»), либо континентальный шельф пяти государств, подлежащий разграничению между ними?

Решение данного вопроса осложнено тем обстоятельством, что одно из пяти прибрежных государств – США, не присоединившись к Конвенции 1982 г., не признало действия в отношении себя института «общее наследие человечества» и не собирается ограничивать свой континентальный шельф в пользу международного района морского дна.

Не разрешив вопрос правовой квалификации подводных (подлёдных) пространств Северного Ледовитого океана, невозможно определить, на какое расстояние далее 200 морских миль от исходных линий распространяются суверенные права всех пяти прибрежных государств в целях разведки и разработки ресурсов арктического шельфа, и, следовательно, неопределённым остаётся объем их прав в верхележащих водах.

Очевидно, что способствовать устранению неопределённости позволят нормы, объединяющие пять прибрежных арктических государств. Выявить эти нормы поможет анализ содержания современного международно-правового режима Северного Ледовитого океана.

Единственной такой нормой, безусловно применимой к арктическим морям в пределах исключительной экономической зоны всех прибрежных стран, стала ст. 234 Конвенции 1982 г. – «покрытые льдом районы». «Особые ледовые условия Арктики, снижающие, а иногда и исключающие самоочищение этого района от загрязнения нефтью и другими поллютантами, вызвали к жизни более строгие правовые нормы охраны среды в этом регионе от загрязнения» [11, 45]. Ни одна другая конвенционная норма не призвана каким-либо образом учитывать географические особенности

полярных регионов, что не удивительно: по свидетельствам участников III Международной конференции ООН по морскому праву (1973 – 1982), прежде всего по публикациям известных канадских специалистов – А. Моррисона, Б. Бузана, Д. Мидлмисса, в ходе конференции отводились всякие попытки сделать Северный Ледовитый океан предметом её рассмотрения [10].

В результате рассмотрение арктических льдов и вод в качестве объекта полного и безусловного регулирования нормами Конвенции 1982 г. не обеспечивает их исчерпывающую международно-правовую квалификацию – одной лишь конвенционной нормы недостаточно для учёта особенностей Северного Ледовитого океана.

Неслучайно в Илулиссатской декларации 2008 г. пять арктических прибрежных государств, имеющих в Арктике свои внутренние воды, территориальное море, исключительную экономическую зону и континентальный шельф, включая США, согласились с тем, что жизнедеятельность в Северном Ледовитом океане регулируется целым массивом международно-правовых норм, специально не выделив при этом Конвенцию 1982 г., и констатировали, что «не видят необходимости в разработке нового всеобъемлющего международно-правового режима управления Северным Ледовитым океаном» («no need to develop a new comprehensive international legal regime to govern the Arctic Ocean») [14].

О том, что Конвенция 1982 г. не претендует на безусловную применимость ко всем пространствам Мирового океана, свидетельствует и оговорка в ее преамбуле: «Вопросы, не регулируемые настоящей Конвенцией, продолжают регламентироваться нормами и принципами общего международного права». Конвенция 1982 г. приобрела преимущественную силу над принятой по итогам I Конференции ООН по морскому праву Женевской конвенцией 1958 г. [14], но только между её участниками. В отношениях же со странами, не присоединившимися к Конвенции 1982 г., например с США, Женевские конвенции сохраняют свою силу. При этом сохраняют своё значение и договоры XIX в. – Конвенция 1825 г. [15] и Конвенция 1867 г. [16], положившие начало формированию обычая секторального разграничения полярных владений, получившего своё отражение при разграничении арктических пространств по советско-американскому соглашению 1990 г. [3], россий-

ско-норвежскому договору 2010 г. [11], при принятии национально-законодательных актов Канады и СССР [1].

В советской международно-правовой доктрине было обращено внимание на недопустимость обобщения морских пространств Арктики рамками какого-либо универсального правового режима: «исходя из практики ряда государств... можно считать твердо установившимся взгляд, согласно которому моря Арктики не имеют и не могут иметь единого правового режима» [13]. «Вопрос о правовом режиме арктических морей решается в отношении каждого моря особо, исходя из общих принципов международного права, фактически сложившегося и имеющего многолетнее применение и признание порядка, из соображений политических, оборонных, экономических и иных, определяющих правовой режим того или иного морского пространства» [13].

Эволюционному развитию, диктуемому политическими и экономическими процессами, безусловно, подвержено международное право, которое, как принято считать, отражает процессы в общественной жизни: рождение всякой новой правовой нормы – это результат назревшей потребности в регулировании постоянно меняющихся международных отношений, усложнение которых требует современного механизма правового регулирования, а возрастание конфликтности – все более тонких и сложных правовых инструментов её преодоления.

Так, потребность в обновлении механизма правового регулирования морской деятельности были вызваны институализация Женевской конвенцией 1958 г. правового понятия «континентальный шельф», а также дополнение Конвенцией 1982 г. перечня уже известных правовых институтов такими как «исключительная экономическая зона», «международный район морского дна» – «общее наследие человечества».

Применяя универсальные конвенционные институты к пространствам Северно-

го Ледовитого океана, следует помнить, что его международно-правовой режим сложился как образование комплексное, неоднородное (в силу принадлежности составляющих его правовых норм к разным уровням правотворчества и правоприменения), отразившее в себе воздействие не только глобального, но и национального, регионального уровней правового регулирования, формировавшихся веками.

Неизбежная модернизация правовых систем, происходящая в рамках непрерывной социальной эволюции (основы которой были заложены Г. Спенсером ещё до разработки Ч. Дарвином общей теории биологической эволюции), не сводится к простому изменению, это – «процесс структурной реорганизации во времени», в результате которого возникает новая «форма или структура, качественно отличающаяся от предшествующей» [15].

Важность соблюдения в данном случае баланса между современностью и традиционностью отмечается в теории модернизации, предостерегающей от любого нарушения такого равновесия, способного вызвать острый общественный конфликт и неудачу модернизации [21; 9].

Соблюдение при толковании международно-правового режима Северного Ледовитого океана баланса между традициями – правовым обычаем секторального деления полярных владений и универсальными нормами конвенций 1958 и 1982 гг. позволит учитывать и эффективно использовать естественные географические преимущества и исторические правооснования России в Арктике, а значит, и права России на арктический шельф. В балансе международно-правовых норм и принципов прошлого – издавна сложившегося в Арктике правового обычая секторального деления и настоящего – универсальных норм конвенций 1958 и 1982 гг. – залог успеха в отвечающем интересам национальной безопасности России решении задачи – бесконфликтном разграничении арктического шельфа.

ЛИТЕРАТУРА

1. Об объявлении территорией Союза ССР земель и островов, расположенных в Северном Ледовитом океане: постановление Президиума ЦИК СССР от 15 апр. 1926 г. // Собр. законодательства СССР. – 1926. – № 32. – Ст. 203.
2. Основы государственной политики Российской Федерации в Арктике на период до 2020 года и дальнейшую перспективу: утв. Президентом Рос. Федерации 18 сент. 2008 г. № Пр-1969 [Электронный ресурс]. – Документ

- опубликован не был. – Режим доступа: <http://www.consultant.ru/> (дата обращения: 21.04.2018).
3. Соглашение между СССР и Соединенными Штатами Америки о линии разграничения морских пространств (Вашингтон, 1 июня 1990 г.) // Бюл. междунар. договоров. – 2008. – № 1. – С. 33 – 37.
 4. Конвенция Организации Объединенных Наций по морскому праву (Монтего-Бей, 10 дек. 1982 г.) // Бюл. междунар. договоров. – 1998. – № 1. – Ст. 3 – 168.
 5. Конвенция о континентальном шельфе (Женева, 29 апр. 1958 г.) // Сборник действующих договоров, соглашений и конвенций, заключенных СССР с иностранными государствами. – М., 1970. – Вып. 23. – С. 101 – 105.
 6. Конвенция об уступке Северо-Американским Соединенным Штатам Российских Северо-Американских колоний (Конвенция об уступке Аляски 1867 г.) // Арктический регион: проблемы международного сотрудничества: хрестоматия: в 3 т. / под общ. ред. И.С. Иванова [и др.]; Рос. совет по междунар. делам; редкол.: В.И. Богоявленский [и др.]. – М., 2013. – Т. 3 – С. 77 – 82.
 7. Санкт-Петербургская Конвенция с Англией относительно разграничения обоюдных пространств владений России и Англии в Северной Америке (Русско-Английская Конвенция 1825 г.) // Арктический регион: проблемы международного сотрудничества: хрестоматия: в 3 т. / под общ. ред. И.С. Иванова; сост.: И.Н. Тимофеев [и др.]; Рос. совет по междунар. делам; редкол.: В.И. Богоявленский [и др.]. – М., 2013. – Т. 3 – С. 73 – 77.
 8. Большая советская энциклопедия: в 30 т. / гл. ред. А.М. Прохоров. – М.: Совет. энцикл., 1969 – 1978 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://enc-dic.com/enc_sovet/Arktika-70300/ (дата обращения: 21.04.2018).
 9. Бауман З. Глобализация. Последствия для человека и общества / З. Бауман. – М.: Весь Мир, 2004. – 188 с.
 10. Вылегжанин А.Н. Правовое положение Арктического региона в документах / А.Н. Вылегжанин // Арктический регион: проблемы международного сотрудничества: хрестоматия: в 3 т. / под общ. ред. И.С. Иванова; сост.: И.Н. Тимофеев [и др.]; Рос. совет по междунар. делам; редкол.: В.И. Богоявленский [и др.]. – М., 2013. – Т. 3 – С. 11 – 44.
 11. Договор между Российской Федерацией и Королевством Норвегия о разграничении морских пространств и сотрудничестве в Баренцевом море и Северном Ледовитом океане [г. Мурманск, 15 сент. 2010 г.] / Бюл. междунар. договоров. – 2011. – № 12. – С. 79 – 85.
 12. Еремин Н.А. Ресурсная база нефти и газа арктического шельфа России / Н.А. Еремин, А.Т. Кондратюк, А.Н. Еремин; Ин-т проблем нефти и газа РАН [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.ipng.ru/files/_0c7ee907-47d4-453a-8133-cc43a481f478-EreminNA_Kondrat%27uk_EreminAN_2010_Resource_base.pdf (дата обращения: 21.04.2018).
 13. Жудро А.К. Морское право / А.К. Жудро, Ю.Х. Джавад. – М.: Транспорт, 1974. – 384 с.
 14. Илулиссатская декларация от 28 мая 2008 г. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.oceanlaw.org/downloads/arctic/Iluulissat_Declaration.pdf (дата обращения: 21.04.2018).
 15. Классен Х.И. Проблемы, парадоксы и перспективы эволюционизма. Альтернативные пути к цивилизации / Х.И. Классен; ред. Н.Н. Крадин [и др.]. – М.: Логос, 2000. – 370 с.
 16. Конторович А.Э. Пути освоения ресурсов нефти и газа российского сектора Арктики / А.Э. Конторович // Вестн. Рос. акад. наук. – 2015. – №. 85. – С. 420 – 430.
 17. Колодкин А.Л. Некоторые вопросы международного морского права на VII Международной конференции «Мир на морях» / А.Л. Колодкин // Актуальные проблемы морского права. Материалы VI общ. собр. 1976 г. / Гос. проект. – изыскат. и НИИ мор. Трансп. «Союзморниипроект», Сов. Ассоц. Мор. Права. – М.: Транспорт, 1978. – С. 26 – 33.
 18. Молодцов С.В. К итогам работы пятой сессии III Конференции ООН по морскому праву / С.В. Молодцов // Актуальные проблемы морского права. Материалы VI общ. собр. 1976 г. / Гос. проект. – изыскат. и НИИ мор. Трансп. «Союзморниипроект», Сов. Ассоц. Мор. Права. – М.:

- Транспорт, 1978. – С. 15 – 19.
19. Лазарев М.И. Теоретические вопросы современного международного морского права / М.И. Лазарев. – М.: Наука, 1983. – 301 с.
 20. Российская Арктика: современная парадигма развития / А.И. Татаркин [и др.]; под ред. А.И. Татаркина; Рос. гуманитар. науч. фонд. – СПб.: Нестор-История, 2014. – 843 с.: ил. – (Россия в Арктике: история, современность, перспективы).
 21. Хантингтон С. Столкновение цивилизаций / С. Хантингтон. – М.: АСТ, 2003. – Научная библиотека диссертаций и авторефератов disserCat [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.dissercat.com/content/kulturnoe-mnogobrazie-chelovechestva-v-usloviyakh-globalizatsii#ixzz5AZuM1pno> (дата обращения: 21.04.2018).
 22. End-of-Summer Arctic Sea Ice Extent Is Eighth Lowest on Record. By Maria-José Viñas. NASA's Earth Science News Team. Last Updated: Sept. 29, 2017 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.nasa.gov/feature/goddard/2017/end-of-summer-arctic-sea-ice-extent-is-eighth-lowest-on-record> (дата обращения: 21.04.2018).

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ

Жудро Иван Сергеевич,

кандидат юридических наук, заслуженный юрист Российской Федерации, начальник Департамента Управления Президента Российской Федерации по внешней политике 111033, г. Москва, ул. Волочаевская, д. 3/4
E-mail: joudreaux50@gmail.com

EXPERT OPINION

ON THE PROBLEM OF INTERNATIONAL LEGAL QUALIFICATION OF THE ARCTIC OCEAN MARITIME SPACES

Ivan S. JUDRO

Abstract. The article is devoted to the consideration of problematic issues related to the international legal qualification of the sea areas of the Arctic ocean. The author bases his conclusion that the goal of protecting Russia's rights to the Arctic shelf will be promoted by such interpretation of the international legal regime of

the Arctic ocean, which takes into account the importance of maintaining a balance between the present and traditions. In the balance of the international legal norms and principles of the past there are, according to the author, the key to success in solving the problem of conflict – free delimitation of the Arctic shelf in the interests of Russia's national security.

Keywords: Arctic ocean, Arctic shelf, continental shelf, international legal regime, jurisdiction.

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Judro Ivan Sergeevich,
candidate of law, honored lawyer of the Russian Federation,
head Of the Department of foreign policy of the President Of the Russian Federation
3/4 Volochaevskaya Str., Moscow, 111033, Russian Federation
E-mail: joudreaux50@gmail.com

REFERENCES

1. About the announcement of the territory of the USSR of the lands and Islands located in the Arctic ocean: the resolution of Presidium of the CEC of the USSR of 15 APR. 1926 / / SOBR. legislation of the USSR. - 1926. - №32. - St. 203.
2. Fundamentals of state policy of the Russian Federation in the Arctic for the period up to 2020 and beyond: UTV. President Grew. Federation, 18 Sept. 2008 № PR-1969 [Electronic resource]. - The document was not published. – Mode of access: <http://www.consultant.ru/> (accessed: 21.04.2018).

3. Agreement between the USSR and the United States of America on the Maritime boundary line (Washington, June 1, 1990) // *bull. international. contracts*'. - 2008. - № 1. - P. 33 – 37.
4. United Nations Convention on the law of the sea (Montego Bay, 10 Dec. 1982) // *Byul. international. contracts*'. - 1998. - № 1. - St. 3 – 168.
5. Convention on the continental shelf (Geneva, 29 APR. 1958) // *Collection of existing treaties, agreements and conventions concluded by the USSR with foreign States*. - M., 1970. - Vol. 23. - P. 101 – 105.
6. Convention on the assignment of the North American United States of the Russian North American colonies (Convention for the cession of Alaska 1867) // *the Arctic region: problems of international cooperation: the textbook: in 3 t. / under the General editorship of I. S. Ivanov [et al.]; ROS. international Council. Affairs; rare.: V. I. Bogoyavlensky [et al.]*. - M., 2013. - Vol. 3-P. 77-82.
7. The St. Petersburg Convention with England concerning the delimitation of the mutual spaces of the possessions of Russia and England in North America (English-Russian Convention of 1825) // *the Arctic region: problems of international cooperation: the textbook: in 3 t. / under the General editorship of I. S. Ivanov; ed.: I. N. Timofeev [and others]; Grew. international Council. Affairs; rare.: V. I. Bogoyavlensky [et al.]*. - M., 2013. - Vol. 3-P. 73-77.
8. Great Soviet encyclopedia: in 30 t / chief editor A. M. Prokhorov. - M.: Advice. an encycle., 1969 – 1978 [Electronic resource]. - Mode of access: http://enc-dic.com/enc_sovet/Arktika-70300/ (accessed: 21.04.2018).
9. Bauman Z. Globalization. Consequences for man and society / Z. Bauman. - M.: The Whole World, 2004. - 188 p.
10. Vylegzhanin A. N. The legal status of the Arctic region in documents / A. N. Vylegzhanin // *the Arctic region: problems of international cooperation: the textbook: in 3 t. / under the General editorship of I. S. Ivanov; ed.: I. N. Timofeev [and others]; Grew. international Council. Affairs; rare.: V. I. Bogoyavlensky [et al.]*. - M., 2013. Vol. 3 – Pp. 11 – 44.
11. Agreement between the Russian Federation and the Kingdom of Norway on Maritime delimitation and cooperation in the Barents sea and the Arctic ocean [Murmansk, September 15. 2010] // *Byul. international. contracts*'. - 2011. - № 12.
12. Eremin N. Ah. Resource base of oil and gas of the Arctic shelf of Russia / N. Ah. Eremin, A. T. Kondratyuk, A. N. Eremin; Institute of oil and gas problems of RAS [Electronic resource]. - Mode of access: http://www.ipng.ru/files/_0c7ee907-47d4-453a-8133-cc43a481f478-EreminNA_Kondrat%27uk_EreminAN_2010_Resource_base.pdf (date accessed: 21.04.2018).
13. Zhudro A. K. the law of the Sea / judro, J. H. JH. - Moscow: Transport, 1974. - 384 p.
14. Ilulissat Declaration of 28 may 2008 [Electronic resource]. - Mode of access: http://www.oceanlaw.org/downloads/arctic/Ilulissat_Declaration.pdf (date accessed: 21.04.2018).
15. Classen H.Y. Problems, paradoxes and prospects of evolutionism. Alternative routes to civilization /..... Cool; ed N. N. Kradin [and others]. - M.: Logos, 2000. - 370 p.
16. Kontorovich A. E. oil and gas resources development In the Russian sector of the Arctic. *Grown. Akad. sciences*'. - 2015. - no. 85.- S. 420 – 430.
17. Some issues of international law of the sea at the VII international conference "The world of the sea" // A. L. Kolodkin // *Actual problems of the law of the sea. VI. Coll. 1976 / State. project. - exquisite. and research more. Transp. "Soyuz-morniiproekt"*, Sov. Assoc. Mohr. Rights. - Moscow: Transport, 1978. - P. 26 – 33.
18. Molodtsov S.V. to the results of the fifth session of the III UN Conference on the law of the sea / S. V. Molodtsov // *Actual problems of the law of the sea. VI. Coll. 1976 / State. project. - exquisite. and research more. Transp. "Soyuz-morniiproekt"*, Sov. Assoc. Mohr. Rights. - Moscow: Transport, 1978. - P. 15 – 19.
19. Lazarev M.I. Theoretical questions of contemporary international law of the sea / M. I. Lazarev. - Moscow: Science, 1983. - 301 p.
20. Russian Arctic: the modern paradigm of development / A. I. Tatarin; ed. the Humanities. scientific. fund. - SPb.: Nestor-History, 2014. - 843 p.: Il. -(Russia in the Arctic: history, modernity, prospects).
21. Huntington S. Clash of civilizations / S. Huntington. - Moscow: ACT, 2003. - Scientific library of dissertations and abstracts disserCat [Electronic resource]. - Mode of access: <http://www.dissercat.com/content/kulturnoe-mnogobrazie-chelovechestva-v-usloviyakh-globalizatsii#ixzz5AZuM1pno> (date accessed: 21.04.2018).
22. At the end of summer, the extent of Arctic sea ice is the eighth lowest in history. Author Maria-José Viñas. NASA's Earth science news team. Last Updated: September. 29 2017, [Electronic resource]. - Mode of access: <https://www.nasa.gov/feature/goddard/2017/end-of-summer-arctic-sea-ice-extent-is-eighth-lowest-on-record> (date accessed: 21.04.2018).

НАУЧНАЯ ШКОЛА «ПРАВОВОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ ФИНАНСОВОГО ОБЕСПЕЧЕНИЯ ВООРУЖЕННЫХ СИЛ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ»

Аннотация. В Военном университете состоялось заседание межкафедрального круглого стола «Актуальные проблемы пра-

вового регулирования деятельности субъектов военно-технического сотрудничества Российской Федерации».

Ключевые слова: научная школа, военно-техническое сотрудничество, правовое регулирование

В Военном университете 23 октября 2018 года в рамках постоянно действующего научно-исследовательского семинара, проводимого в соответствии с планом развития военно-научной школы «Правовое регулирование финансового обеспечения Вооруженных Сил Российской Федерации» состоялось заседание межкафедрального круглого стола «Актуальные проблемы правового регулирования дея-

тельности субъектов военно-технического сотрудничества Российской Федерации».

Приветствуя участников мероприятия, начальник Военного университета Министерства обороны Российской Федерации генерал-лейтенант Мишуткин Игорь Викторович, кандидат юридических наук, доцент, отметил значимость военно-технического сотрудничества Российской Федерации в современных условиях,

роль правового сопровождения деятельности субъектов, осуществляющих производство и экспорт вооружений и военной техники, для поддержания всеобъемлющей безопасности России как суверенного государства. И.В. Мишуткин особо отметил, что конкурентные преимущества российской военной техники и вооружений, наглядно продемонстрированные в ходе их применения в ходе проведения специальных операций Вооруженных Сил Российской Федерации за пределами Российской Федерации, должны быть подкреплены эффективным правовым механизмом обеспечения деятельности субъектов военно-технического сотрудничества Российской Федерации в сложных геополитических и экономических условиях, и пожелал участникам мероприятия успехов на научном поприще, плодотворной работы в интересах дальнейшего развития военно-правового знания, в целях поддержания лидирующих позиций Российской Федерации на мировой арене в области экспорта вооружений и военной техники, обеспечения обороноспособности государства.

Заведующий кафедрой военной администрации, административного и финансового права Сливков Антон Сергеевич, кандидат юридических наук, отметил значимость теоретической проработки вопросов военно-технического сотрудничества Российской Федерации, необходимость практической апробации результатов военно-научных исследований по проблемам военного права, использования боевого опыта войск для формулирования предложений по устранению пробелов и противоречий действующего законодательства, сформулировал перспективные направления комплексных правовых исследований по данной проблематике.

Профессор кафедры военной администрации, административного и финансового права Землин Александр Игоревич, доктор юридических наук, профессор, Заслуженный деятель науки Российской Федерации, член диссертационного совета по военному праву, руководитель военно-научной школы, в своем выступлении проанализировал типичные недостатки, характерные для исследований по военно-правовой проблематике, указав на необходимость более широкого

использования достижений правовой герменевтики, системно-функционального и структурно-деятельностного подхода, специально-юридических методов военно-правового исследования в интересах всестороннего анализа различных аспектов правового регулирования военно-технического сотрудничества.

Соискатель ученой степени кандидата юридических наук Борисова Дарья Олеговна раскрыла проблемные вопросы правового регулирования военно-технического сотрудничества Российской Федерации в условиях режима санкций со стороны США и стран Евросоюза в отношении особо важных субъектов военно-технического сотрудничества. Отметив необходимость неотложных мер по совершенствованию правового положения субъектов военно-технического сотрудничества, Борисова Д.О. обосновала принципиальные подходы к решению этой проблемы, а также сформулировала ряд конкретных предложений по совершенствованию законодательства, подкрепив выводы и умозаключения ссылками на результаты авторских исследований.

Заведующая кафедрой конституционного (государственного) и международного права Синяева Нателла Александровна, кандидат юридических наук, доцент, предложила на обсуждение присутствующим актуальные направления исследования вопросов военно-технического сотрудничества в контексте предметной составляющей военных проблем между-

народного права.

Заведующий кафедрой трудового права, гражданского и арбитражного процесса Ковалев Вячеслав Игоревич, кандидат юридических наук, доцент, обратил внимание участников круглого стола на наличие многочисленных проблем правоприменения, проистекающих из коллизии и пробельности законодательства, устанавливающего правовое положение субъектов военно-технического сотрудничества и сформулировал предложения по внесению соответствующих изменений в нормативные правовые акты.

Заведующий кафедрой гражданского права Субботин Георгий Викторович, кандидат юридических наук, доцент, акцентировал внимание на необходимости анализа частно-правовых аспектов деятельности субъектов военно-технического сотрудничества и использования гражданско-правовых средств защиты их интересов, а также представил разработки специалистов кафедры по данной проблематике.

Заведующий кафедрой уголовного права Михалев Владимир Анатольевич, кандидат педагогических наук, доцент, проанализировав отдельные актуальные вопросы правового регулирования военно-технического сотрудничества, обратил внимание присутствующих на необходимость исследования опыта применения отечественных вооружений в ходе проведения специальных операций Вооруженных Сил Российской Федерации за пределами Российской Федерации, проинформировав о перспективных направлениях военно-правовых исследований в данном направлении.

Старший преподаватель кафедры военной администрации, административного и финансового права Шнякина Татьяна Сергеевна, кандидат юридических наук, обратила внимание на необходимость комплексного научного анализа явлений военно-правовой действительности, учета возможностей методологических подхо-

дов различных институциональных образований военного права для формирования единой целостной картины в рамках научного исследования по проблематике военно-технического сотрудничества.

Доцент кафедры гражданского права Слепко Галина Евгеньевна, кандидат филологических наук, доцент, представила результаты авторского исследования отдельных аспектов международно-правового регулирования экспорта вооружений и военной техники, а также особенностей национальных правовых режимов, установленных для субъектов военно-технического сотрудничества рядом зарубежных государств.

Старший помощник начальника отдела (организации научной работы и подготовки научно-педагогических кадров) капитан Байдинов Константин Геннадьевич высказал мнение о том, что поскольку такого рода мероприятия имеют особое значение для становления молодых ученых, поскольку позволяют им определиться в многообразии перспективных для военно-научного исследования тем, а также в выборе наиболее эффективного поисково-аналитического инструментария, постольку целесообразно их проведение на систематической основе.

Подводя итоги состоявшейся дискуссии, начальник отдела (организации научной работы и подготовки научно-педагогических кадров) полковник Хлебников Юрий Станиславович, кандидат исторических наук, доцент, высоко оценив качество и значение проведенного мероприятия, поблагодарил присутствующих за активную работу, отметив, что по результатам круглого стола будут сформулированы предложения по актуализации тем перспективных научных исследований, дальнейшему совершенствованию работы с адъюнктами и докторантами в интересах обеспечения актуализации боевого опыта войск, приращения военно-правового знания в рамках развития военно-научных школ Военного университета.

Abstract. The Military University held a meeting of the interdepartmental round table "Actual problems of legal regulation of the subjects

of military-technical cooperation of the Russian Federation".

Keywords: scientific school, military-technical cooperation, legal regulation

РАТНЫЕ ПОДВИГИ ВОЕННЫХ ПРОКУРОРОВ И СЛЕДОВАТЕЛЕЙ В ГОДЫ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ 1941-1945 ГГ.

9 ДЕКАБРЯ ОТМЕЧАЕТСЯ ДЕНЬ ГЕРОЕВ ОТЕЧЕСТВА

Памятную дату «День Героев Отечества» в Российской Федерации отмечают с 28 февраля 2007 года. В этот день чествуют Героев Советского Союза, Героев Российской Федерации, кавалеров ордена Святого Георгия и ордена Славы.

Памятная дата России это не только дань уважения гражданам, удостоенным столь высокого звания, в первую очередь дата призвана способствовать формированию в обществе идеалов самоотверженного и бескорыстного служения Отечеству.

Как истинные патриоты своей Родины военные прокуроры и следователи всегда готовы встать на ее защиту и с оружием в руках сражаться с захватчиками, спасая жизни будущих поколений. Так было в годы Великой Отечественной войны.

В День памяти и скорби 22 июня 2018 года на территории Главной военной прокуратуры в Москве был открыт памятник военным прокурорам и следователям, воювавшим на фронтах Великой Отечественной. Монумент «Военным прокурорам и следователям Великой Отечественной войны» символизирует доблестное исполнение офицерами военной юстиции воинского и профессионального долга на полях сражений Великой Отечественной войны.

Модель композиции выполнена народным художником Российской Федерации скульптором В.А. Суровцевым и представляет собой стоящую на гранитном постаменте бронзовую фигуру офицера во фронтовой шинели с погонами капитана юстиции, сжимающего в правой руке автомат ППШ, а левой открывающего полевую сумку с процессуальными документами.

За этим образом - семь тысяч солдат и офицеров подразделений ГВП. Каждый четвертый из них погиб во время сражений – под Москвой, на Украине, в Польше, Германии. 11 героев Советского Союза – после войны стали военными юристами.

Военные прокуроры не только героически исполняли свои служебные обязанности, но и являлись примером мужества и стойкости. Самоотверженный труд работников военной прокуратуры, внесших свой вклад в достижение победы над врагом, был высоко оценен. Более 1800 военных следователей и прокуроров за личную доблесть и заслуги перед Родиной награждены орденами и медалями. Однако не всем работникам прокуратуры довелось встретить День Победы.

Трагична судьба настоящего героя, патриота нашей Родины и мужественного человека – Алексея Ивановича Муругова, исполнявшего обязанности прокурора Москвы с июля 1938 г. по 26 июня 1940 года.

Муругов ушел на фронт 2 июля 1941 г. добровольцем. При призыве ему было присвоено звание военюриста 3 ранга и выдано предписание на должность военного прокурора 242-й стрелковой дивизии Московского военного округа.

2 октября 1941 г. началось генеральное наступление противника на Москву по плану «Тайфун», после чего 242-я стрелковая дивизия оказалась в окружении севернее Вязьмы. При прорыве дивизии из окружения А.И. Муругов стал числиться пропавшим без вести. В мае 1942 г. семье пришло об этом официальное извещение. Однако жизненный путь А.И. Муругова на этом не закончился.

Как стало известно, в период нахождения 242-й дивизии в окружении во время налета фашистской авиации А.И. Муругов получил тяжелое ранение (взрывом оторвало часть ноги) и попал в плен. Судьба уготовила ему стать узником нацистского лагеря смерти Маутхаузен (Австрия). В 1938-1945 годах в этом концлагере в заключении находилось около 335 тысяч военнопленных из разных стран. Казнено и замучено фашистами свыше 122 тысяч узников, в том числе более 32 тысяч советских граждан. Среди них –

генерал-лейтенант Д.М. Карбышев.

При пленении Муругов скрыл свою настоящую биографию и представился под вымышленной фамилией «Громов». В концлагере Алексей Иванович стал подпольщиком. Однако в результате предательства был обвинен в сопротивлении и отправлен в зондерблок № 20. Барак даже в зимнее время не отапливался. В оконных проемах не было стекол – только решетки. Нар в блоке тоже не было. Зимой эсэсовцы заливали из шланга пол в помещении водой, которая постепенно превращалась в ледяную корку. Узников заставляли ложиться спать на пол, и многие погибали от переохлаждения.

Муругова фашисты подвергли изощренным пыткам, чтобы он назвал других участников подполья и сообщил о планах организации. Но этот мужественный человек проявил героизм, стойкость и никого не предал – благодаря этому подпольная организация сохранилась и продолжила подготовку побега. Вместе с десятью другими советскими военнопленными Муругова сожгли в крематории 21 июня 1943 года.

Это всего один эпизод теперь уже далеких лет страшной войны. Однако память обо всех погибших, умерших от ран навсегда сохранится в сердцах потомков.

На фото - Муругов Алексей Иванович

ПРАВИЛА НАПРАВЛЕНИЯ, РЕЦЕНЗИРОВАНИЯ И ОПУБЛИКОВАНИЯ НАУЧНЫХ СТАТЕЙ В ЖУРНАЛЕ «ВЕСТНИК ВОЕННОГО ПРАВА»

ОБЩИЕ ТРЕБОВАНИЯ

1. Основным содержанием рецензируемого научного издания – журнала «Вестник военного права» (далее – Журнал) являются научные статьи, научные обзоры, научные рецензии и отзывы, которые соответствуют научным специальностям, по которым Журнал включён в перечень рецензируемых научных изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание учёной степени кандидата наук, на соискание учёной степени доктора наук.
2. Направляемые в Редакцию для публикации научные статьи должны содержать основные научные результаты, самостоятельно полученные авторами в ходе проведения научных исследований, обладать актуальностью, практической значимостью, научной новизной и представлять интерес для специалистов.
3. Научные статьи, подготовленные по научной специальности, входящей в группы 12.00.00 «Юриспруденция», 20.00.00 «Военные науки», должны в соответствии с наименованием и тематикой журнала содержать раскрытие военно-правовых вопросов по теме статьи.
4. Представление в Редакцию статей, ранее опубликованных, размещённых в сети «Интернет» или направленных на публикацию в другие издания, не допускается.
5. При использовании результатов чужих исследований или чужих научных идей обязательна ссылка на источник публикации и авторов этих сведений. Все материалы, направляемые в редакцию Журнала, проходят обязательную проверку на плагиат в системе «Антиплагиат. ВУЗ». Допускаемый порог оценки оригинальности составляет 60% и более текста статьи.
6. В одном номере Журнала может быть опубликовано не более двух материалов одного автора, даже если он выступает соавтором.
7. К статьям прилагаются сведения об авторе (авторская справка).
8. Представляемые к изданию статьи, в которых содержатся сведения, находящиеся в компетенции Военного университета, проходят обязательную экспертизу в соответствии с требованиями Инструкции о порядке подготовки в Вооружённых Силах Российской Федерации материалов к открытому опубликованию.
9. Авторы, в статьях которых содержатся сведения, не находящиеся в компетенции Военного университета, вместе с рукописью представляют экспертное заключение о возможности опубликования статьи в открытой печати, заверенное подписью руководителя и скреплённое печатью организации.
10. Рукописи адъюнктов, аспирантов, слушателей, курсантов, студентов принимаются к рассмотрению только при наличии отзыва научного руководителя или преподавателя с рекомендацией к опубликованию статьи.
11. Принятые к рассмотрению рукописи в обязательном порядке подвергаются рецензированию и в случае положительного результата его прохождения – научному, литературному редактированию и корректуре.
12. Электронные версии полнотекстовых типографских номеров Журнала (полнотекстовые варианты статей) в обязательном порядке размещаются в сети «Интернет» на сайте Журнала и в системе Российского индекса научного цитирования (РИНЦ) на платформе Научной электронной библиотеки (www.elibrary.ru) в открытом доступе.
13. Переписка с авторами осуществляется только по электронной почте.
14. Все материалы публикуются в Журнале на безвозмездной основе: плата с авторов не взимается, гонорар им не выплачивается.
15. Перепечатка, воспроизведение и иное использование материалов, опубликованных в Журнале, возможны только по согласованию с Редакцией с обязательным указанием названия, номера и года издания Журнала.
16. При цитировании ссылки на Журнал и авторов публикаций обязательны.

Представляя научную статью в Редакцию автор подтверждает, что ознакомлен с полной версией Правил направления, рецензирования и опубликования научных статей в журнале «Вестник военного права», размещённой на сайте Журнала.

RULES OF SENDING, REVIEWING AND PUBLISHING SCIENTIFIC ARTICLES IN THE “VESTNIK VOENNONGO PRAVA” JOURNAL (THE JOURNAL OF MILITARY LAW)

GENERAL REQUIREMENTS

1. The main content of the peer-reviewed scientific journal “Vestnik Voennongo Prava” (The Journal of Military Law) (hereinafter – “the Journal”) is the scientific articles, scientific surveys, scientific reviews, testimonies that correspond to groups of scientific specialties, according to which the Journal is included in the list of peer-reviewed scientific editions for publishing main scientific results of dissertations for the academic degree of Candidate of Sciences and the academic degree of Doctor of Sciences.
2. The scientific articles sent to the Editorial Office for publication should contain the main scientific results obtained independently by the authors in the course of scientific research, have relevance, practical significance, scientific novelty and be of interest to specialists.
3. Scientific articles prepared on the scientific specialty, which is part of the 12.00.00 “Jurisprudence” and 20.00.00 “Military Sciences” groups, should, in accordance with the name and subject matter of the Journal, disclose military-legal issues on the topic of the article.
4. Submission to the Editorial Office of materials previously published, posted on the Internet or sent for publication to other publishing house is not allowed.
5. In case of using the results of someone else's researches or scientific ideas, a reference to the source of the publication and the authors of this information is mandatory. All materials sent to the Editorial Office of the Journal undergo mandatory test for plagiarism in the “Antiplagiat.VUZ” system. The originality of the article should be 60% or more.
6. No more than two materials of one author can be published in one issue of the Journal, even if he is a co-author.
7. The information about the author (author's background) is attached to the articles.
8. The articles submitted for publication that contain information within the competence of the Military University are subject to compulsory examination in accordance with the requirements of the Instruction on the Procedure for Preparing Materials for Open Publication in the Armed Forces of the Russian Federation.
9. The authors whose articles contain information not falling within the competence of the Military University together with the manuscript should present an expert opinion on the possibility of publishing an article in the open press certified by the signature of the head officer and sealed with the organization seal.
10. The manuscripts of adjuncts, post-graduate students, attendees, cadets and students are accepted for consideration only if there is a review of the scientific supervisor or lecturer with a recommendation to publish the article.
11. The manuscripts accepted for consideration are necessarily subjected to peer review and in case of a positive result of the review, they are subjected to scientific & literary editing and proofreading.
12. The online versions of the full-text typographic issues of the Journal (the full-text versions of the articles) are compulsorily placed in the Internet on the Journal's website (www.vestnik-vp.ru) and in the Russian Science Citation Index (RSCI) on the platform of the Scientific Electronic Library (www.elibrary.ru) in the public domain.
13. Communication with authors is carried out only by e-mail.
14. All materials are published in the Journal free of charge: no fee is charged to the authors, no fee is paid to the authors.
15. Reprinting, reproduction and other use of materials published in the Journal are possible only with the approval of the Editorial Office, with obligatory indication of the title, number and year of the Journal issue.
16. It is obligatory to refer to the Journal and authors of the publications when quoting.

Presenting a scientific article to the Editorial Office, the author confirms that he/she is acquainted with the full version of the Rules of sending, reviewing and publishing scientific articles in the “Vestnik Voennongo Prava” journal (The Journal of Military Law), posted on the Journal's website.